

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

IX.

S. Freud.

ПСИХОАНАЛИЗЪ ДѢТСКАГО СТРАХА.

Книгоиздательство
„НАУКА“.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

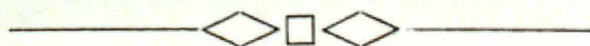
Д-ровъ Н. Е. Семенова и В. Б. Фельцмана.

Вып. IX.

Психоанализъ дѣтскаго страха.

(Анализъ фобіи 5-тилѣтнаго мальчика).

Prof. Dr. Sigm. Freud'a.

Авторизированный переводъ.

Зал-6

МОСКВА. 1913.

Книгоиздательство „НАУКА“.

Б. Никитская, 10. Тел. 254—99.

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY

DIE PSYCHOANALYTISCHE HOCHSCHULE IN BERLIN

Предисловіе къ переводу.

Въ основаніи работы, переводъ которой предлагается вниманію читателей, лежитъ анализъ **одного** только случая дѣтскаго страха. И тѣмъ не менѣе редакція „Психотерапевтической библіотеки“ остановилась на ней потому, что работа эта представляетъ собой единственное въ литературѣ изслѣдованіе дѣтскихъ страховъ при помощи психоанализа. Въ то же время трудно придумать лучшую иллюстрацію для метода и болѣе удачно сложившійся случай въ смыслѣ типичности. Выборъ этой работы зависитъ и отъ плана, который намѣтила себѣ редакція. Здѣсь Freud больше, чѣмъ въ другихъ своихъ работахъ, становится на путь, который мы считаемъ неизбѣжнымъ для психіатра-психотерапевта: „отъ психоанализа, черезъ психотерапію, къ психо-профилактикѣ.“

Въ теоретическихъ построеніяхъ Freud'а многое и для насъ является **пока еще** недостаточно обоснованнымъ и спорнымъ. При анализѣ дѣтской фобіи Freud становится уже совсѣмъ на шаткую почву, потому что объектомъ изслѣдованія является ребенокъ, показанія котораго и степень внушаемости могутъ сами по себѣ вызвать большія сомнѣнія. Freud самъ предусматриваетъ эти сомнѣнія и отвѣчаетъ на нихъ. Мы не видимъ необходимости дополнять его и хотѣли бы только обратить вниманіе читателя на то, что мы въ настоящей работѣ считаемъ особенно цѣннымъ.

Все, что мы услышимъ изъ устъ маленькаго пациента, о которомъ будетъ итти рѣчь, и что мы увидимъ въ его

поведеніи, можетъ показаться курьезнымъ только для тѣхъ, кто не присматривался внимательно къ дѣтямъ этого возраста (3—5 лѣтъ). Въ частности пробужденіе сексуальныхъ инстинктовъ, со всѣми ихъ атрибутами (сексуальное любопытство, любовь, ненависть, ревность и т. д.) въ большинствѣ случаевъ ускользаетъ отъ нашего вниманія потому, что мы привыкли отворачиваться отъ „грязнаго“, когда присматриваемся къ нашимъ „чистымъ“ дѣтямъ, и потому что дѣти съ первыхъ же дней научаются скрывать отъ взрослыхъ то, о чемъ, какъ они это замѣчаютъ, нельзя говорить. Если у ребенка все же прорываются наружу поступки или фразы, носящіе несомнѣнно сексуальный характеръ, насъ это огорошиваетъ, въ лучшемъ случаѣ вызываетъ въ насъ веселое настроеніе, а преимущественно удивленіе, откуда (отъ кого!) „чистый“ ребенокъ могъ узнать или перенять эти гадости. Остается еще сказать ребенку, что все это—глупости, и весь этотъ „ничтожный эпизодъ“ кажется исчерпаннымъ.

Мы лично располагаемъ матеріаломъ, на основаніи котораго склонны думать, что всѣ страсти и страданія маленькаго Ганса присущи большинству дѣтей этого возраста. Мы не знаемъ, можно ли рекомендовать примѣненіе психоанализа и психотерапіи въ томъ видѣ, въ какомъ это продѣлалъ отецъ Ганса. Быть-можетъ, съ этимъ слѣдовало и подождать до тѣхъ поръ, пока техника психоанализа станетъ болѣе совершенной, самое изслѣдованіе болѣе объективнымъ, и когда съ большимъ основаніемъ можно будетъ говорить не только о пользѣ подобныхъ пріемовъ, но и объ ихъ безвредности. Но много поучительнаго можно вынести и сейчасъ изъ имѣющагося уже психоаналитическаго матеріала, а въ частности изъ анализа случая Ганса.

Врядъ ли многіе изъ родителей задумывались надъ тѣмъ, до какой интенсивности могутъ доходить переживанія (часто безсознательныя) 3-лѣтняго ребенка, до какихъ психическихъ конфликтовъ доводятъ ребенка неудовлетвореніе

его вполне, естественнаго любопытства, съ одной стороны, и кажущіяся невинными родительскія ласки и угрозы—съ другой; и насколько удобнѣе начинать половое воспитаніе съ самаго ранняго возраста, не откладывая его, какъ это часто предлагается, на болѣе опасный періодъ, предшествующій наступленію половой зрѣлости.

Врядъ ли многіе врачи, интересующіеся сущностью фобіи, обращали достаточное вниманіе на дѣтскіе страхи и состоянія навязчивости, проявляющіеся въ годы ранняго дѣтства, которыхъ никто не считаетъ болѣзнью, но которые всѣ дѣти въ возрастѣ 3—6 лѣтъ продѣлываютъ обязательно, какъ корь.

Мы не думаемъ, что наше вниманіе, которое мы удѣлимъ подобнымъ вопросамъ, и наши наблюденія могутъ дать сейчасъ же что-нибудь практически полезное, хотя бы для лѣченія или для воспитанія. Но все это ничуть не умаляетъ цѣнности подобныхъ знаній.

Для достиженія ихъ намъ приходится обязательно останавливаться на такихъ предметахъ, которые случайному, непривычному читателю могутъ показаться „пахнущими далеко не амброй.“ Но ужъ такова тема, и при углубленіи въ нее врядъ ли можно считаться съ чувствительностью ихъ обонянія.

Если же этотъ запахъ могъ бы кому-либо помѣшать осилить и прочувствовать тему во всей ея серьезности, то вина въ этомъ меньше всего можетъ быть приписана Freud'у.

О. Фельцманъ.

On the 1st of January 1881, the first of the new year, the
people of the United States were awakened by the news of the
death of the President, Abraham Lincoln. The news was
received with a feeling of surprise and grief. The President
had been in the city for some time, and his death was
a great loss to the country. The people were
grieved to hear of his death, and they were
all united in their sorrow. The President
had been a great man, and his death was
a great loss to the country. The people
were all united in their sorrow, and they
were all united in their grief. The
President had been a great man, and his
death was a great loss to the country.
The people were all united in their
sorrow, and they were all united in
their grief. The President had been a
great man, and his death was a great
loss to the country. The people were
all united in their sorrow, and they
were all united in their grief.

I. Введение.

Болѣзнь и излѣченіе весьма юнаго паціента, о которыхъ я буду говорить въ настоящей статьѣ, строго говоря, наблюдались не мной. Хотя въ общемъ я и руководилъ лѣченіемъ и даже разъ лично принималъ участіе въ разговорѣ съ мальчикомъ, но самое лѣченіе проводилось отцомъ ребенка, которому я и обязанъ своей благодарностью за замѣтки, которыя онъ мнѣ передалъ для опубликованія. Заслуга отца идетъ еще дальше; я думаю, что другому лицу вообще не удалось бы побудить ребенка къ такимъ признаніямъ; безъ знаній, благодаря которымъ отецъ могъ истолковывать показанія своего пятилѣтняго сына, нельзя было бы никакъ обойтись, и техническія трудности психоанализа въ столь нѣжномъ возрастѣ остались бы непреодолимыми. Только совмѣщеніе въ одномъ лицѣ родительскаго и врачебнаго авторитета, совпаденіе любовнаго интереса съ научнымъ сдѣлало здѣсь возможнымъ использовать методъ, который въ подобныхъ случаяхъ вообще врядъ ли могъ бы быть примѣнимъ. Но особенное значеніе этого наблюденія заключается въ слѣдующемъ. Врачъ, занимающійся психоанализомъ взрослого невротика, раскрывающій слой за слоемъ психическія образованія, приходитъ, наконецъ, къ извѣстнымъ предположеніямъ о дѣтской сексуальности, въ компонентахъ которой онъ видитъ растительную силу для всѣхъ невротическихъ симптомовъ послѣдующей

жизни. Я изложилъ эти предположенія въ опубликованной мною въ 1905 г. „Теоріи полового плеченія“. И я знаю, что для незнакомаго съ психоанализомъ они покажутся настолько же чуждыми, насколько для психоаналитика неопровержимыми. Но и психоаналитикъ долженъ сознаться въ своемъ желаніи получить болѣе прямымъ и короткимъ путемъ доказательства этихъ основныхъ положеній. Развѣ это такъ невозможно, изучить у ребенка, во всей свѣжести, тѣ его сексуальныя побужденія и образованія желаній, которыя мы у взрослого съ такимъ трудомъ должны раскапывать изъ развалинъ? Тѣмъ болѣе, что, по нашему убѣжденію, они составляютъ достояніе конституціи (предрасположенія) всѣхъ людей и только у невротика оказываются усиленными или искаженными.

Съ этой цѣлью я уже давно побуждаю своихъ друзей и учениковъ собирать наблюденія надъ половой жизнью дѣтей, которая обыкновенно по тѣмъ или другимъ причинамъ остается незамѣченной или скрытой. Среди матеріала, который, благодаря моему предположенію, попадалъ въ мои руки, свѣдѣнія о маленькомъ Гансѣ заняли выдающееся мѣсто. Его родители, оба мои ближайшіе приверженцы, рѣшили воспитать своего первенца безъ особеннаго принужденія. И такъ какъ дитя развилось въ веселаго, славнаго и бойкаго мальчишку, попытки воспитать его безъ строгостей, дать ему возможность свободно расти и проявлять себя привели къ хорошимъ результатамъ. Я здѣсь воспроизвожу записки отца о маленькомъ Гансѣ, и, конечно, я всячески воздержусь исказить наивность и искренность, столь обычные въ дѣтской комнатѣ, соблюденіемъ ненужныхъ условностей.

Первыя свѣдѣнія о Гансѣ относятся ко времени, когда ему еще не было полныхъ трехъ лѣтъ. Уже тогда

его различные разговоры и вопросы обнаруживали особенно живой интересъ къ той части своего тѣла, которую онъ на своемъ языкѣ обычно называлъ Wiwimasher. Такъ однажды онъ задалъ своей матери вопросъ:

Гансъ: „Мама, у тебя есть Wiwimasher?“

Мать: „Само собой разумѣется. Почему ты спрашиваешь?“

Гансъ: „Я только подумалъ.“

Въ этомъ же возрастѣ онъ входитъ въ коровникъ и видитъ, какъ доятъ корову. „Смотри“, говоритъ онъ, „изъ Wiwimasher'а течетъ молоко.“

Уже эти первыя наблюденія пробуждаютъ ожиданіе, что многое, если не большая часть изъ того, что проявляетъ маленькій Гансъ, окажется типичнымъ для сексуальнаго развитія ребенка. Я уже однажды указывалъ *), что не нужно приходить въ ужасъ, когда находишь у женщины представленіе о сосаніи полового члена. Это непристойное побужденіе довольно безобидно по своему происхожденію, такъ какъ представленіе о сосаніи связано въ немъ съ материнской грудью, при чемъ вымя коровы занимаетъ соотвѣтствующее ему среднее мѣсто, ибо по природѣ это—грудная железа, а по виду и положенію своему—penis. Открытіе маленькаго Ганса подтверждаетъ послѣднюю часть моего предположенія.

Въ то же время его интересъ къ Wiwimasher'у не исключительно теоретическій. Какъ можно предполагать, у него также имѣется стремленіе прикасаться къ своему половому органу. Въ возрастѣ 3½ лѣтъ мать застала его держащимъ руку на penis'ѣ. Мать грозитъ ему: „Если ты это будешь дѣлать, я позову д-ра А., и онъ отрѣжетъ тебѣ твой Wiwimasher. Чѣмъ же ты тогда будешь дѣлать wiwi?“

*) Отрывокъ изъ одного анализа истеріи. 1905.

Гансъ: „Моимъ роро.“

Тутъ онъ отвѣчаетъ еще безъ сознанія вины, но приобрѣтаетъ при этомъ „кастраціонный комплексъ“, который такъ часто можно найти при анализѣ невротиковъ, въ то время какъ они всѣ протестуютъ противъ этого. О значеніи этого элемента въ исторіи развитія ребенка можно было бы сказать много весьма существеннаго. Кастраціонный комплексъ оставилъ замѣтные слѣды въ мифологіи (и не только въ греческой). Я уже говорилъ о роли его въ „Толкованіи сновидѣній“ и въ другихъ статьяхъ.

Почти въ томъ же возрастѣ (3½ года) онъ возбужденно съ радостью кричитъ: „Я видѣлъ у льва Wiwimacher.“

Большую часть значенія, которымъ пользуются животныя въ мифахъ и сказкахъ, нужно, вѣроятно, приписать той откровенности, съ которой они показываютъ любознательному младенцу свои половые органы и ихъ сексуальное функціонированіе. Сексуальное любопытство нашего Ганса не признаетъ сомнѣній, но оно его дѣлаетъ изслѣдователемъ и даетъ ему возможность правильнаго познаванія.

3¾ лѣтъ онъ видитъ на вокзалѣ, какъ изъ локомотива выпускается вода. „Локомотивъ дѣлаетъ wiwi. А гдѣ его Wiwimacher?“

Черезъ минутку онъ глубокомысленно прибавляетъ: „У собаки, у лошади есть Wiwimacher, а у стола и стула—нѣтъ.“ Такимъ образомъ онъ установилъ существенный признакъ для различія одушевленнаго отъ неодушевленнаго.

Любознательность и сексуальное любопытство, по-видимому, тѣсно связаны между собой. Любопытство Ганса направлено преимущественно на родителей.

Гансъ 3¾ лѣтъ: „Папа, и у тебя есть Wiwimacher?“

Отецъ: „Да, конечно.“

Гансъ: „Но я его никогда не видѣлъ, когда ты раздѣвался.“

Въ другой разъ онъ напряженно смотритъ на мать, когда та раздѣвается на ночь. Она спрашиваетъ: „Чего ты такъ смотришь?“

Гансъ: „Я смотрю только, есть ли у тебя тоже Wiwimacher?“

Мать: „Конечно. Развѣ ты этого не зналъ?“

Гансъ: „Нѣтъ, я думалъ, что такъ какъ ты большая, то и Wiwimacher у тебя какъ у лошади.“

Замѣтимъ себѣ это ожиданіе маленькаго Ганса. Позже оно будетъ имѣть свое значеніе.

Большое событіе въ жизни Ганса—рожденіе его маленькой сестры Анны имѣло мѣсто, когда Гансу было какъ разъ 3½ года (апрѣль 1903—октябрь 1906 г.). Его поведеніе при этомъ непосредственно отмѣчено отцомъ: „Въ 5 час. утра, при началѣ родовыхъ болѣй постель Ганса переносятъ въ сосѣдную комнату. Здѣсь онъ въ 7 час. просыпается, слышитъ стоны жены и спрашиваетъ: „Чего это мама кашляетъ?“—И послѣ паузы: „Сегодня, навѣрно, придетъ аистъ.“

„Вѣроятно, ему въ послѣдніе дни часто говорили, что аистъ принесетъ мальчика или дѣвочку, и онъ совершенно правильно ассоціируетъ необычные стоны съ приходомъ аиста.“

„Позже его приводятъ на кухню. Въ передней онъ видитъ сумку врача и спрашиваетъ: „Что это такое?“ Ему отвѣчаютъ: „Сумка.“ Тогда онъ убѣжденно заявляетъ: „Сегодня придетъ аистъ“. Послѣ родовъ акушерка входитъ на кухню и заказываетъ чай. Гансъ обращаетъ на это вниманіе и говоритъ: „Ага, когда мамочка кашляетъ, она получаетъ чай.“ Затѣмъ его зовутъ въ комнаты, но онъ смотритъ не на мать, а на сосуды съ окрашенной кровью водой и съ нѣкоторымъ

смущеніемъ говоритъ: „А у меня изъ Wiwimasher'a никогда кровь не течетъ.“

„Всѣ его замѣчанія показываютъ, что онъ приводитъ въ связь необычное въ окружающей обстановкѣ съ приходомъ аиста. На все онъ смотритъ съ усиленнымъ вниманіемъ и съ гримасой недовѣрія. Въ сомнѣнія, въ немъ прочно засѣло первое недовѣріе по отношенію къ аисту.“

„Гансъ относится весьма ревниво къ новому пришельцу, и когда послѣдняго хвалятъ, находятъ красивымъ и т. д., онъ тутъ же презрительно замѣчаетъ: „А у нея зато нѣтъ зубовъ“ ¹⁾. Дѣло въ томъ, что когда онъ ее въ первый разъ увидѣлъ, онъ былъ пораженъ, что она не говоритъ, и объяснилъ это тѣмъ, что у нея нѣтъ зубовъ. Само собой понятно, что въ первые дни на него меньше обращали вниманія, и онъ заболѣлъ ангиной. Въ лихорадочномъ бреду онъ говорилъ: „А я не хочу никакой сестрички.“

Приблизительно черезъ полгода ревность его прошла, и онъ сталъ нѣжнымъ, но увѣреннымъ въ своемъ превосходствѣ братомъ ²⁾.

„Нѣсколько позже (черезъ недѣлю) Гансъ смотритъ, какъ купаютъ его сестрицу и замѣчаетъ: „А Wiwimasher у нея еще малъ“, и, утѣшая ее, прибавляетъ: „Ну, когда она будетъ расти—онъ станетъ больше“ ³⁾.

¹⁾ Опять типичное поведеніе. Другой братъ старше всего на 2 года при аналогичныхъ обстоятельствахъ выкрикивалъ со слезами: „Слишкомъ мала, слишкомъ мала.“

²⁾ Другой мальчикъ, постарше, при появленіи на свѣтъ брата говоритъ: „Пусть его аистъ назадъ заберетъ.“ Сравнимъ это съ тѣмъ, что я говорилъ въ „Толкованіи сновидѣній“ о являющейся въ сновидѣніяхъ смерти дорогихъ родныхъ.

³⁾ Къ подобному же умозаключенію въ тѣхъ же выраженіяхъ пришли другіе два мальчика, когда съ любопытствомъ въ первый разъ разглядывали животъ своей маленькой сестрички. Можно было бы притти въ ужасъ по поводу этой ранней испорченности дѣтскаго

Въ этомъ же возрастѣ ($3\frac{3}{4}$ года) Гансъ въ первый разъ рассказываетъ свой сонъ: „Сегодня, когда я спалъ, я думалъ, что я въ Gmunden'ѣ съ Марикой.“

„Марика—это 13-лѣтняя дочь домохозяина, которая часто играла съ нимъ.“

Когда отецъ въ его присутствіи рассказываетъ про этотъ сонъ матери, Гансъ поправляетъ его: „Не съ Марикой, а совсѣмъ одинъ съ Марикой.“

Здѣсь нужно отмѣтить слѣдующее: „Лѣтомъ 1906 г. Гансъ находился въ Gmunden'ѣ, гдѣ онъ цѣлые дни возился съ дѣтьми домохозяина. Когда мы уѣхали изъ Gmunden'a, мы думали, что для Ганса прощанье и пе-

интеллекта. Почему эти юнные изслѣдователи не констатируютъ того, что видятъ, а именно: что никакого Wiwimacher'a нѣтъ? Для нашего маленькаго Ганса это понятно. Мы знаемъ, какъ при помощи тщательной индукціи онъ установилъ для себя общее положеніе, что живое отличается отъ неживого наличностью Wiwimacher'a; мать поддерживала его въ этомъ убѣжденіи, давая ему утвердительные отвѣты относительно лицъ, уклонившихся отъ его наблюденія. И теперь онъ совершенно неспособенъ отказаться отъ своего приобрѣтенія послѣ наблюденія надъ маленькой сестрой. Онъ приходитъ къ заключенію, что Wiwimacher имѣется и здѣсь, и онъ слишкомъ малъ, но онъ будетъ расти, пока не станетъ столь же большимъ, какъ у лошади.

Для реабилитаціи нашего маленькаго Ганса мы сдѣлаемъ еще больше. Собственно говоря, онъ поступаетъ не хуже философа Вундтовской школы, который считаетъ сознаніе никогда не отсутствующимъ признакомъ психической жизни, какъ Гансъ считаетъ Wiwimacher неотъемлемымъ признакомъ всего живого. Когда философъ наталкивается на психическія явленія, въ которыхъ сознаніе совершенно не участвуетъ, онъ называетъ ихъ не безсознательными, а смутно сознаваемыми. Wiwimacher еще очень малъ! И при этомъ сравненіи преимущество все-таки на сторонѣ нашего маленькаго Ганса, потому что, какъ это часто бываетъ при сексуальныхъ изслѣдованіяхъ дѣтей, за ихъ заблужденіями всегда кроется частица правды. Вѣдь у маленькой дѣвочки все-таки есть маленькій Wiwimacher, который мы называемъ клиторомъ, но который не растеть, а остается недоразвитымъ.

реѣздъ въ городъ окажутся тяжелыми. Къ удивленію, ничего подобнаго не было. Онъ, повидимому, радовался перемѣнѣ и нѣсколько недѣль о Gmundен'ѣ говорилъ очень мало. Только черезъ нѣсколько недѣль у него начали появляться довольно живыя воспоминанія о времени, проведенномъ въ Gmundен'ѣ. Уже 4 недѣли, какъ онъ эти воспоминанья перерабатываетъ въ фантазіи. Въ своихъ фантазіяхъ онъ играетъ съ дѣтьми Олей, Бертой и Фрицомъ, разговариваетъ съ ними, какъ будто они тутъ же находятся, и способенъ развлекаться такимъ образомъ цѣлые часы. Теперь, когда у него появилась сестра, его, повидимому, занимаетъ проблема появленія на свѣтъ дѣтей; онъ называетъ Берту и Ольгу „своими дѣтьми“ и одинъ разъ заявляетъ: „И моихъ дѣтей Берту и Олю принеси аистъ.“ Теперешній сонъ его послѣ 6-мѣсячнаго отсутствія изъ Gmundен'а нужно, повидимому, понимать какъ выраженія желанія поѣхать въ Gmundенъ.“

Такъ пишетъ отецъ; я тутъ уже отмѣчу, что Гансъ, своимъ послѣднимъ заявленіемъ о „своихъ дѣтяхъ“, которыхъ ему будто бы принеси аистъ, громко противорѣчитъ скрытому въ немъ сомнѣнію.

Къ счастью, отецъ отмѣтилъ здѣсь кое-что, оказавшееся въ будущемъ необыкновенно цѣннымъ.

„Я рисую Гансу, который въ послѣднее время часто бывалъ въ Schönbrunn'ѣ, жирафа. Онъ говоритъ мнѣ: „Нарисуй же и Wiwimacher.“ — „Пририсуй его самъ.“ Тогда онъ пририсовываетъ посрединѣ живота маленькую палочку, которую сейчасъ же удлиняетъ, замѣчая: „Wiwimacher длиннѣе.“

„Я прохожу съ Гансомъ мимо лошади, которая уринируетъ. Онъ замѣчаетъ: „У лошади Wiwimacher внизу, какъ и у меня.“

„Онъ смотритъ, какъ купается его 3-мѣсячная се-

стра и тономъ состраданія заявляетъ: „У нея совсѣмъ, совсѣмъ маленькій Wiwimacher.“

„Онъ раздѣваетъ куклу, которую ему подарили, внимательно осматриваетъ ее и говоритъ: „А у этой совсѣмъ маленькій Wiwimacher.“

Мы уже знаемъ, что благодаря этой формулѣ ему удастся поддержать правильность свою открытія (ср. стр. 12).

Всякій изслѣдователь находится въ опасности случайно впасть въ ошибку. Но все же ошибка не такъ велика, если она основана на смѣшеніи понятій, имѣющемся въ разговорномъ языкѣ. Такого же оправданія заслуживаетъ и Гансъ. Такъ, онъ видитъ въ своей книжкѣ обезьяну, показываетъ на ея закрученный къ верху хвостъ и говоритъ: „Смотри, папа, Wiwimacher *).“

Изъ-за своего интереса къ Wiwimacher'у онъ выдумалъ себѣ совершенно своеобразную игру. Въ передней помѣщается клозетъ и кладовая. Съ нѣкотораго времени Гансъ ходитъ въ эту кладовую и говоритъ: „Я иду въ мой клозетъ“. Однажды я заглядываю туда, чтобы посмотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Оказывается, что онъ обнажаетъ свой penis и говоритъ: „Я дѣлаю виви“,—это означаетъ, что онъ играетъ въ клозетъ. Характеръ игры виденъ не только въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ не уринируетъ, но и въ томъ, что вмѣсто того, чтобы идти въ клозетъ, онъ предпочитаетъ кладовую, которую онъ называетъ „своимъ клозетомъ“.

Мы будемъ несправедливы къ Гансу, если прослѣдимъ только аутеротическія черты его сексуальной жизни. Его отецъ можетъ намъ сообщить свои подробныя наблюденія надъ его любовными проявле-

*) На нѣмецкомъ (нелитературномъ) языкѣ хвостъ и penis носятъ одно названіе. (Перев.).

ніями къ другимъ дѣтямъ, въ которыхъ можно констатировать „выборъ объекта“ какъ у взрослого. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма замѣчательной подвижностью и полигамическими наклонностями.

„Зимою ($3\frac{3}{4}$ года) я беру съ собою Ганса на катокъ и знакомя его тамъ съ двумя дочурками моего коллеги въ возрастѣ приблизительно около 10 лѣтъ. Гансъ присаживается къ нимъ. Онѣ, въ сознаниіи своего зрѣлаго возраста, смотрятъ съ презрѣніемъ на малыша. А онъ глядитъ на нихъ съ обожаніемъ во взглядѣ, и хотя это не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія, онъ называетъ ихъ уже „своими дѣвочками“: „Гдѣ же мои дѣвочки? Когда же придутъ мои дѣвочки?“ А дома, нѣсколько недѣль онъ пристаетъ ко мнѣ съ вопросомъ: „А когда я опять пойду на катокъ къ моимъ дѣвочкамъ?“

„5-лѣтній кузенъ находится въ гостяхъ у Ганса (которому теперь 4 года). Гансъ много разъ обнимаетъ его и однажды при такомъ нѣжномъ объятіи говорить: „Какъ я тебя люблю.“

Это первая, но не послѣдняя черта гомосексуальности, съ которой мы встрѣтимся у Ганса. Нашъ маленькій Гансъ начинаетъ казаться образцомъ всякихъ безобразій!

„Мы переѣхали на новую квартиру (Гансу 4 года). Изъ кухни дверь ведетъ на балкончикъ, съ котораго видна находящаяся напротивъ во дворѣ квартира. Здѣсь Гансъ открылъ дѣвочку 7—8 лѣтъ. Теперь онъ, чтобы глядѣть на нее, садится на ступеньку, ведущую къ балкончику, и остается тамъ часами. Особенно въ 4 часа пополудни, когда дѣвочка приходитъ изъ школы, его нельзя удержать въ комнатахъ или увести съ его наблюдательнаго поста. Однажды, когда дѣвочка въ обычное время не показывается у окна, Гансъ начинаетъ волноваться и приставать ко всѣмъ

съ вопросами: „Когда придетъ дѣвочка? гдѣ дѣвочка?“ и т. д., а затѣмъ, когда она появляется, Гансъ счастливъ и уже не отводитъ глазъ отъ ея квартиры. Сила, съ которою проявилась эта „любовь на разстояніи“, объясняется тѣмъ, что у Ганса нѣтъ товарищей и подругъ. Для нормальнаго развитія ребенка, повидимому, необходимо постоянное общеніе съ другими дѣтьми“.

„Такое общеніе выпало на долю Ганса, когда мы на лѣто (4½ года) переѣхали въ Gmunden. Въ нашемъ домѣ съ нимъ играютъ дѣти домохозяина. Францъ (12 лѣтъ), Фрицъ (8 лѣтъ), Ольга (7 лѣтъ) и Берта (5 лѣтъ) и, кромѣ того, дѣти сосѣдей: Анна (10 лѣтъ) и еще двѣ дѣвочки 9 и 7 лѣтъ, именъ которыхъ я не знаю. Его любимецъ—Фрицъ, котораго онъ часто обнимаетъ и увѣряетъ въ своей любви. Однажды на вопросъ, какая изъ дѣвочекъ ему больше всего нравится, онъ отвѣчаетъ: „Фрицъ“. Въ то же время онъ по отношенію къ дѣвочкамъ агрессивенъ, держится мужчиной, обнимаетъ и цѣлуетъ ихъ, что Берта, на примѣръ, очень нравится. Вечеромъ, когда Берта выходитъ изъ комнаты, Гансъ обнимаетъ ее и въ самомъ нѣжномъ тонѣ, говоритъ: „Берта, и милая же ты!“ Но это ему не мѣшаетъ цѣловать и другихъ дѣвочекъ и увѣрять въ своей любви. Ему нравится и Марика—14 лѣтняя дочь домохозяина, которая съ нимъ играетъ. Вечеромъ, когда его укладываютъ въ постель, онъ говоритъ: „Пусть Марика спитъ со мной“. Когда ему указываютъ, что это невозможно, онъ говоритъ: „Тогда пусть она спитъ съ папой или съ мамой“. Когда ему возражаютъ, что и это невозможно, такъ какъ она должна спать у своихъ родителей, завязывается слѣдующій діалогъ:

Гансъ: „Тогда я пойду спать къ Марикѣ.“

Мама: „Ты, дѣйствительно, хочешь уйти отъ мамы и спать внизу?“

Гансъ: „Но я вѣдь утромъ къ кофе опять приду наверхъ.“

Мама: „Если ты, дѣйствительно, хочешь уйти отъ папы и мамы, заberi свою куртку, штанишки и—съ Богомъ!“

„Гансъ забираетъ свои вещи и идетъ спать къ Мариѣ, но его, конечно, возвращаютъ обратно.“

„(За желаніемъ: „пусть Марика спитъ у насъ“ скрыто, конечно, другое: пусть Марика, въ обществѣ которой онъ такъ охотно бываетъ, войдетъ въ нашу семью. Но, несомнѣнно, и другое. Такъ какъ отецъ и мать Ганса, хотя и не часто, брали его къ себѣ въ кровать, и при лежаніи съ ними у него пробуждались эротическія ощущенія, то, вѣроятно, и желаніе спать съ Мариѣю имѣетъ свой эротическій смыслъ. Для Ганса, какъ и для всѣхъ дѣтей, лежать въ постели съ отцомъ или съ матерью есть источникъ эротическихъ возбужденій).“

Нашъ Гансъ, несмотря на его гомосексуальные симптомы, при разспросахъ матери ведетъ себя какъ настоящій мужчина.

„И въ нижеслѣдующемъ случаѣ Гансъ говоритъ матери: „Слушай, я ужасно хотѣлъ бы одинъ разъ поспать съ этой дѣвочкой.“ Этотъ случай становится весьма забавнымъ, такъ какъ Гансъ держится какъ взрослый влюбленный. Въ ресторанѣ, гдѣ мы обѣдаемъ уже нѣсколько дней, приходитъ хорошенькая 8-лѣтняя дѣвочка, въ которую Гансъ, конечно, сейчасъ же влюбляется. Онъ все время вертится на своемъ стулѣ, чтобы однимъ глазомъ поглядѣть на нее; послѣ обѣда онъ становится около нея, чтобы поокотничать съ ней, но жестоко краснѣетъ, если замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ. Когда взгляды

его встрѣчается со взглядомъ дѣвочки, онъ стыдливо отворачивается въ противоположную сторону. Его поведеніе, конечно, развлекаетъ всѣхъ посѣтителей ресторана. Каждый день, когда его ведутъ въ ресторанъ, онъ спрашиваетъ: „Какъ ты думаешь, дѣвочка будетъ тамъ сегодня?“ Когда она, наконецъ, приходитъ, онъ краснѣетъ, какъ взрослый, при такихъ же условіяхъ. Однажды онъ приходитъ ко мнѣ сіяющій и шепчетъ мнѣ на ухо: „Слушай, я уже знаю, гдѣ живетъ дѣвочка. Я видѣлъ, гдѣ она подымалась на лѣстницу.“ Въ то время, какъ у себя онъ агрессивенъ по отношенію къ дѣвочкамъ, здѣсь онъ держится какъ платонически вздыхающій поклонникъ. Быть-можетъ, это связано и съ тѣмъ, что дѣвочки въ домѣ—деревенскія дѣти, а это—культурная дама. Выше уже было упомянуто, что онъ высказывалъ желаніе спать съ этой дѣвочкой.“

„Такъ какъ я не хочу оставить Ганса въ томъ состояніи душевнаго напряженія, въ которомъ онъ находится изъ-за любви къ дѣвочкѣ, я] знакоблю его съ ней и приглашаю ее притти къ намъ въ садъ къ тому времени, когда онъ [выспится послѣ обѣда. Гансъ такъ возбуждается ожиданіемъ прихода дѣвочки, что онъ въ первый разъ не можетъ послѣ обѣда заснуть и безпокойно вертится въ постели. Мать его спрашиваетъ: „Почему ты не спишь? Быть-можетъ, ты думаешь о дѣвочкѣ?“ На что Гансъ, счастливый, отвѣчаетъ: „да“. Кромѣ этого, когда онъ пришелъ домой, онъ всѣмъ разсказалъ: „Сегодня ко мнѣ придетъ дѣвочка“, и все время приставалъ къ Марикѣ: „Послушай, какъ ты думаешь, будетъ она со мной мила, поцѣлуетъ она меня, когда я ее поцѣлюю“ и т. п.

„Послѣ обѣда шелъ дождь, и посѣщеніе не состоялось, а Гансъ утѣшился съ Бертой и Ольгой.“

Дальнѣйшія наблюденія все еще изъ періода пре-

быванія въ деревнѣ заставляютъ думать, что у мальчика появляется и кое-что новое.

„Гансъ (4 $\frac{1}{4}$ лѣтъ). Сегодня утромъ мать, какъ каждый день, купаетъ Ганса и послѣ купанья вытираетъ его и напудриваетъ. Когда мать очень осторожно припудриваетъ penis, чтобы его не коснуться, Гансъ говоритъ: „Почему ты здѣсь не трогаешь пальцемъ?“

Мать: „Потому что это свинство.“

Гансъ: „Что это значитъ? Свинство? Почему?“

Мать: „Потому что это неприлично.“

Гансъ (смѣясь): „Но пріятно“ *).

Почти въ это же время сновидѣніе Ганса по содержанию своему рѣзко отличается отъ той смѣлости, которую онъ обнаружилъ по отношенію къ матери. Это первый искаженный до неузнаваемости сонъ мальчика. Только благодаря проницательности отца удается истолковать его.

„Гансъ 4 $\frac{1}{4}$ лѣтъ. Сонъ. Сегодня утромъ Гансъ просыпается и рассказываетъ: „Слушай, сегодня ночью я думалъ: Одинъ говоритъ: кто хочетъ ко мнѣ притти? Тогда кто-то говоритъ: „Я.“ Тогда онъ долженъ его заставить сдѣлать вивви“.

„Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ становится ясно, что въ этомъ снѣ зрительныя впечатлѣнія отсутствуютъ, и онъ принадлежитъ къ чисто слуховому типу. Нѣсколько дней назадъ Гансъ игралъ съ дѣтьми до-

*) Про подобную же попытку совращенія рассказывала мнѣ одна невропатка-мать, которая не хотѣла вѣрить въ возможность дѣтской мастурбации. Ей пришлось сшить ей маленькой дѣвочкѣ 3 $\frac{1}{2}$ лѣтъ панталоны; когда она примѣряла ихъ, то, чтобы узнать, не будутъ ли они ее беспокоить при ходьбѣ, она провела рукой по внутренней поверхности бедеръ. Тутъ дѣвочка вдругъ сразу прижала ногами руку и попросила: „Мама, оставь тамъ руку,—это такъ хорошо“.

мохозяина, своими пріятельницами Бертой (7 лѣтъ) и Ольгой (5 л.) въ разныя игры и между прочимъ въ фанты (А. „Чей фантъ въ моей рукѣ?“ В. „Мой.“ Тогда В назначаютъ, что онъ долженъ сдѣлать). Сонъ Ганса есть подражаніе игрѣ въ фанты, только Гансъ хочетъ, чтобы тотъ, кому принадлежитъ фантъ, былъ присужденъ не къ обычнымъ поцѣлуямъ или пощечинамъ, а къ уринированію или, точнѣе говоря, кто-то долженъ его (Ганса) заставить дѣлать wіwі.“

„Я прошу его еще разъ рассказать свой сонъ; онъ рассказываетъ его тѣми же словами, но вмѣсто „тогда кто-то говоритъ“ произноситъ: „тогда она говоритъ“. Эта „она“, вѣроятно, Берта или Ольга, съ которыми онъ игралъ. Слѣдовательно, въ переводѣ сонъ означаетъ слѣдующее: я играю съ дѣвочками въ фанты и спрашиваю, кто хочетъ ко мнѣ притти? Она (Берта или Ольга) отвѣчаетъ: „Я.“ Тогда она должна меня поставить дѣлать wіwі (т.-е. помочь при этомъ, что, повидимому, для Ганса пріятно).

„Ясно, что этотъ процессъ, когда Гансу открываютъ штанишки и вынимаютъ его penis, окрашенъ для него пріятнымъ чувствомъ. Во время прогулокъ эту помощь Гансу оказываетъ отецъ, что и даетъ поводъ фиксировать гомосексуальную склонность къ отцу.“

„Два дня назадъ онъ, какъ я уже сообщалъ, спрашивалъ мать, почему она не прикасается къ его penis'у пальцами. Вчера, когда я его отвелъ въ сторонку для уринированія, онъ впервые попросилъ меня отвести къ задней сторонѣ дома, чтобы никто не могъ видѣть, и замѣтилъ: „Въ прошломъ году, когда я дѣлалъ wіwі, Берта и Ольга смотрѣли на меня“. Это, по моему мнѣнію, должно означать, что въ прошломъ году это любопытство дѣвицъ было для него пріятно, а теперь—нѣтъ. Эксгибиціонное удовольствіе (отъ обнаженія половыхъ органовъ) теперь подвергается вы-

тѣсненію. Вытѣсненіе желанія, чтобы Берта и Ольга смотрѣли, какъ онъ дѣлаетъ wіwі (или помогали ему при этомъ), объясняетъ появленіе этого желанія во снѣ, которому онъ придалъ красивую форму игры въ фанты. Съ этого времени я нѣсколько разъ наблюдалъ, что онъ хочетъ дѣлать wіwі незамѣтно для всѣхъ.“

Я тутъ же отмѣчу, что и этотъ сонъ подчиняется закону, который я привелъ въ своемъ „Толкованіи сновидѣній“. Разговоры, которые имѣютъ мѣсто во снѣ, происходятъ отъ собственныхъ или слышанныхъ разговоровъ въ теченіе ближайшихъ ко сну дней.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ Вѣну отецъ фиксируетъ еще одно наблюденіе: „Гансъ, 4^{1/2} лѣтъ, еще разъ смотритъ, какъ купаютъ его маленькую сестру, и начинаетъ смѣяться. Его спрашиваютъ, почему?

Гансъ: „Я смѣюсь надъ Wіwimacher’омъ у Анны.“

— Почему? „Потому что Wіwimacher у нея такой красивый.“

Отвѣтъ, конечно, ложный. Wіwimacher ему показался комичнымъ. Но, между прочимъ, теперь онъ впервые въ такой формѣ признаетъ разницу между мужскимъ и женскимъ половымъ органомъ вмѣсто того, чтобы отрицать ее.

II. Исторія болѣзни и анализъ.

„Уважаемый г-нъ профессоръ! Я посылаю вамъ опять частицу Ганса, на этотъ разъ, къ сожалѣнію, матеріалъ для исторіи болѣзни. Какъ вы увидите изъ прочитаннаго, у Ганса въ послѣдніе дни развилось нервное разстройство, которое меня съ женой беспокоитъ, такъ какъ мы не можемъ найти средства устранить его. Прошу разрѣшить мнѣ притти къ вамъ

завтра, а пока посылаю вамъ имѣющійся у меня матеріалъ въ записяхъ.“

„Сексуальное возбужденіе, вызванное нѣжностью матери, вѣроятно, является причиной нервнаго расстройства, но вызывающаго момента и я указать не въ состояніи. Страхъ, что его на улицѣ укуситъ лошадь, быть можетъ, связанъ съ тѣмъ, что онъ былъ гдѣ-нибудь испуганъ видомъ большого penis'а. Какъ вы знаете, онъ уже раньше замѣтилъ большой penis лошади, и тогда онъ пришелъ къ заключенію, что у матери, такъ какъ она большая, Wiwimasher долженъ быть какъ у лошади.“

„Какъ взяться за то, чтобы извлечь полезное изъ этихъ предположеній, я не знаю. Быть можетъ, онъ гдѣ-нибудь видѣлъ эксгибиціониста? Или все это имѣетъ отношеніе только къ матери?“

Намъ весьма непріятно, что онъ уже теперь начинаетъ намъ задавать загадки.

Если не считать страха выйти на улицу и дурнаго настроенія по вечерамъ, то Гансъ и теперь все такой же бойкій и веселый мальчикъ.“

Оставимъ пока въ сторонѣ и вполне понятное безпокойство отца и его первыя попытки объясненія и попробуемъ раньше разобраться въ матеріалѣ. Въ нашу задачу вовсе не входитъ сразу „понять“ болѣзнь. Это можетъ удался только позже, когда мы получимъ отъ нея достаточно впечатлѣній. Пока мы оставимъ въ сторонѣ и наше мнѣніе и съ одинаковымъ вниманіемъ отнесемся ко всѣмъ даннымъ наблюденія.

Первыя свѣдѣнія, которыя относятся къ первымъ числамъ января 1908 г., гласятъ:

„Гансъ (4³/₄ года) утромъ входитъ къ матери съ плачемъ и на вопросъ, почему онъ плачетъ, говоритъ: „Когда я спалъ, я думалъ, что ты ушла, и у меня нѣтъ мамы, чтобы ласкаться къ ней.“

„Итакъ—тревожный сонъ. Нѣчто подобное я уже замѣтилъ лѣтомъ въ Gmunden'ѣ. Вечеромъ въ постели онъ большею частью бывалъ нѣжно настроенъ, и однажды онъ выразился приблизительно такъ: „А когда у меня не будетъ мамы, когда ты уйдешь“, или что-то въ этомъ родѣ, я не могу вспомнить словъ. Когда онъ приходилъ въ такое элегическое настроеніе, мать брала его къ себѣ въ постель.“

Около 5-го января Гансъ пришелъ къ матери въ кровать и по этому поводу рассказалъ ей слѣдующее: „Ты, знаешь, что тетя М. сказала: „А у него славная птичка *)“.

„(Тетка М. 4 недѣли тому назадъ жила у насъ; однажды, присутствуя при купаніи мальчика, она дѣйствительно и сказала тихо вышеприведенныя слова моей женѣ. Гансъ слышалъ это и постарался это использовать.)“

„7 января онъ идетъ, какъ обычно, съ нянею въ городской паркъ; на улицѣ онъ начинаетъ плакать и требуетъ, чтобы его вели домой, такъ какъ онъ хочетъ приласкаться къ матери. Дома на вопросъ, почему онъ не хотѣлъ идти дальше и плакалъ, онъ отвѣта дать не хочетъ. Вплоть до вечера онъ, какъ обыкновенно, веселъ, вечеромъ становится, видимо, тревоженъ, плачетъ, и его никакъ нельзя увести отъ матери; онъ опять хочетъ „ласкаться“. Потомъ онъ становится веселъ и ночь спитъ хорошо.“

„8 января жена хочетъ сама съ нимъ пойти гулять, чтобы видѣть, что съ нимъ происходитъ, и именно въ Schönbrunn, куда онъ обыкновенно охотно ходитъ. Онъ опять начинаетъ плакать, не хочетъ отой-

*) Птичка—penis. Нѣжность по отношенію къ половымъ органамъ дѣтей, выражающаяся въ словахъ и въ поступкахъ со стороны нѣжныхъ родственниковъ, а иногда и самихъ родителей, составляетъ обычное явленіе, которымъ полны психоанализы.

ти отъ матери, боится. Наконецъ, онъ все-таки идетъ, но на улицѣ на него находитъ, повидимому, страхъ. По возвращеніи изъ Schönbrunn'a Гансъ послѣ многихъ отказовъ заявляетъ матери: „Я боялся, что меня укуситъ лошадь“. (Дѣйствительно, въ Schönbrunn'ѣ онъ волновался, когда онъ видѣлъ лошадь). Вечеромъ у него опять былъ припадокъ страха въ родѣ вчерашняго съ требованіемъ материнскихъ ласкъ. Его успокаиваютъ. Онъ со слезами говоритъ: „Я знаю, завтра я долженъ опять пойти гулять“ и позже: „лошадь придетъ въ комнату.“

Въ тотъ же день его спрашиваетъ мать: „Ты, можешь, трогаешь рукою Wiwimacher?“ На это онъ отвѣчаетъ: „Да, каждый вечеръ, когда я въ кровати.“ Въ слѣдующій день, 9 января его передъ послѣобѣденнымъ сномъ предупреждаютъ не трогать рукою Wiwimacher'a. Послѣ пробужденія онъ на соотвѣтствующій вопросъ отвѣчаетъ, что онъ все-таки на короткое время клалъ туда руку.“

Все это могло быть началомъ и страха и фобіи. Мы видимъ, что у насъ есть достаточное основаніе отдѣлить ихъ одинъ отъ другого. Въ общемъ матеріалъ кажется намъ вполне достаточнымъ для ориентировки, и никакой другой моментъ не является столь благопріятнымъ для пониманія, какъ этотъ, къ сожалѣнію, обычно пропускаемый или замалчиваемый начальный стадій. Разстройство начинается съ тревожно-нѣжныхъ мыслей, а затѣмъ съ тревожнаго сна. Содержаніе послѣдняго: потерять мать, такъ что къ ней нельзя будетъ ласкаться. Итакъ, нѣжность къ матери должна быть ненормально повышена. Это—основной феноменъ болѣзненнаго состоянія. Вспомнимъ еще обѣ попытки къ совращенію, которыя Гансъ предпринималъ по отношенію къ матери. Первая изъ нихъ имѣла мѣсто лѣтомъ, вторая непосредственно передъ появленіемъ

боязни улицы и представляла собою просто рекомендацію своего полового органа. Эта повышенная нѣжность къ матери превращается въ страхъ, или, какъ мы говоримъ, онъ подвергается вытѣсненію. Мы не знаемъ еще, откуда идетъ толчокъ къ вытѣсненію; быть-можетъ, здѣсь играетъ роль интенсивность возбужденія, которая не по силамъ ребенку, быть-можетъ, здѣсь принимаютъ участіе другія силы, которыхъ мы еще не знаемъ.

Мы узнаемъ все это позже. Этотъ страхъ, соответствующій вытѣсненному эротическому влеченію, какъ и всякій дѣтскій страхъ, не имѣетъ объекта; это еще страхъ (тревога), а не боязнь. Дитя не можетъ знать, чего оно боится, и когда Гансъ на прогулкѣ съ нянею не хочетъ сказать, чего онъ боится, то это потому, что онъ этого еще не знаетъ. Онъ говоритъ то, что знаетъ, что ему на улицѣ нехватаетъ мамы, съ которой онъ могъ бы понѣжничать, и отъ которой онъ не хочетъ уйти. Тутъ онъ во всей своей искренности выдаетъ первый смыслъ своего отвращенія къ улицѣ.

Кромѣ этого, его тревожныя состоянія передъ сномъ, отчетливо окрашенные нѣжностью, слѣдовавшія одно за другимъ два вечера подъ рядъ, доказываютъ, что въ началѣ болѣзни у него еще не было фобіи улицъ, прогулокъ или даже—лошадей, въ противномъ случаѣ его вечернее состояніе было бы необъяснимо: кто передъ тѣмъ, какъ итти спать, думаетъ объ улицѣ или прогулкѣ? Съ другой стороны—весьма легко себѣ представить, что на него вечеромъ нападаетъ страхъ потому, что его передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, съ особенной силой охватываетъ *libido* (страстное желаніе), объектомъ котораго является мать, а цѣль котораго—спать у матери. Онъ уже изъ опыта знаетъ, что при подобныхъ настроеніяхъ въ Gmunden'ѣ

мать брала его къ себѣ въ постель, и ему хотѣлось бы добиться этого и въ Вѣнѣ. При этомъ не надо забывать, что въ Gmunden'ѣ онъ одно время былъ съ матерью одинъ, такъ какъ отецъ не могъ тамъ находиться въ продолженіе всего каникулярнаго времени, а кромѣ того, тамъ нѣжность Ганса была распредѣлена между рядомъ товарищей, друзей и пріятельницъ, которыхъ здѣсь не было, и все libido могло нераздѣльно возвратиться къ матери.

Итакъ, страхъ соотвѣтствуетъ вытѣсненному желанію (Sehnsucht). Но онъ далеко не эквивалентенъ этому желанію, и вытѣсненіе кое въ чемъ оказываетъ свое вліяніе. Желаніе можетъ быть цѣликомъ превращено въ удовлетвореніе, когда къ нему допускаютъ желаемый объектъ. При страхѣ это лѣченіе уже больше не годится. Страхъ остается даже тогда, когда желаніе могло бы быть удовлетвореннымъ. Страхъ уже больше нельзя обратно превратить въ libido, которое чѣмъ-то удерживается въ состояніи вытѣсненія. Это обнаруживается на первой же прогулкѣ съ матерью. Гансъ теперь съ матерью и все-таки одержимъ страхомъ, иначе говоря, неудовлетвореннымъ стремленіемъ къ ней. Конечно, страхъ слабѣе, — онъ все-таки гуляетъ, въ то время какъ няню онъ заставилъ вернуться; къ тому же улица не совсѣмъ подходящее мѣсто для ласкъ и для всего того, что хочется маленькому влюбленному. Но страхъ уже выдержалъ испытаніе, и теперь онъ долженъ найти объектъ. На этой прогулкѣ онъ въ первый разъ высказываетъ страхъ, что его укусятъ лошадь. Откуда взялся матеріалъ для этой фобіи? Вѣроятно, изъ тѣхъ еще неизвѣстныхъ комплексовъ, которые повели къ вытѣсненію и удержали въ вытѣсненномъ состояніи libido къ матери. Нѣкоторые опорные пункты для пониманія далѣ намъ уже отецъ, а именно — что Гансъ съ интересомъ на-

блюдалъ лошадей изъ-за ихъ большого Wiwimasher'a, что, по его мнѣнію, у матери долженъ быть такой же Wiwimasher, какъ у лошадей, и т. п. На основаніи этого можно было бы думать, что лошадь—это только замѣна матери. Но почему Гансъ высказываетъ вечеромъ страхъ, что лошадь придетъ въ комнату? Скажутъ, что это глупая тревожная мысль маленькаго ребенка. Но неврозъ, какъ и сонъ, не говоритъ ничего глупаго. Мы всегда бранимся тогда, когда ничего ни понимаемъ. Это значитъ—облегчить себѣ задачу.

Отъ этого искушенія мы должны удержаться еще и въ другомъ отношеніи. Гансъ сознавался, что для удовольствія передъ засыпаньемъ возится со своимъ penis'омъ. Ну, скажетъ практическій врачъ, теперь все ясно. Ребенокъ онанируетъ, и отсюда страхъ. Пусть такъ! То, что дитя вызывало у себя онанизмомъ ощущенія удовольствія, никакъ не объясняетъ намъ его страха и, наоборотъ, дѣлаетъ загадочнымъ. Состоянія страха не вызываются ни онанизмомъ, ни удовлетвореніемъ. При этомъ мы должны имѣть въ виду, что нашъ Гансъ, которому теперь $4\frac{3}{4}$ года, составляетъ себѣ ежевечерно это удовольствіе уже съ годъ, и мы позже узнаемъ, что онъ какъ разъ теперь борется съ этимъ, что уже скорѣе вяжется съ вытѣсненіемъ и съ образованіемъ страха.

Мы должны стать на сторону доброй и, конечно, весьма заботливой матери. Отецъ обвиняетъ ее и не совсѣмъ безъ основанія, что она своей преувеличенной нѣжностью и слишкомъ частой готовностью взять мальчика къ себѣ въ кровать вызвала появленіе невроза; мы могли бы также сдѣлать ей упрекъ въ томъ, что она ускорила наступленіе вытѣсненія своимъ энергичнымъ отказомъ его искательствъ („это—свинство“). Но ея положеніе затруднительно, и она только исполняетъ вѣлѣнныя судьбы.

Я условливаюсь съ отцомъ, чтобы тотъ сказалъ мальчику, что исторія съ лошадьми—это глупость и больше ничего. На самомъ дѣлѣ онъ боленъ оттого, что слишкомъ нѣженъ съ матерью и хочетъ, чтобы она его брала къ себѣ въ кровать. Онъ теперь боится лошадей потому, что его такъ заинтересовалъ Wiwimasher у лошадей. Онъ самъ замѣтилъ, что неправильно такъ сильно интересоваться Wiwimasher'омъ, даже своимъ собственнымъ, и это совершенно вѣрно. Далѣе я предложилъ отцу взяться за сексуальное просвѣщеніе Ганса. Такъ какъ мы изъ записей отца знаемъ, что libido Ганса связано съ желаньемъ видѣть Wiwimasher матери, то нужно отвлечь его отъ этой цѣли, сообщивъ ему, что у матери и у всѣхъ другихъ женщинъ, какъ это онъ уже видѣлъ у Анны, Wiwimasher'а вообще не имѣется. Последнее объясненіе слѣдуетъ дать при удобномъ случаѣ, послѣ какого-нибудь вопроса со стороны Ганса.

Слѣдующія извѣстія, касающіяся нашего маленькаго Ганса, обнимаютъ періодъ съ 1-го до 17-го марта. Мѣсячная пауза вскорѣ—ниже получить свое объясненіе.

„Послѣ разъясненія*) слѣдуетъ болѣе спокойный періодъ, когда Ганса можно ежедневно, безъ особеннаго труда вести гулять въ городской паркъ. Его страхъ предъ лошадьми превращается скорѣе въ навязчивое стремленіе смотрѣть на лошадей. Онъ говоритъ: „Я долженъ смотрѣть на лошадей, и тогда я ихъ боюсь.“

Послѣ инфлюэнцы, которая его на 2 недѣли приковала къ постели, фобія его опять настолько усилилась, что его никакъ нельзя было заставить выйти на улицу; въ крайнемъ случаѣ онъ выходитъ на

*) Что означаетъ его страхъ; но еще ничего—о Wiwimasher'ѣ женщинъ.

балконъ. Еженедѣльно онъ ѣздитъ со мной въ Lainz*) по воскресеньямъ, такъ какъ въ этотъ день на улицѣ мало экипажей, и ему нужно пройти очень короткое расстояние до станціи. Въ Lainz'ѣ онъ однажды отказывается выйти изъ сада на улицу гулять, т. к. передъ садомъ стоитъ экипажъ. Еще черезъ недѣлю, которую ему пришлось оставаться дома, т. к. у него вырѣзали аденоиды, фобія опять усилилась. Онъ хотя все еще выходитъ на балконъ, но не идетъ гулять; онъ быстро возвращается, когда подходитъ къ воротамъ.“

„Въ воскресенье 1-го марта по дорогѣ на вокзалъ у меня завязывается съ нимъ слѣдующій разговоръ. Я опять стараюсь ему объяснить, что лошади не кусаются. Онъ: „Но бѣлая лошади кусаются. Въ Gmunden'ѣ есть бѣлая лошадь, которая кусается. Когда передъ ней держать палецъ, она кусаетъ.“ (Меня удивляетъ, что онъ говоритъ „палецъ“ (вмѣсто „руку“). Затѣмъ онъ рассказываетъ слѣдующую исторію, которую я здѣсь передаю болѣе связно“.

„Когда Лици должна была уѣзжать, передъ ея домомъ стоялъ экипажъ съ бѣлой лошадыю, чтобы отвести вещи на вокзалъ (Лици, какъ онъ мнѣ рассказываетъ, это—дѣвочка, жившая въ сосѣднемъ домѣ). Ея отецъ стоялъ близко около лошади; лошадь повернула голову (чтобы его тронуть), а онъ и говоритъ Лици: „Не давай пальцевъ бѣлой лошади, а то она тебя укуситъ.“—Я говорю на это: „Слушай, мнѣ кажется, что то, что ты думаешь, вовсе не лошадь, а Wiwimacher, котораго нельзя трогать руками.“

Онъ: „Но вѣдь Wiwimacher не кусается?“

Я: „Все можетъ быть!“ На что онъ мнѣ, весьма ожи-

*) Предмѣстье Вѣны, гдѣ живутъ его дѣдушка и бабушка.

вленно старается доказать, что тамъ, дѣйствительно, была бѣлая лошадь*).

„2-го марта, когда онъ опять обнаруживаетъ страхъ, я говорю ему: „Знаешь, что? Глупость—такъ называется онъ свою фобію—пропадетъ, если ты будешь чаще ходить гулять. Теперь она такъ сильна, потому что ты изъ-за болѣзни не выходилъ изъ дому.

Онъ: „О, нѣтъ, она сильна потому, что я началъ каждую ночь трогать рукою свой Wiwimasher“.

Врачъ и пациентъ, отецъ и сынъ сходятся на томъ, что приписываютъ отвыканію отъ онанизма главную роль въ патогенезѣ нынѣшняго состоянія. Но имѣются указанія и на значеніе другихъ моментовъ.

„3 марта къ намъ поступила новая прислуга, которая возбудила въ Гансѣ особую симпатію. Такъ какъ она при уборкѣ комнатъ сажаетъ его на себя, онъ называетъ ее „моя лошадь“ и всегда держитъ ее за юбку, понукая ее. 10 марта онъ говоритъ ей: „Когда вы сдѣлаете то-то и то-то, вы должны будете совершенно раздѣться, даже снять рубашку (онъ думаетъ, въ наказаніе, но за этими словами легко видѣть и желаніе).

Она: „Ну что же изъ этого: Я себѣ подумаю, что у меня нѣтъ денегъ на платье“.

Онъ: „Но это же стыдъ, вѣдь всѣ увидятъ Wiwimasher.“

Старое любопытство направлено на новый объектъ, и, какъ это бываетъ, въ періоды вытѣсненія оно прикрываются морализирующей тенденціей!

„Утромъ 13 марта я говорю Гансу: „Знаешь, когда

*) У отца нѣтъ основанія сомнѣваться, что Гансъ рассказываетъ здѣсь дѣйствительное происшествіе. Впрочемъ, при ощущеніяхъ зуда въ головкѣ члена, которыя заставляютъ прикасаться къ нему, дѣти говорятъ обыкновенно: „Меня кусаетъ.“

ты перестанешь трогать свой Wiwimacher, твоя глупость начнет проходить.“

Гансъ: „Я вѣдь теперь больше не трогаю Wiwimacher’a.“

Я: „Но ты этого всегда хотѣлъ бы.“

Гансъ: Да, это такъ, но „хотѣть“ „не значитъ дѣлать“, а „дѣлать“—это не „хотѣть“. (!!)

Я: „Для того, чтобы ты не хотѣлъ, на тебя сегодня на ночь надѣнуть мѣшокъ.“

„Послѣ этого мы выходимъ за ворота. Онъ хотя еще и испытываетъ страхъ, но, благодаря надеждѣ на облегченіе своей борьбы, говоритъ замѣтно храбрѣе: „Ну, завтра, когда я получу мѣшокъ, глупости больше не будетъ. На самомъ дѣлѣ онъ пугается лошадей значительно меньше и довольно спокойно пропускаетъ мимо себя проѣзжающія кареты.“

„Въ слѣдующее воскресенье, 15 марта, Гансъ обѣщаль поѣхать со мной въ Lainz. Сначала онъ капризничаетъ, наконецъ онъ все-таки идетъ со мной. На улицѣ, гдѣ мало экипажей, онъ чувствуетъ себя замѣтно хорошо и говоритъ: „Это умно, что Боженъка уже выпустилъ лошадь“. По дорогѣ я объясняю ему, что у его сестры нѣтъ такого же Wiwimacher’a, какъ у него. Дѣвочки и женщины не имѣютъ совсѣмъ Wiwimacher’a. У мамы нѣтъ, у Анны нѣтъ и т. д.“

Гансъ: „У тебя есть Wiwimacher?“

Я: „Конечно, а ты что думалъ?“

Гансъ (послѣ паузы): „Какъ же дѣвочки дѣлаютъ wiwi, когда у нихъ нѣтъ Wiwimacher’a?“

Я: „У нихъ нѣтъ такого Wiwimacher’a, какъ у тебя, развѣ ты не видѣлъ, когда Анну купали?“

„Въ продолженіе всего дня онъ веселъ, катается на саняхъ и т. д. Только къ вечеру онъ становится печальнымъ и, повидимому, опять боится лошадей.“

„Вечеромъ нервный припадокъ и нужда въ нѣж-

ничаніи выражены слабѣе, чѣмъ въ прежніе дни. На слѣдующій день мать беретъ его съ собой въ городъ и на улицѣ онъ испытываетъ большой страхъ. На другой день онъ остается дома—и очень веселъ. На слѣдующее утро около 6 час. онъ входитъ къ намъ съ выраженіемъ страха на лицѣ. На вопросъ, что съ нимъ, онъ рассказываетъ: „Я чуть-чуть трогалъ пальцемъ Wiwimasher. Потомъ я видѣлъ маму совсѣмъ голой въ сорочкѣ, и она показала мнѣ свой Wiwimasher. Я показалъ Гретѣ *), моей Гретѣ, что мама дѣлаетъ, и показалъ ей мой Wiwimasher. Тутъ я скоро и отнялъ руку отъ Wiwimasher'а.“ На мое замѣчаніе, что можетъ быть только одно изъ двухъ: или въ сорочкѣ или совершенно голая, Гансъ говоритъ: „Она была въ сорочкѣ, но сорочка была такая короткая, что я видѣлъ Wiwimasher.“

„Все это въ цѣломъ—не сонъ, но эквивалентная сну онанистическая фантазія. То, что онъ заставляетъ дѣлать мать, служить, повидимому, для его собственного оправданія: разъ мама показываетъ Wiwimasher, можно и мнѣ.“

Изъ этой фантазіи мы можемъ отмѣтить слѣдующее: во-первыхъ, что замѣчаніе матери въ свое время имѣло на него сильное вліяніе, и, во-вторыхъ, что разъясненіе объ отсутствіи у женщинъ Wiwimasher'а еще не было имъ принято. Онъ сожалѣетъ, что на самомъ дѣлѣ это такъ и въ своей фантазіи прочно держится за свою точку зрѣнія. Быть-можетъ, у него есть свои основанія отказывать отцу въ довѣріи.

Недѣльный отчетъ отца „Уважаемый г-нъ

*) Грета, одна изъ дѣвочекъ въ Gmunden'ѣ, о которой Гансъ теперь какъ разъ фантазируетъ; онъ разговариваетъ и играетъ съ ней.

профессоръ! Ниже слѣдуетъ продолженіе исторіи нашего Ганса, интереснѣйшій отрывокъ. Быть-можетъ, я позволю себѣ посѣтить васъ въ понедѣльникъ, въ приемные часы, и, если удастся, приведу, съ собой Ганса, конечно, если онъ пойдетъ. Сегодня я его спросилъ: „Хочешь пойти со мной въ понедѣльникъ къ профессору, который у тебя отниметъ глупость“.

Онъ: „Нѣтъ“.

Я: „Но у него есть очень хорошенькая дѣвочка.“
Послѣ этого онъ охотно и съ удовольствіемъ даетъ свое согласіе.“

„Воскресенье 21 марта. Чтобы нѣсколько расширить воскресную программу дня, я предлагаю Гансу поѣхать сначала въ Schönbrunn и только оттуда къ обѣду—въ Lainz. Такимъ образомъ ему приходится не только пройти пѣшкомъ отъ квартиры до станціи у таможи, но еще отъ станціи Hietzing въ Schönbrunn, а оттуда къ станціи пароваго трамвая Hietzuig. Все это онъ и продѣлываетъ, при чемъ онъ, когда видитъ лошадей, быстро отворачивается, т. к. ему дѣлается, повидимому, страшно. Отворачивается онъ по совѣту матери“.

„Въ Schönbrunn'ѣ онъ проявляетъ страхъ передъ животными. Такъ, онъ ни за что не хочетъ войти въ домикъ, въ которомъ находится жирафъ, не хочетъ войти къ слону, который обыкновенно его весьма развлекаетъ. Онъ боится всѣхъ крупныхъ животныхъ, а у маленькихъ чувствуетъ себя хорошо. Среди птицъ на этотъ разъ онъ боится пеликана, чего раньше никогда не было, вѣроятно, изъ-за его величины.“

Я ему на это говорю: „Знаешь, почему ты боишься большихъ животныхъ? У большихъ животныхъ большой Wiwimacher, а ты на самомъ дѣлѣ испытываешь страхъ передъ большимъ Wiwimacher'омъ.“

Гансъ: „Но я вѣдь никогда не видѣлъ Wiwimacher'a у большихъ животныхъ“ *).

Я: „У лошади ты видѣлъ, а вѣдь лошадь тоже большое животное.“

Гансъ: „Да, у лошади—часто. Одинъ разъ въ Gmunden'ѣ, когда передъ домомъ стоялъ экипажъ, одинъ разъ передъ таможеней.“

Я: „Когда ты былъ маленькимъ, ты, вѣроятно, въ Gmunden'ѣ вошелъ въ конюшню...“

Гансъ (прерывая): „Да, каждый день въ Gmunden'ѣ, когда лошади проходили домой, я заходилъ въ конюшню.“

Я: „... и ты, вѣроятно, началъ бояться, когда однажды увидѣлъ у лошади большой Wiwimacher. Но тебѣ этого нечего пугаться. У большихъ животныхъ большой Wiwimacher, у маленькихъ—маленькій“.

Гансъ: „И у всѣхъ людей есть Wiwimacher и Wiwimacher вырастетъ вмѣстѣ со мной, когда я стану больше; вѣдь онъ уже выросъ.“

„На этомъ разговоръ прекращается; въ слѣдующіе дни страхъ какъ будто опять увеличился. Онъ не рѣшается выйти за ворота, куда его обыкновенно водятъ послѣ обѣда.“

Послѣднія слова утѣшенія Ганса проливаютъ свѣтъ на положеніе вещей и даютъ намъ возможность внести нѣкоторую поправку въ утвержденія отца. Вѣрно, что онъ боится большихъ животныхъ, потому что онъ долженъ думать объ ихъ большомъ Wiwimacher'ѣ, но собственно нельзя еще говорить, что онъ испытываетъ передъ самымъ большимъ Wiwimacher'омъ. Представленіе о таковомъ было у него раньше безусловно окрашено чувствомъ удовольствія, и онъ всячески

*) Это невѣрно. Ср. его восклицаніе передъ клѣткой льва; здѣсь, вѣроятно, начинающееся забываніе вслѣдствіе вытѣсненія.

старался какъ - нибудь увидѣть этотъ Wiwimasher. Съ того времени это удовольствіе было испорчено обращеніемъ удовольствія въ неудовольствіе, которое, непонятнымъ еще для насъ образомъ, охватило все его сексуальное изслѣдованіе и, что для насъ болѣе ясно, послѣ извѣстнаго опыта и размышленій привело его къ мучительнымъ выводамъ. Изъ его самоутѣшенія: Wiwimasher вырастетъ вмѣстѣ со мною, можно заключить, что онъ при своихъ наблюденіяхъ всегда занимался сравненіями и остался весьма неудовлетвореннымъ величиной своего собственнаго Wiwimasher'a. Объ этомъ дефектѣ напоминаютъ ему большія животныя, которыя для него по этой причинѣ непріятны. Но такъ какъ весь ходъ мыслей, вѣроятно, никакъ не можетъ стать ясно сознаваемымъ, то это тягостное ощущеніе превращается въ страхъ; такимъ образомъ, страхъ его построенъ какъ на прежнемъ удовольствіи, такъ и на тепершнемъ неудовольствіи. Послѣ того, какъ состояніе страха уже установилось, страхъ поглощаетъ всѣ остальные ощущенія. Когда процессъ вытѣсненія прогрессируетъ, когда представленія, связанныя съ аффектомъ и уже бывшія сознанными, все больше отодвигаются въ безсознательное, — всѣ аффекты могутъ превратиться въ страхъ.

Курьезное замѣчаніе Ганса „онъ вѣдь уже выросъ“ даетъ намъ возможность въ связи съ его самоутѣшеніемъ угадать многое, что онъ не можетъ высказать, и чего онъ не высказалъ при настоящемъ анализѣ.

Я заполню этотъ дефектъ моими предположеніями, составленными на основаніи опыта съ анализами взрослыхъ. Но я надѣюсь, что мои дополненія не покажутся включенными насильственно и произвольно. „Вѣдь онъ же выросъ.“ Объ этомъ Гансъ думаетъ на зло и для самоутѣшенія; но это напоминаетъ намъ и старую угрозу матери, что ему отрѣжутъ Wiwimasher,

когда онъ будетъ продолжать возиться съ нимъ. Эта угроза тогда, когда ему было 3½ года, не произвела впечатлѣнія. Онъ съ невозмутимостью отвѣтилъ, что онъ тогда будетъ дѣлать wіwі своимъ роро. Можно считать вполне типичнымъ, что угроза кастраціей оказала свое вліяніе только черезъ большой промежутокъ времени, и онъ теперь—черезъ 1½ года находится въ страхѣ лишиться дорогой частички своего „я“. Подобныя послѣдовательныя вліянія приказаній и угрозъ, сдѣланныхъ въ дѣтствѣ, можно наблюдать и при другихъ случаяхъ болѣзни, гдѣ интервалъ охватываетъ десятилѣтія и больше. Я даже знаю случаи, когда „послѣдовательное послушаніе“ въ вытѣсненіи оказывало существенное вліяніе на детерминированіе болѣзненныхъ симптомовъ.

Разъясненіе, которое Гансъ недавно получилъ объ отсутствіи Wіwіmacher'a у женщинъ, могло только колебать его довѣріе къ себѣ и пробудить кастраціонный комплексъ. Поэтому онъ и протестовалъ противъ него, и поэтому не получилось лѣчебнаго эффекта отъ этого сообщенія: развѣ дѣйствительно имѣются живыя существа, у которыхъ нѣтъ никакого Wіwіmacher. Тогда уже нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что у него могутъ отнять Wіwіmacher и такимъ образомъ сдѣлають его женщиной*)

*) Я не могу настолько прерывать изложенія, чтобы указать, какъ много типичнаго въ этомъ безсознательномъ ходѣ мыслей, который я приписываю маленькому Гансу. Кастраціонный комплексъ—это самый глубокій безсознательный корень антисемитизма, потому что еще въ дѣтской мальчикъ часто слышитъ, что у евреевъ отрѣзають что-то—онъ думаетъ, кусокъ penis'a, и это даетъ ему право относиться съ презрѣніемъ къ евреямъ. И сознаніе превосходства надъ женщиной имѣетъ тотъ же безсознательный корень. Вейнмистеръ, этотъ талантливый и сексуально-больной молодой философъ, который послѣ своей удивительной книги „Поль въ Характеръ“ покончилъ жизнь самоубійствомъ, въ одной обратившей на себя вниманіе мно-

„Ночью съ 27-го на 28-ое Гансъ неожиданно для насъ въ темнотѣ встаетъ съ своей кровати и влѣзаетъ въ нашу кровать. Его комната отдѣлена отъ нашей спальни кабинетомъ. Мы спрашиваемъ его, зачѣмъ онъ пришелъ, не боялся ли онъ чего-нибудь. Онъ говоритъ: „Нѣтъ, я это скажу завтра,“ засыпаетъ въ нашей кровати, и затѣмъ уже его относятъ въ его кровать.“

„На слѣдующее утро я начинаю его усовѣщивать, чтобы узнать, зачѣмъ онъ ночью пришелъ къ намъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія развивается слѣдующей діалогъ, который я сейчасъ же стенографически записываю.

Онъ: „Ночью въ комнатѣ былъ одинъ большой и другой измятый жирафъ, и большой поднималъ крикъ, потому что я отнял у него измятаго. Потомъ онъ пересталъ кричать, а потомъ я сѣлъ на измятаго жирафа.“

Я, съ удивленіемъ: „Что? Измятый жирафъ? Какъ это было?“

Онъ: „Да“ (быстро приносить бумагу, быстро мнетъ и говоритъ мнѣ): „Вотъ такъ былъ онъ измятъ.“

Я: „И ты сѣлъ на измятаго жирафа? Какъ?“ „Онъ это мнѣ опять показываетъ и садится на полъ.“

Я: „Зачѣмъ же ты пришелъ въ комнату?“

Онъ: „Этого я самъ не знаю.“

Я: „Ты боялся?“

Онъ. „Нѣтъ, какъ будто нѣтъ.“

Я: „Тебѣ снились жирафы?“

Онъ. „Нѣтъ, не снились; я себѣ это думалъ, все это я себѣ думалъ, проснулся я уже раньше.“

гихъ главѣ осыпалъ евреевъ и женщинъ съ одинаковой злобой одинаковыми ругательствами. *Вейнштеръ*, какъ невротикъ, стоялъ всецѣло подъ вліяніемъ инфантильных комплексовъ; отношеніе къ кастраціонному комплексу—это общее для женщины и еврея.

Я: „Что это должно значить: измятый жирафъ? Вѣдь ты знаешь, что жирафа нельзя смять, какъ кусокъ бумаги.“

Онъ: „Это я знаю, Я себѣ такъ и думалъ. Этого даже не бываетъ на свѣтѣ.*) Измятый жирафъ совсѣмъ лежалъ на полу, а я его взялъ себѣ, взялъ руками.“

Я: „Что, развѣ можно такого большого жирафа взять руками?“

Онъ: „Я взялъ руками измятаго.“

Я: „А гдѣ въ это время былъ большой?“

Онъ: „Большой-то стоялъ дальше, въ сторонкѣ.“

Я: „А что ты сдѣлалъ съ измятымъ?“

Онъ: „Я его немножко подержалъ въ рукѣ, пока большой пересталъ кричать, а потомъ сѣлъ на него.“

Я: „А зачѣмъ большой кричалъ?“

Онъ: „Потому что я у него отнял маленькаго. (Замѣчаетъ, что я все записываю, и спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты все записываешь?“

Я: „Потому что я это пошлю одному профессору, который у тебя отниметъ „глупость“.“

Онъ: „Ага, а ты вѣдь написалъ и то, что мама сняла рубашку, ты это тоже дашь профессору?“

Я: „Да, и ты можешь повѣрить, что онъ не пойметъ, какъ можно измять жирафа.“

Онъ: „А ты ему скажи, что я самъ этого не знаю, и тогда онъ не будетъ спрашивать, а когда онъ спроситъ, что такое измятый жирафъ, пусть онъ намъ напишетъ, и мы ему отвѣтимъ или сейчасъ напишемъ, что я самъ этого не знаю.“

Я: „Почему же ты пришелъ ночью?“

Онъ: „Я этого не знаю.“

*) Гансъ на своемъ языкѣ опредѣленно заявляетъ, что это была фантазія.

Я: „Скажи-ка мнѣ скоро, о чемъ ты теперь думаешь?“

Онъ (съ юморомъ): „Объ имбирномъ сокѣ.“

Я: „О чемъ еще?“

Онъ: „О настоящемъ ружьѣ для убиванія на смерть.“*)

Я: „Тебѣ вѣдь это не снилось?“

Онъ: „Навѣрно, нѣтъ; нѣтъ,—я знаю это совершенно опредѣленно.“

„Онъ продолжаетъ разсказывать.“ Мама меня такъ долго просила, чтобы я ей сказалъ, зачѣмъ я пришелъ ночью. А я этого не хотѣлъ сказать, потому что мнѣ было стыдно передъ мамой.“

Я: „Почему?“

Онъ: „Я этого не знаю.“

„Въ дѣйствительности жена моя разспрашивала его все утро, пока онъ не разсказалъ ей исторію съ жирафами.“

Въ тотъ же день находитъ разгадку фантазія съ жирафами.“

„Большой жирафъ—это я (большой penis—длинная шея), измятый жирафъ—моя жена (ея половой органъ), и все это—результатъ моего разъясненія.“

Жирафъ: см. поѣздку въ Schönbrunn.

Кромѣ того, изображеніе жирафа и слона висятъ надъ его кроватью.“

Все вмѣстѣ есть репродукція сцены, повторяющейся въ послѣднее время почти каждое утро. Гансъ приходитъ утромъ къ намъ, и моя жена не можетъ удержаться, чтобы не взять его на нѣсколько минутъ

*) Отецъ, чувствуя свою безпомощность, пробуетъ примѣнить классическій приѣмъ психоанализа. Это немного ему помогаетъ, но полученныя данныя могутъ все-таки имѣть глубокой смыслъ въ свѣтѣ дальнѣйшихъ открытій.

къ себѣ въ кровать. Тутъ я обыкновенно начинаю ее убѣждать не дѣлать этого („большой жирафъ кричалъ, потому что я отнялъ у него измятаго“), а она съ раздраженіемъ мнѣ отвѣчаетъ, что это безсмыслица, что одна минута не можетъ имѣть послѣдствій и т. д. Послѣ этого Гансъ остается у нея на короткое время (тогда большой жирафъ пересталъ кричать, и тогда я сѣлъ на измятаго жирафа).

„Разрѣшеніе этой семейной сцены, транспонированной на жизнь жирафовъ, сводится къ слѣдующему: ночью у него появилось сильное стремленіе къ матери, къ ея ласкамъ, ея половому органу, и поэтому онъ пришелъ въ спальню. Все это—продолженіе его боязни лошадей.“

Я могъ бы къ остроумному толкованію отца прибавить только слѣдующее: „сѣсть на что-нибудь“ у Ганса, вѣроятно, соотвѣтствуетъ представленію объ обладаніи. Все вмѣстѣ—это фантазія упрямства, которая съ чувствомъ удовлетворенія связана съ побѣдой надъ сопротивленіемъ отца: „Кричи, сколько хочешь, а мама все-таки возьметъ меня въ кровать, и мама принадлежитъ мнѣ.“ Такимъ образомъ, за этой фантазіей скрывается все то, что предполагаетъ отецъ: страхъ, что его не любитъ мать, потому что его *Wiwi*машег несравненно меньше, чѣмъ у отца.

На слѣдующее утро отецъ находитъ подтвержденіе своего толкованія.

„Въ воскресенье, 28 марта, я ѣду съ Гансомъ въ *Leinz*. Въ дверяхъ, прощаясь, я шутя говорю женѣ: „Прощай, большой жирафъ.“ Гансъ спрашиваетъ: „Почему жирафъ?“ Я: „Большой жирафъ—это—мама.“ Гансъ: „Неправда, а развѣ Анна—это—измятый жирафъ?“

„Въ вагонѣ я разъясняю ему фантазію съ жира-

фами. Онъ сначала говоритъ: „Да, это вѣрно“, а затѣмъ, когда я ему указывалъ, что большой жирафъ— это я, такъ какъ длинная шея напомнила ему *Wiwi-masher*, онъ говоритъ: „У мамы тоже шея, какъ у жирафа,—я это видѣлъ, когда мама мыла себѣ свою бѣлую шею *).“

„Въ понедѣльникъ 30 марта утромъ Гансъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Слушай, сегодня я себѣ подумалъ двѣ вещи“.—„Первая?“ „Я былъ съ тобою въ *Schönbrunn* у овецъ, и тамъ мы пролѣзли подъ веревки, потомъ мы это сказали сторожу у входа, а онъ насъ и сцапалъ“. Второе онъ забылъ.“

„По поводу этого я могу замѣтить слѣдующее: когда мы въ воскресенье въ зоологическомъ саду хотѣли подойти къ овцамъ, оказалось, что это мѣсто было ограждено веревкой, такъ что мы не могли попасть туда. Гансъ былъ весьма удивленъ, что огражденіе сдѣлано только веревкой, подъ которую легко пролѣзть. Я сказалъ ему, что приличные люди не пролѣзаютъ подъ веревку. Гансъ замѣтилъ, что вѣдь это такъ легко сдѣлать. На это я ему сказалъ, что тогда придетъ сторожъ, который такого человѣка и уведетъ. У входа въ *Schönbrunn* стоитъ гвардеецъ, о которомъ я говорилъ Гансу, что онъ арестовываетъ дурныхъ дѣтей.“

„Въ этотъ же день, по возвращеніи отъ васъ, Гансъ сознался еще въ нѣсколькихъ желаніяхъ сдѣлать что-нибудь запрещенное.“ „Слушай, сегодня рано утромъ я опять о чемъ-то думалъ.“ „О чемъ?“

*) Гансъ подтверждаетъ теперь толкованіе въ той части, что оба жирафа соотвѣтствуютъ отцу и матери, но онъ не соглашается съ сексуальной символикой, по которой жирафъ долженъ соотвѣтствовать *penis*'у. Возможно, что эта символика вѣрна, но отъ Ганса, повидимому, пока большаго нельзя и требовать.

„Я ѣхалъ съ тобой въ вагонъ; мы разбили стекло, и городской насъ забралъ.“

Правильное продолженіе фантазіи съ жирафами. Онъ чувствуетъ, что нельзя стремиться къ обладанію матерью; онъ натолкнулся на границу, за которой слѣдуетъ кровосмѣшеніе. Но онъ считаетъ это запретнымъ только для себя. При всѣхъ запретныхъ шалостяхъ, которыя онъ воспроизводитъ въ своей фантазіи, всегда присутствуетъ отецъ, который вмѣстѣ съ нимъ подвергается аресту. Отецъ, какъ думаетъ онъ, вѣдь тоже продѣлываетъ съ матерью загадочное и запретное, какъ онъ себѣ представляетъ что-то насильственное въ родѣ разбиванія стекла или прониканія въ загражденное пространство.

Въ этотъ же день въ мои пріемные часы меня посѣтили отецъ съ сыномъ. Я уже раньше зналъ этого забавнаго малыша, милаго въ своей самоувѣренности, котораго мнѣ всегда пріятно было видѣть. Не знаю, вспомнилъ ли онъ меня, но онъ велъ себя безупречно, какъ вполне разумный членъ человѣческаго общества. Консультация была коротка. Отецъ началъ съ того, что страхъ Ганса передъ лошадьми, несмотря на всѣ разъясненія, не уменьшился. Мы должны были сознаться и въ томъ, что связь между лошадьми, передъ которыми онъ чувствовалъ страхъ, и между раскрытыми побужденіями нѣжности къ матери довольно слабая. Детали, которыя я теперь узналъ, что Ганса больше всего смущаетъ то, что лошади имѣютъ надъ глазами, и нѣчто черное у ихъ рта, никакъ нельзя было объяснить тѣми данными, которыя у насъ имѣлись. Но когда я смотрѣлъ на нихъ обоихъ и выслушивалъ рассказъ о страхѣ, у меня блеснула мысль о слѣдующей части толкованія, которая, какъ я могъ понять, должна была ускользнуть отъ отца. Я шутя спросилъ Ганса, не носятъ ли его

лошади очковъ. Онъ отрицаетъ это. Носить ли его отецъ очки? Это онъ опять отрицаетъ даже вопреки очевидности. Не называетъ ли онъ чернымъ у „рта“ усы? Затѣмъ я объясняю ему, что онъ чувствуетъ страхъ передъ отцомъ, потому что онъ такъ любитъ мать. Онъ могъ бы думать, что отецъ за это на него золъ. Но это неправда. Отецъ его все-таки сильно любитъ, и онъ можетъ безъ страха во всемъ ему сознаваться. Уже давно, когда Ганса не было на свѣтѣ, я уже зналъ, что появится маленькій Гансъ, который будетъ такъ любить свою маму и поэтому будетъ чувствовать страхъ передъ отцомъ. И я объ этомъ даже рассказывалъ его отцу. Тутъ отецъ прерываетъ меня: „Почему ты думаешь, что я сержусь на тебя? Развѣ я тебя ругалъ или билъ?“ „Да, ты меня билъ,“ заявляетъ Гансъ. „Это неправда. Когда?“ „Сегодня передъ обѣдомъ,“ и отецъ вспоминаетъ, что Гансъ его совершенно неожиданно толкнулъ въ животъ, послѣ чего онъ его рефлекторно шлепнулъ рукою. Замѣчательно, что эту деталь отецъ не привелъ въ связь съ неврозомъ, и только теперь онъ усмотрѣлъ въ этомъ поступкѣ выраженіе враждебнаго отношенія мальчика, а также, быть-можетъ, проявленіе необходимости получить за это наказаніе *).

На обратномъ пути Гансъ спрашиваетъ у отца: „Развѣ профессоръ разговариваетъ съ Богомъ, что онъ все можетъ знать раньше?“ Я могъ бы очень гордиться этимъ признаніемъ изъ дѣтскихъ устъ, если бы я самъ не вызвалъ его своимъ шутливымъ хвастовствомъ. Послѣ этой консультаціи я почти ежедневно получалъ свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ со-

*) Эту реакцію мальчикъ повторилъ позже болѣе отчетливымъ и полнымъ образомъ. Онъ сначала ударилъ отца въ руку, а затѣмъ началъ эту же руку нѣжно цѣловать.

стоянии маленькаго пациента. Нельзя было, конечно, ожидать, что онъ послѣ моего сообщенія сразу освободится отъ страховъ, но оказалось, что ему теперь дана уже была возможность обнаружить свои безсознательныя продукціи и расплести свою фобію. Съ этого времени онъ продѣлалъ программу, которую я уже заранѣе могъ бы изложить его отцу.

„2-го апрѣля можно констатировать первое существенное улучшеніе. Въ то время, какъ до сихъ поръ его никакъ нельзя было заставить выйти за ворота на сколько-нибудь продолжительное время, и онъ со всѣми признаками ужаса мчался домой, когда появлялись лошади, теперь онъ остается передъ воротами цѣлый часъ и даже тогда, когда проѣзжаютъ мимо экипажи, что у насъ случается довольно часто. Время отъ времени онъ бѣжитъ въ домъ, когда видитъ вдали лошадей, но онъ сейчасъ же, какъ бы передумавши, возвращается обратно. Но отъ страха осталась уже только частица, и нельзя не констатировать улучшенія со времени разъясненія.“

Вечеромъ онъ говоритъ: „Разъ мы уже идемъ за ворота, мы поѣдемъ и въ паркъ.“

„3-го апрѣля онъ рано утромъ приходитъ ко мнѣ въ кровать, въ то время какъ за послѣдніе дни онъ больше не приходилъ ко мнѣ и какъ бы гордился своимъ воздержаніемъ. Я спрашиваю: „Почему же ты сегодня пришелъ?“

Гансъ: „Пока я не буду бояться, я больше не приду.“

Я: „Значитъ, ты приходишь ко мнѣ потому, что ты боишься?“

Гансъ: „Когда я не у тебя—я боюсь; когда я не у тебя въ кровати—я боюсь. Когда я больше не буду бояться, я больше не приду.“

Я: „Значитъ ты меня любишь, и на тебя находить

страхъ, когда ты утромъ находишься въ своей постели; поэтому ты приходишь ко мнѣ?”

Гансъ: „Да. А почему ты сказалъ мнѣ, что я люблю маму, и на меня находить страхъ, потому что я люблю тебя?”

Мальчикъ теперь въ своихъ выраженіяхъ становится необыкновенно яснымъ. Онъ даетъ понять, что въ немъ борется любовь къ отцу съ враждебностью къ нему же изъ-за соперничества у матери, и онъ дѣлаетъ отцу упрекъ за то, что тотъ до сихъ поръ не обратилъ его вниманія на эту игру силъ, которая превращалась въ страхъ. Отецъ его еще не вполне понимаетъ, потому что онъ только послѣ этого разговора убѣждается во враждебности мальчика, на которой я настаивалъ уже при нашей консультаціи. Нижеслѣдующее, которое я привожу въ неизмѣненномъ видѣ, собственно говоря, болѣе важно въ смыслѣ разъясненія для отца, чѣмъ для маленькаго пациента.

„Это возраженіе я, къ сожалѣнію, не сразу понялъ, во всемъ его значеніи. Такъ какъ Гансъ любитъ мать, онъ, очевидно, хочетъ, чтобы меня не было, и онъ былъ бы тогда на мѣстѣ отца. Это подавленное враждебное желаніе становится страхомъ изъ-за отца, и онъ приходитъ рано утромъ ко мнѣ, чтобы видѣть, не ушелъ ли я. Къ сожалѣнію, я въ этотъ моментъ всего этого не понялъ и говорю ему:

„Когда ты одинъ, ты тоскуешь обо мнѣ и приходишь сюда.“

Гансъ: „Когда тебя нѣтъ, я боюсь, что ты не придешь домой.“

Я: „Развѣ я когда-нибудь грозилъ тебѣ тѣмъ, что не приду домой?”

Гансъ: „Ты—нѣтъ, но мама—да. Мама говорила мнѣ, что она больше не пріѣдетъ. (Вѣроятно, онъ дурно велъ себя, и она пригрозила ему своимъ уходомъ).

Я: „Она это сказала тебѣ, потому что ты себя дурно велѣ.“

Гансъ: „Да.“

„Я: „Значить ты боишься, что я уйду, потому что ты себя дурно велѣ, и изъ-за этого ты приходишь ко мнѣ“.

„За завтракомъ я встаю изъ-за стола, и Гансъ говоритъ мнѣ: „Папа, не убѣгай отсюда!“ Я обращаю вниманіе на то, что онъ говоритъ „убѣгай“ вмѣсто „уходи“, и отвѣчаю ему: „Ага, ты боишься, что лошадь убѣжитъ отсюда?“ Онъ смѣется.“

Мы знаемъ, что эта часть страха Ганса носить двойственный характеръ: страхъ передъ отцомъ и страхъ изъ-за отца. Первое происходитъ отъ враждебности по отношенію къ отцу, второе—отъ конфликта между нѣжностью, которая здѣсь реактивно увеличена, и враждебностью.

Отецъ продолжаетъ: „Это, несомнѣнно, начало важной части анализа. То, что онъ рѣшается въ крайнемъ случаѣ только выйти за ворота, но отъ воротъ не отходить, что онъ при первомъ приступѣ страха возвращается съ половины пути—мотивировано страхомъ не застать родителей дома, потому что они ушли. Онъ не отходить отъ дома изъ любви къ матери, и онъ боится, что я уйду вслѣдствіе его враждебныхъ желаній (по отношенію ко мнѣ) занять мѣсто отца.“

„Лѣтомъ я нѣсколько разъ по своимъ дѣламъ ѣздилъ изъ Gmunden'а въ Вѣну; тогда отцомъ былъ онъ. Напоминаю, что страхъ передъ лошадьми связанъ съ переживаніемъ въ Gmunden'ѣ, когда лошадь должна была отвезти багажъ Lizzi на вокзалъ. Вытѣсненное желаніе, чтобы я поѣхалъ на вокзалъ, и онъ остался одинъ съ матерью („чтобы лошадь уѣхала“) превращается въ страхъ передъ отъѣздомъ ло-

шадей. И дѣйствительно, ничто не наводитъ на него большаго страха, какъ отъѣздъ экипажей со двора таможни, находящейся противъ насъ.“

„Эта новая часть (враждебные помыслы противъ отца) обнаруживается только послѣ того, какъ онъ знаетъ, что я не сержусь на него за то, что онъ такъ любить маму.“

„Послѣ обѣда я опять выхожу съ нимъ за ворота, онъ опять ходитъ передъ домомъ и остается тамъ даже тогда, когда проѣзжаютъ экипажи. Только при проѣздѣ нѣкоторыхъ экипажей онъ испытываетъ страхъ и бѣжитъ во дворъ. Онъ даже мнѣ объясняетъ: „Не всѣ бѣлыя лошади кусаются.“ Это значитъ: послѣ анализа въ нѣкоторыхъ бѣлыхъ лошадяхъ онъ узналъ отца, и онѣ больше не кусаются, но остаются еще другія лошади, которыя кусаются.“

„Расположеніе передъ нашими воротами слѣдующее: напротивъ находится складъ таможни съ платформой, къ которой въ теченіе всего дня подѣзжаютъ возы, чтобы забрать ящики и т. п. Отъ улицы этотъ дворъ отдѣляется рѣшеткой. Какъ разъ противъ нашей квартиры находятся ворота этого двора. Я уже нѣсколько дней замѣчаю, что Гансъ испытываетъ особенно сильный страхъ, когда возы въѣзжаютъ и выѣзжаютъ изъ этихъ воротъ и при этомъ должны поворачивать. Въ свое время я его спросилъ, чего онъ такъ боится, на что онъ сказалъ мнѣ: „Я боюсь, что лошади упадутъ во время поворота (А). Также сильно волнуется онъ, когда возы, стоящіе передъ платформой для выгрузки, неожиданно приходятъ въ движеніе, чтобы отъѣхать (В). Далѣе (С) онъ больше боится большихъ ломовыхъ лошадей, чѣмъ маленькихъ, крестьянскихъ лошадей—больше, чѣмъ элегантныхъ (какъ, напримѣръ, въ экипажахъ). Онъ также испытываетъ большій

страхъ, когда возъ проѣзжаетъ мимо очень быстро (Д), чѣмъ когда лошади плетутся медленно. Всѣ эти различія выступили отчетливо только въ послѣдніе дни.“

Я позволилъ бы себѣ сказать, что благодаря анализу, сталъ смѣлѣе не только паціентъ, но и его фобія, которая рѣшается выступать съ большей ясностью.

„5-го апрѣля Гансъ опять приходитъ въ спальню и направляется нами обратно въ свою кровать. Я говорю ему: „До тѣхъ поръ, пока ты будешь рано утромъ приходитъ въ спальню, страхъ передъ лошадьми не улучшится.“ Но онъ упорствуетъ и отвѣчаетъ: „Я все-таки буду приходитъ, когда у меня страхъ.“ Итакъ, онъ не хочетъ, чтобы ему запретили визиты къ мамѣ.“

„Послѣ завтрака мы должны сойти внизъ. Гансъ очень радуется этому и собирается вмѣсто того, чтобы остаться, какъ обыкновенно, у воротъ, перейти черезъ улицу во дворъ, гдѣ, какъ онъ часто наблюдалъ, играетъ много мальчиковъ. Я говорю ему, что мнѣ доставитъ удовольствіе, когда онъ перейдетъ улицу и, пользуясь случаемъ, спрашиваю его, почему онъ испытываетъ страхъ, когда нагруженные возы отъѣзжаютъ отъ платформы (В).“

Гансъ: „Я боюсь, когда я стою у воза, а возъ быстро отъѣзжаетъ, тогда я стою на немъ, хочу оттуда влѣзть на доски (платформу), и я отъѣзжаю вмѣстѣ съ возомъ.“

Я: „А когда возъ стоитъ, тогда ты не боишься? Почему?“

Гансъ: „Когда возъ стоитъ, я скоро вхожу на него и перехожу на доски“.

„(Гансъ, такимъ образомъ, собирается перелѣзть черезъ возъ на платформу и боится, что возъ тронется, когда онъ будетъ стоять на немъ).“

Я: „Можетъ-быть, ты боишься, что, когда ты уѣдешь съ возомъ, ты не придешь больше домой?“

Гансъ: „О, нѣтъ, я всегда могу еще притти къ мамѣ на возу или на извозчикѣ; я ему даже могу сказать номеръ дома.“

Я: „Чего же ты тогда боишься?“

Гансъ: „Потому что я еще никогда тамъ наверху не былъ, а мнѣ такъ хотѣлось бы быть тамъ, и знаешь почему? Потому, что я хотѣлъ бы нагружать и разгружать тюки и лазить по нимъ. Мнѣ ужасно хотѣлось бы лазить по тюкамъ. А знаешь, отъ кого я научился лазить? Я видѣлъ, что мальчишки лазаютъ на тюкахъ, и мнѣ тоже хотѣлось бы это дѣлать.“

„Его желаніе не осуществилось потому, что, когда Гансъ рѣшился выйти за ворота, нѣсколько шаговъ по улицѣ вызвали въ немъ слишкомъ большое сопротивленіе, такъ какъ во дворѣ все время проѣзжали возы.“

Профессоръ знаетъ также только то, что эта имѣющаяся въ виду игра Ганса съ нагруженными возами должна имѣть символическое, замѣщающее отношеніе къ другому желанію, которое еще не высказано. Но это желаніе можно было бы конструировать и теперь, какъ бы это ни показалось смѣлымъ.

„Послѣ обѣда мы опять идемъ за ворота и по возвращеніи я спрашиваю Ганса:

„Какихъ лошадей ты собственно больше всего боишься?“

Гансъ: „Всѣхъ.“

Я: „Это невѣрно.“

Гансъ: „Больше всего я боюсь лошадей, которыя имѣютъ что-то у рта.“

Я: „О чемъ ты говоришь? О желѣзѣ, которое онѣ носятъ во рту?“

Гансъ: „Нѣтъ, у нихъ есть что-то черное у рта (прикрываетъ свой ротъ рукой).“

Я: „Можетъ-быть, усы?“

Гансъ (смѣется): „О, нѣтъ!“

Я: „Это имѣется у всѣхъ лошадей?“

Гансъ: „Нѣтъ, только у нѣкоторыхъ.“

Я: „Что же это у нихъ у рта?“

Гансъ: „Что то черное.“ Я думаю, что, на самомъ дѣлѣ, это — ремень, который ломовыя лошади носятъ поперекъ головы. Я боюсь тоже больше всего мебельныхъ фургоновъ.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „Я думаю, что когда ломовыя лошади тянутъ тяжелый фургонъ, онѣ могутъ упасть.“

Я: „Значитъ, маленькихъ возовъ ты не боишься?“

Гансъ: „Нѣтъ, маленькихъ и почтовыхъ я не боюсь. Я еще больше всего боюсь, когда проѣзжаетъ омнибусъ.“

Я: „Почему? Потому что онъ такой большой?“

Гансъ: „Нѣтъ, потому что однажды у такого омнибуса упала лошадь.“

Я: „Когда?“

Гансъ: „Однажды, когда я шелъ съ мамой, не смотря на „глупость“, когда я купилъ жилетку.“

(Это потомъ подтверждается матерью).

Я: „Что ты себѣ думалъ, когда упала лошадь?“

Гансъ: „Что теперь всегда будетъ такъ,—всѣ лошади въ омнибусахъ будутъ падать“.

Я: „Въ каждомъ омнибусѣ?“

Гансъ: „Да, и въ мебельныхъ фургонахъ. Въ мебельныхъ не такъ часто.“

Я: „Тогда уже у тебя была твоя глупость?“

Гансъ: „Нѣтъ, я получилъ ее позже. Когда лошадь отъ мебельнаго фургона опрокинулась, я такъ

сильно испугался! Потомъ уже, когда я пошелъ, я получилъ свою глупость.“

Я: „Вѣдь глупость была въ томъ, что ты себѣ думалъ, что тебя укуситъ лошадь, а теперь, какъ оказывается, ты боялся, что упадетъ лошадь?“

Гансъ: „Опрокинется и укуситъ.“ *).

Я: „Почему же ты такъ испугался?“

Гансъ: „Потому что лошадь дѣлала ногами такъ (ложится на землю и начинаетъ барахтаться). Я испугался, потому что она ногами производила шумъ“.

Я: „Гдѣ ты тогда былъ съ мамой?“

Гансъ: „Сначала на каткѣ, потомъ въ кафе, потомъ покупали жилетку, потомъ въ кондитерской, а потомъ вечеромъ домой мы проходили черезъ паркъ“.

„(Моя жена подтверждаетъ все это, а также и то, что непосредственно за этимъ появился страхъ).“

Я: „Лошадь умерла послѣ того, какъ упала?“

Гансъ: „Да“.

Я: „Откуда ты это знаешь?“

Гансъ: „Потому что я это видѣлъ (смѣется). Нѣтъ, она совсѣмъ не умерла.“

Я: „Быть-можетъ, ты себѣ думалъ, что она умерла?“

Гансъ: „Нѣтъ, навѣрно нѣтъ. Я это сказалъ только въ шутку.“ (Выраженіе лица его тогда было серьезнымъ).“

„Такъ какъ онъ уже усталъ, я оставляю его въ покоѣ. Онъ успѣваетъ еще мнѣ рассказать, что онъ сначала боялся лошадей, впряженныхъ въ омнибусъ, а позже всякихъ другихъ и только недавно—лошадей, впряженныхъ въ мебельные фургоны.“

*) Гансъ правъ, какъ бы невѣроятно ни звучала эта комбинація. Какъ окажется впослѣдствіи, связь заключается въ томъ, что лошадь (отецъ) укуситъ его за его желаніе, чтобы она (отецъ) опрокинулась.

„На обратномъ пути изъ Lainz'a еще нѣсколько вопросовъ:

Я: „Когда лошадь отъ омнибуса упала, какого цвѣта она была? Бѣлаго, краснаго, коричневаго, сѣраго?“

Гансъ: „Чернаго, обѣ лошади были черныя.“

Я: „Была она велика или мала?“

Гансъ: „Велика.“

Я: „Толстая или худая?“

Гансъ: „Толстая, очень большая и толстая.“

Я: „Когда лошадь упала, думалъ ты о папѣ?“

Гансъ: „Можетъ-быть. Да, это возможно.“

Отецъ, быть-можетъ, во многихъ пунктахъ производитъ свои изслѣдованія безъ успѣха; но во всякомъ случаѣ нисколько не вредно ближе познакомиться съ подобной фобіей, которой мы охотно давали бы названія по ея новымъ объектамъ. Мы такимъ образомъ узнаемъ, насколько, собственно говоря, эта фобія универсальна. Она направлена на лошадей и на экипажи, на то, что лошади падаютъ и кусаются, на лошадей съ особенными признаками, на возы, которые сильно нагружены. Какъ намъ удастся узнать, всѣ эти особенности происходятъ оттого, что страхъ первоначально относился не къ лошадямъ и только вторично былъ перенесенъ (транспонированъ) на нихъ и фиксировался въ мѣстахъ комплекса лошадей, которыя оказывались подходящими для извѣстнаго переноса. Мы должны особенно высоко оцѣнить одинъ существенный фактъ, добытый изслѣдованіемъ отца. Мы узнали дѣйствительный поводъ, вызвавшій появленіе фобіи. Это—моментъ, когда мальчикъ видѣлъ, какъ упала большая ломовая лошадь, и во всякомъ случаѣ одно изъ толкованій этого впечатлѣнія, подчеркнутое отцомъ, указываетъ на то, что Гансъ тогда ощущалъ желаніе, чтобы его отецъ также

упалъ—умеръ. Серьезное выраженіе во время разсказа какъ бы соотвѣтствуетъ этой безсознанной идеѣ. Не скрывается ли за этимъ и другая мысль? И что долженъ означать этотъ шумъ, производимый ногами?

„Съ нѣкотораго времени Гансъ играетъ въ комнатѣ въ лошадки, бѣгаетъ, падаетъ, топаетъ ногами, ржетъ. Одинъ разъ онъ подвязываетъ себѣ мѣшечокъ, въ видѣ мѣшка для корма. Нѣсколько разъ онъ подбѣгаетъ ко мнѣ и кусаетъ.“

Такимъ образомъ, онъ принимаетъ послѣднія толкованія болѣе рѣшительно, чѣмъ это можно сдѣлать на словахъ... Но при этомъ мѣняются роли, т. к. эта игра служить для фантазіи, основанной на желаніи. Слѣдовательно, онъ—лошадь, онъ кусаетъ отца, а въ остальномъ онъ отождествляетъ себя съ отцомъ.

„Въ послѣдніе два дня я замѣчаю, что Гансъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ противъ меня, хотя безъ дерзости, а скорѣе шаловливо. Не оттого ли это, что онъ больше не боится меня—лошади.“

„6 апрѣля. Послѣ обѣда я съ Гансомъ находимся передъ домомъ. При появленіи лошадей я каждый разъ спрашиваю, не видитъ ли онъ у нихъ „чернаго у рта“. Онъ каждый разъ отвѣчаетъ на это отрицаніемъ. Я спрашиваю, какъ именно выглядитъ это черное; онъ говоритъ, что это черное желѣзо. Такимъ образомъ, мое первое предположеніе, что это толстый ремень въ упряжи ломовыхъ лошадей, не подтверждается. „Я спрашиваю, не напоминаетъ ли это „черное“ усы; онъ говоритъ: только цвѣтомъ. Итакъ, я до сихъ поръ не знаю, что это на самомъ дѣлѣ.“

„Страхъ становится меньше. Онъ рѣшается на этотъ разъ подойти къ сосѣднему дому, но онъ быстро возвращается, когда слышитъ издали приближеніе лошадей. Если возъ проѣзжаетъ и останавливается у на-

шего дома, онъ въ страхѣ бѣжить домой, такъ какъ лошадь топаетъ ногой. Я спрашиваю его, почему онъ боится, быть-можетъ, его пугаетъ то, что лошадь такъ дѣлаетъ (при этомъ я топаю ногой). Онъ говоритъ: „Не дѣлай же такого шума ногами!“ Сравни съ его словами по поводу паденія лошади отъ омнибуса.“

„Особенно пугается онъ, когда проѣзжаетъ мебельный фургонъ. Онъ тогда вбѣгаетъ въ комнаты. Я равнодушно спрашиваю его: „Развѣ мебельный фургонъ не выглядитъ точно такъ же, какъ омнибусъ?“

„Онъ ничего не отвѣчаетъ. Я повторяю вопросъ. Тогда онъ говоритъ: „Ну конечно, иначе я не боялся бы мебельнаго фургона.“

„7 апрѣля. Сегодня я опять спрашиваю, какъ выглядитъ „черное у рта лошади.“ Гансъ говоритъ: „Какъ намордникъ.“ Удивительно то, что за послѣдніе три дня ни разу не проѣзжала лошадь, у которой имѣлся бы подобный „намордникъ.“ Я самъ ни разу не видѣлъ подобной лошади во время прогулокъ, хотя Гансъ настаивалъ на томъ, что такія лошади существуютъ. Я подозреваю, что ему дѣйствительно толстый ремень у рта напомнилъ усы, и что послѣ моего толкованія и этотъ страхъ исчезъ“.

„Улучшеніе состоянія Ганса становится болѣе прочнымъ, радіусъ круга его дѣятельности, считая наши ворота центромъ, становится все больше. Онъ рѣшается даже на то, что до сихъ поръ было невозможно,—перебѣжать на противоположный троттуаръ. Весь страхъ, который остался связанъ только съ омнибусомъ, и смыслъ этого страха мнѣ во всякомъ случаѣ еще неясенъ.“

„9 апрѣля. Сегодня утромъ Гансъ входитъ, когда я, обнаженный до пояса, умываюсь.“

Гансъ: „Папа, вѣдь ты красивый, такой бѣлый!“

Я: „Не правда ли, какъ бѣлая лошадь?“

Гансъ: „Только усы черные. Или, можетъ быть, это черный намордникъ?“

„Я рассказываю ему, что я вчера вечеромъ былъ у профессора и говорю: „Онъ хотѣлъ бы еще кое-что узнать“, на что Гансъ замѣчаетъ: „Это мнѣ ужасно любопытно.“

„Я говорю ему, что знаю, при какихъ обстоятельствахъ онъ подымаетъ шумъ ногами. Онъ прерываетъ меня: „Не правда ли, когда я сержусь или когда мнѣ нужно дѣлать „Lumpf“, а хочется лучше играть. (Когда онъ злится, онъ обыкновенно топаетъ ногами. Дѣлать „Lumpf“ означаетъ актъ дефекаціи. Когда Гансъ былъ маленькимъ, онъ однажды, вставая съ горшечка, сказалъ: „Смотри—„Lumpf“. (Онъ хотѣлъ сказать Strumpf (чулокъ), имѣя въ виду сходство по формѣ и по цвѣту). Это обозначеніе осталось и до сихъ поръ.—Раньше, когда его нужно было сажать на судно, а ему не хотѣлось прекратить игру, онъ обыкновенно топалъ ногами, начиналъ дрожать и иногда бросался на землю).“

„Ты подергиваешь ногами и тогда, когда тебѣ нужно сдѣлать wіwі, а ты удерживаешься, потому что предпочитаешь играть.“

Онъ: „Слушай, мнѣ нужно сдѣлать wіwі“,—и онъ какъ бы для подтвержденія выходитъ.“

Отецъ во время его визита ко мнѣ спрашивалъ меня, что должно было напоминать Гансу подергиваніе ногами лошади. Я указалъ ему на то, что это можетъ напоминать Гансу его собственную реакцію задерживаемаго позыва къ мочеиспусканію. Гансъ подтверждаетъ это тѣмъ, что у него во время разговора появляется позывъ, и онъ указываетъ еще и другія значенія „шума, производимаго ногами.“

„Затѣмъ мы идемъ за ворота. Когда проѣзжаетъ возъ съ углемъ, онъ говоритъ мнѣ: „Слушай, угольный возъ тоже наводитъ на меня страхъ.“ Я: „Быть-

можетъ, потому, что онъ такой же большой, какъ омнибусъ.“

„Гансъ: „Да, и потому, что онъ сильно нагруженъ, и лошадямъ приходится такъ много тянуть, и онѣ легко могутъ упасть. Когда возъ пустой, я не боюсь“. Все это соотвѣтствуетъ дѣйствительности.“

И все же положеніе вещей довольно неясно. Анализъ мало подвигается впередъ, и я боюсь, что изложеніе его скоро можетъ показаться скучнымъ для читателя. Но такіе темные періоды бываютъ въ каждомъ психоанализѣ. Вскорѣ Гансъ, совершенно неожиданно для насъ, переходитъ въ другую область.

* * *

„Я прихожу и бесѣдную съ женой, которая сдѣлала разныя покупки и показываетъ ихъ мнѣ. Между ними—желтыя дамскія панталоны. Гансъ много разъ говоритъ „пфуй“, бросается на землю и отплевывается. Жена говоритъ, что онъ такъ дѣлалъ уже нѣсколько разъ, когда видѣлъ панталоны.“

Я спрашиваю: „Почему ты говоришь „пфуй“?“

Гансъ: „Изъ-за панталонъ.“

Я: „Почему? Изъ-за цвѣта, потому что онѣ желтыя и напоминаютъ тебѣ Wiwi или Lumpf?“

Гансъ: „Lumpf вѣдь не желтый, онъ бѣлый или черный.—Непосредственно за этимъ: „Слушай, легко дѣлать Lumpf, когда ѣшь сыръ? (Это я ему разъ сказалъ, когда онъ меня спросилъ, почему я ѣмъ сыръ).“

Я: „Да.“

Гансъ: „Поэтому ты всегда рано утромъ уже идешь дѣлать Lumpf? Мнѣ хотѣлось бы съѣсть бутербродъ съ сыромъ.“

„Уже вчера, когда онъ игралъ на улицѣ, онъ спрашивалъ меня: „Слушай, не правда ли, послѣ того, какъ много прыгаешь, легко дѣлаешь Lumpf?“—Уже давно дѣйствіе его кишечника связано съ нѣкоторыми за-

трудненіями, часто приходится прибѣгать къ дѣтскому меду и къ клистирамъ. Одинъ разъ его привычные запоры настолько усилились, что жена обращалась за совѣтомъ къ доктору Л. Докторъ высказалъ мнѣніе, что Ганса перекармливаютъ, что и соответствуетъ дѣйствительности, и посоветовалъ сократить количество принимаемой имъ пищи, что сейчасъ же вызвало замѣтное улучшеніе. Въ послѣдніе дни запоры опять стали чаще.“

„Послѣ обѣда я говорю ему: „Будемъ опять писать профессору,“ и онъ мнѣ диктуетъ: „Когда я видѣлъ желтые панталоны, я сказалъ „пфуй“, плюнулъ, бросился на полъ, зажмурилъ глаза и не смотрѣлъ.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „Потому что я увидѣлъ желтые панталоны, и когда я увидѣлъ черные *) панталоны, я тоже сдѣлалъ что-то въ этомъ родѣ. Черные это тоже панталоны, только онѣ черные (прерываетъ себя). Слушай, я очень радъ; когда я могу писать профессору, я всегда очень радъ.“

Я: „Почему ты сказалъ пфуй? Тебѣ было противно?“

Гансъ: „Да, потому что я ихъ увидѣлъ. Я подумалъ, что мнѣ нужно дѣлать Lumpf.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „Я не знаю.“

Я: „Когда ты видѣлъ черные панталоны?“

Гансъ: „Однажды давно, когда у насъ была Анна (прислуга), у мамы, она только-что принесла ихъ послѣ покупки домой.“

(Это подтверждается моей женой).

Я: „И тебѣ было противно?“

Гансъ: „Да.“

*) У моей жены имѣются уже нѣсколько ведѣлъ панталоны „реформъ“ для велосипедной ѣзды.

Я: „Ты маму видѣлъ въ такихъ панталонахъ?“

Гансъ: „Нѣтъ.“

Я: „А когда она раздѣвалась?“

Гансъ: „Желтыя я уже разъ видѣлъ, когда она ихъ купила (противорѣчіе!). Въ черныхъ она ходитъ сегодня (вѣрно!), потому что я видѣлъ, какъ она ихъ утромъ снимала.“

Я: „Какъ? Утромъ она снимала черныя панталоны?“

Гансъ: „Утромъ, когда она уходила, она сняла черныя панталоны, а когда вернулась, она еще разъ одѣла себѣ черныя панталоны.“

„Мнѣ это кажется безсмыслицей, и я спрашиваю жену. И она говоритъ, что все это невѣрно. Она, конечно, не переодѣвала панталонъ передъ уходомъ.“

„Я тутъ же спрашиваю Ганса: „Вѣдь мама говоритъ, что все это невѣрно.“

Гансъ: „Мнѣ такъ кажется. Быть-можетъ, я забылъ, что она не сняла панталонъ. (Съ неудовольствіемъ) Оставь меня, наконецъ, въ покоѣ.“

Къ разъясненію этой исторіи съ панталонами я тутъ же долженъ замѣтить слѣдующее: Гансъ, очевидно, лицемеритъ, когда притворяется довольнымъ, собираясь говорить на эти темы. Къ концу онъ отбрасываетъ свою маску и становится дерзкимъ по отношенію къ отцу. Разговоръ идетъ о вещахъ, которыя раньше доставляли ему много удовольствія и которыя теперь, послѣ наступившаго вытѣсненія, вызываютъ въ немъ стыдъ и даже отвращеніе. Онъ даже въ этомъ случаѣ лжетъ, придумывая для наблюдавшей имъ перемѣны панталонъ у матери другіе поводы. На самомъ дѣлѣ, сниманіе и одѣваніе панталонъ находится въ связи съ комплексомъ дефекаціи. Отецъ въ точности знаетъ, въ чемъ здѣсь дѣло, и что Гансъ старается скрыть.

„Я спрашиваю свою жену, часто ли Гансъ присут-

ствовалъ, когда она удалялась въ клозетъ. Она говоритъ: „Да, часто онъ хнычетъ до тѣхъ поръ, пока ему это разрѣшаютъ; это дѣлали всѣ дѣти.“

Запомнимъ себѣ хорошо это вытѣсненное уже теперь удовольствіе видѣть мать при актѣ дефекаціи.

„Мы идемъ за ворота. Гансъ очень веселъ, и когда онъ бѣгаетъ, изображая лошадь, я спрашиваю: „Послушай, кто, собственно говоря, выучная лошадь? Я, ты или мама?“

Гансъ (сразу): „Я, я—молодая лошадь.“

„Въ періодъ сильнѣйшаго страха, когда страхъ находитъ на него при видѣ скачущихъ лошадей, я, чтобы успокоить его, сказалъ: „Знаешь, это—молодые лошади,—онѣ скачутъ, какъ мальчишки. Вѣдь ты тоже скачешь, а ты мальчикъ.“ Съ того времени онъ при видѣ скачущихъ лошадей говоритъ: „Это вѣрно—это молодые лошади!“

„Когда мы возвращаемся домой, я на лѣстницѣ, почти ничего не думая, спрашиваю: „Въ Gmunden'ѣ ты игралъ съ дѣтьми въ лошадки?“

Онъ: „Да! (задумывается). Мнѣ кажется, что я тамъ приобрѣлъ мою „глупость“.“

Я: „Кто былъ лошадкой?“

Онъ: „Я, а Берта была кучеромъ.“

Я: „Не упалъ ли ты, когда былъ лошадкой?“

Гансъ: „Нѣтъ! Когда Берта погоняла меня—ну! я быстро бѣгалъ, почти вскачь.“

Я: „А въ омнибусъ вы никогда не играли?“

Гансъ: „Нѣтъ—въ обыкновенные возы и въ лошадки безъ воза. Вѣдь когда у лошадки есть возъ, онъ можетъ оставаться дома, а лошадь бѣгаетъ безъ воза.“

Я: „Вы часто играли въ лошадки?“

Гансъ: Очень часто.—Фрицъ (тоже сынъ домохо-зяина) былъ тоже однажды лошадью, а Францъ куче-

ромъ, и Фрицъ такъ скоро бѣжалъ, что вдругъ наступилъ на камень, и у него пошла кровь.“

Я: „Можетъ-быть, онъ упалъ?“

Гансъ: „Нѣтъ, онъ опустилъ ногу въ воду и потомъ обернулъ ее платкомъ.“ *).

Я: „Ты часто былъ лошадыю.“

Гансъ: „О, да.“

Я: „И ты тамъ прибрѣлъ „глупость“?“

Гансъ: „Потому что они тамъ всегда говорили: „За лошадь“ и „за лошадь“ [онъ подчеркиваетъ это „за“ (wegen)]; поэтому я и заполучилъ свою глупость.“ **).

Нѣкоторое время отецъ бесплодно производитъ изслѣдованія по другимъ путямъ.

Я: „Дѣти тогда рассказывали что-нибудь о лошади?“

Гансъ: „Да!“

Я: „А что?“

Гансъ: „Я это забылъ.“

Я: „Можетъ-быть, они что-нибудь рассказывали о ея Wiwimacher'ѣ?“

Гансъ: „О, нѣтъ!“

Я: „Тамъ ты уже боялся лошадей?“

Гансъ: „О, нѣтъ, я совсѣмъ не боялся.“

Я: „Можетъ-быть, Берта говорила о томъ, что лошадыя...“

*) См. позже. Отецъ вполне справедливо полагаетъ, что Фрицъ тогда упалъ.

**) По моему мнѣнію, Гансъ не хочетъ утверждать, что онъ тогда заполучилъ глупость, а только въ связи съ тѣми событіями. Обыкновенно такъ и бываетъ, какъ въ теоріи, что тотъ же предметъ, который раньше вызывалъ высокое наслажденіе, сегодня дѣлается объектомъ фобіи. И я могу дополнить за ребенка, который этого не умѣетъ сказать, что словечко „за“ (wegen) открыло путь распространенію фобіи съ лошади на возъ. (Гансъ на своемъ дѣтскомъ языкѣ называетъ возъ Wägen вм. Wagen). Не нужно забывать, насколько конкретнѣе, чѣмъ взрослые, относятся къ словамъ дѣти, и сколь значительны должны быть для нихъ ассоціаціи по сходству словъ.

Гансъ (прерывая): „Дѣлаеть wíwí? Нѣтъ!“

„10 апрѣля я стараюсь продолжить вчерашній разговоръ и хочу узнать, что означаетъ „за лошадь.“ Гансъ не можетъ этого вспомнить; онъ знаетъ только, что утромъ нѣсколько дѣтей стояло передъ воротами и выкрикивало „за лошадь, за лошадь.“ Онъ самъ тоже стоялъ тамъ. Когда я становлюсь настойчивѣе, онъ заявляетъ, что дѣти вовсе не говорили „за лошадь“, и что онъ неправильно вспомнилъ.“

Я: „Вѣдь вы часто бывали также въ конюшнѣ и, навѣрно, говорили о лошади?“

— „Мы ничего не говорили.“ „А о чемъ же вы разговаривали?— „Ни о чемъ“.— „Васъ было столько дѣтей, и вы ни о чемъ не говорили?“— „Кое о чемъ мы уже говорили, но не о лошади.“— „А о чемъ?“— „Я теперь уже этого не знаю.“

„Я оставляю эту тему, т. к., очевидно, что сопротивление слишкомъ велико*), и спрашиваю: „Съ Бертою ты охотно игралъ?“

Онъ: „Да, очень охотно, а съ Ольгой—нѣтъ; знаешь, что сдѣлала Ольга. Грета наверху подарила мнѣ разъ бумажный мячъ, а Ольга его разорвала на куски. Берта бы мнѣ никогда его не разорвала. Съ Бертой я очень охотно игралъ.“

Я: „Ты видѣлъ, какъ выглядитъ Wíwímacher Берты?“

Онъ: „Нѣтъ, я видѣлъ Wíwímacher лошади, потому что я всегда бывалъ въ стойлѣ.“

Я: „И тутъ тебѣ стало интересно знать, какъ выглядитъ Wíwímacher у Берты и у мамы?“

Онъ: „Да!“

*) Здѣсь собственно ничего другого нельзя было извлечь, кромѣ словесной ассоціаціи, ускользнувшей отъ отца. Хорошій образчикъ условій, при которыхъ психоаналитическія попытки оканчиваются неудачей.

„Я напоминаю ему его жалобы на то, что дѣвочка всегда хотѣла смотрѣть, когда онъ дѣлаетъ wiwi.“

Онъ: „Берта тоже всегда смотрѣла (безъ огорченія, скорѣе съ удовольствіемъ), очень часто. Въ маленькомъ саду, тамъ, гдѣ посажена редиска, я дѣлалъ wiwi, а она стояла у воротъ и смотрѣла.“

Я: „А когда она дѣлала wiwi, смотрѣлъ ты?“

Онъ: „Она ходила въ клозетъ.“

Я: „А тебѣ становилось интересно?“

Онъ: „Вѣдь я былъ внутри, въ клозетѣ, когда она тамъ была.“

„(Это соотвѣтствуетъ дѣйствительности: хозяева намъ это разъ рассказали, и я припоминаю, что мы запретили Гансу дѣлать это).“

Я: „Ты ей говорилъ, что хочешь войти?“

Онъ: „Я входилъ самъ и потому, что Берта мнѣ это разрѣшила. Это вѣдь нестыдно.“

Я: „И тебѣ было бы пріятно увидѣть Wiwimacher?“

Онъ: „Да, но я его не видѣлъ.“

„Я напоминаю ему сонъ въ Gmunden'ѣ относительно фантовъ и спрашиваю: „Тебѣ въ Gmunden'ѣ хотѣлось, чтобы Берта помогла тебѣ сдѣлать виви?“

Онъ: „Я ей никогда этого не говорилъ.“

Я: „А почему ты этого ей никогда не говорилъ?“

Онъ: „Потому что я объ этомъ никогда не думалъ (прерываетъ себя.) Когда я обо всемъ этомъ напишу профессору, глупость скоро пройдетъ, не правда ли?“

Я: „Почему тебѣ хотѣлось, чтобы Берта помогла тебѣ дѣлать wiwi?“

Онъ: „Я не знаю. Потому что она смотрѣла.“

Я: „Ты думалъ о томъ, что она положитъ руку на Wiwimacher?“

Онъ: „Да (отклоняется). Въ Gmunden'ѣ было очень весело. Въ маленькомъ саду, гдѣ растеть редиска, ле-

жить маленькая куча песку, тамъ я играю съ лопаткой.“

Я: „А когда ты въ Gmundен'ѣ ложился въ постель, ты трогалъ руками Wiwimacher?“

Онъ: „Нѣтъ, еще нѣтъ. Въ Gmundен'ѣ я такъ хорошо спалъ, что объ этомъ еще не думалъ. Только на прежней квартирѣ и теперь я это дѣлалъ.“

Я: „А Берта никогда не трогала руками твоего Wiwimacher'a“

Онъ: „Она этого никогда не дѣлала, потому что я ей объ этомъ никогда не говорилъ.“

Я: „А когда тебѣ этого хотѣлось?“

Онъ: „Кажется, однажды въ Gmundен'ѣ.“

Я: „Только одинъ разъ?“

Онъ: „Да, чаще.“

Я: „Всегда, когда ты дѣлалъ wiwi, она подглядывала, — можетъ, ей было любопытно видѣть, какъ ты дѣлаешь wiwi?“

Онъ: „Можетъ-быть, ей было любопытно видѣть, какъ выглядит мой Wiwimacher.“

Я: „Но и тебѣ это было любопытно, только по отношенію къ Бертѣ?“

Онъ: „Къ Бертѣ и къ Ольгѣ.“

Я: „Къ кому еще?“

Онъ: „Больше ни къ кому.“

Я: „Вѣдь это неправда. Вѣдь и по отношенію къ мамѣ?“

Онъ: „Ну къ мамѣ, конечно.“

Я: „Но теперь тебѣ больше уже не любопытно. Вѣдь ты знаешь, какъ выглядит Wiwimacher Анны?“

Онъ: „Но онъ вѣдь будетъ расти, не правда ли? *)

*) Онъ хочетъ быть увѣреннымъ, что его собственный виви будетъ расти.

Я: „Да, конечно... Но когда онъ вырастетъ, онъ все-таки не будетъ походить на твой.“

Онъ: „Это я знаю. Онъ будетъ такой, какъ теперь, только больше.“

Я: „Въ Gmunden'ѣ тебѣ было любопытно видѣть, какъ мама раздѣвается?“

Онъ: „Да, и у Анны, когда ее купали, я видѣлъ маленькій Wiwimacher.“

Я: „И у мамы?“

Онъ: „Нѣтъ!“

Я: „Тебѣ было противно видѣть мамины панталоны?“

Онъ: „Только черныя, когда она ихъ купила, и я ихъ увидѣлъ, я плюнулъ.“

А когда она ихъ надѣвала и снимала, я тогда не плевалъ. Я плевалъ тогда потому, что черныя панталоны черны какъ Lumpf, а желтыя, какъ wiwi, и когда я смотрю на нихъ, мнѣ кажется, что нужно дѣлать wiwi. Когда мама носитъ панталоны, я ихъ не вижу, потому что сверху она носитъ платье.“

Я: „А когда она раздѣвается?“

Онъ: „Тогда я не плюю. Но когда панталоны новыя, онѣ выглядятъ какъ Lumpf. А когда онѣ старыя, краска сходитъ съ нихъ, и онѣ становятся грязными. Когда ихъ купили, онѣ были совсѣмъ чистыми, а уже дома сдѣлали ихъ грязными. Когда ихъ покупаютъ, онѣ новыя, а когда ихъ не покупаютъ, онѣ старыя.“

Я: „Значитъ, старыя панталоны не вызываютъ въ тебѣ отвращеніе?“

Онъ: „Когда онѣ старыя онѣ вѣдь немного чернѣе, чѣмъ Lumpf, не правда ли? Немножечко чернѣе *).“

*) Нашъ Гансъ не можетъ справиться съ темой, которую онъ не знаетъ, какъ изложить. И намъ трудно понять его. Быть-можетъ, онъ думаетъ, что панталоны вызываютъ въ немъ отвращеніе только послѣ

Я: „Ты часто бывалъ съ мамой въ клозетѣ?“

Онъ: „Очень часто.“

Я: „Тебѣ тамъ не было противно?“

Онъ: „Да... Нѣтъ!“

Я: „Ты охотно присутствуешь при томъ, когда мама дѣлаетъ wiwi или Lumpf?“

Онъ: „Очень охотно.“

Я: „Почему такъ охотно?“

Онъ: „Я этого не знаю.“

Я: „Потому что ты думаешь, что увидишь Wiwi-mascher?“

Онъ: „Да, я тоже такъ думаю.“

Я: „Почему ты въ Lainz'ѣ никогда не хочешь итти въ клозетъ?“

„(Въ Lainz'ѣ онъ всегда проситъ, чтобы я его не воцилъ въ клозетъ. Онъ одинъ разъ испугался шума воды, спущенной для промыванія клозета.)“

Онъ: „Потому что тамъ, когда тянутъ ручку внизъ, получается большой шумъ.“

Я: „Этого ты боишься?“

Онъ: „Да!“

Я: „А здѣсь, въ нашемъ клозетѣ?“

Онъ: „Здѣсь—нѣтъ. Въ Lainz'ѣ я пугаюсь, когда ты спускаешь воду. И когда я нахожусь въ клозетѣ, и вода стекаетъ внизъ, я тоже пугаюсь.“

„Чтобы показать мнѣ, что въ нашей квартирѣ онъ не боится, онъ заставляетъ меня пойти въ клозетъ и спустить воду. Затѣмъ онъ мнѣ объясняетъ:“

„Сначала дѣлается большой шумъ, а потомъ поменьше. Когда большой шумъ, я лучше остаюсь внутри клозета, а когда слабый шумъ, я предпочитаю выйти изъ клозета.“

ихъ покупки; на тѣлѣ матери онѣ больше не вызываютъ у него ассоціаціи съ Lumpf'омъ или съ wiwi; тогда уже онѣ интересуютъ его въ другомъ направленіи.

Я: „Потому что ты боишься?“

Онъ: „Потому что мнѣ всегда ужасно хочется видѣть большой шумъ (онъ поправляетъ себя), слышать, и я предпочитаю оставаться внутри, чтобы хорошо слышать его.“

Я: „Что же напоминаетъ тебѣ большой шумъ?“

Онъ: „Что мнѣ въ клозетѣ нужно дѣлать Lumpf. (То же самое, что при видѣ черныхъ панталонъ).“

Я: „Почему?“

Онъ: „Не знаю. Нѣтъ, я знаю, что большой шумъ напоминаетъ мнѣ шумъ, который слышенъ, когда дѣлаешь Lumpf. Большой шумъ напоминаетъ Lumpf, маленькій—wiwi. (Ср. черныя и желтыя панталоны).“

Я: „Слушай, а не былъ ли омнибусъ такого же цвѣта, какъ Lumpf. (По его словамъ, чернаго цвѣта).“

Онъ (пораженный): „Да!“

Я долженъ здѣсь вставить нѣсколько словъ. Отецъ спрашиваетъ слишкомъ много и изслѣдуетъ по готовому плану вмѣсто того, чтобы дать мальчику высказаться. Вслѣдствіе этого анализъ становится неяснымъ и сомнительнымъ. Гансъ идетъ по своему пути, и когда его хотятъ свести съ него,—онъ умолкаетъ. Очевидно, его интересъ, неизвѣстно почему, направленъ теперь на Lumpf и на wiwi. Исторія съ шумомъ выяснена такъ же мало, какъ и исторія съ черными и желтыми панталонами. Я готовъ думать, что его тонкій слухъ отмѣтилъ разницу въ шумѣ, который производятъ при мочеиспусканіи мужчины и женщины. Анализъ искусственно сжалъ матеріалъ и свелъ его къ разницѣ между мочеиспусканіемъ и дефекаціей. Читателю, который самъ еще не производилъ психоанализа, я могу посовѣтовать не стремиться понимать все сразу. Необходимо ко всему отнестись съ безпартійнымъ вниманіемъ и ждать дальнѣйшаго.

„11 апрѣля. Сегодня утромъ Гансъ опять приходитъ въ спальню, и, какъ всегда въ послѣдніе дни, его сейчасъ же выводятъ вонъ.

„Позже онъ рассказываетъ: „Слушай, я себѣ кое о чемъ думалъ.“

„Я сижу въ ваннѣ *), тутъ приходитъ слесарь и отвинчиваетъ ее **). Затѣмъ онъ беретъ большой буравъ и ударяетъ меня въ животъ.“

Отецъ переводитъ для себя эту фантазію: „Я—въ кровати у мамы. Приходитъ папа и выгоняетъ меня. Своимъ большимъ репіс'омъ онъ отталкиваетъ меня отъ мамы.“

Оставимъ пока наше заключеніе невысказаннымъ.

„Далѣе онъ рассказываетъ еще нѣчто другое, что онъ себѣ придумалъ. „Мы ѣдемъ въ поѣздѣ, идущемъ въ Gmunden. На станціи мы начинаемъ надѣвать верхнее платье, но не успѣваемъ этого сдѣлать, и поѣздъ уходитъ вмѣстѣ съ нами.“

Позже я спрашиваю: „Видѣлъ ли ты, какъ лошадь дѣлаетъ Lumpf?“

Гансъ: „Да, очень часто.“

Я: „Что же она при этомъ производитъ сильный шумъ?“

Гансъ: „Да!“

Я: „Что же напоминаетъ тебѣ этотъ шумъ?“

Гансъ: „Такой же шумъ бываетъ, когда Lumpf падаетъ въ горшочекъ.“

„Вьючная лошадь, которая падаетъ и производитъ шумъ ногами, вѣроятно, и есть Lumpf, который при паденіи производитъ шумъ. Страхъ передъ дефекаціей, страхъ передъ перегруженнымъ возомъ, глав-

*) Ганса купаетъ мать.

**) Чтобы взять ее въ починку.

нымъ образомъ соотвѣтствуетъ страху передъ перегруженнымъ животомъ.“

По этимъ окольнымъ путямъ начинается для отца выясняться истинное положеніе вещей.

„11 апрѣля за обѣдомъ Гансъ говоритъ: „Хорошо, если бы мы въ Gmunden'ѣ имѣли ванну, чтобы мнѣ не нужно было ходить въ баню.“ Дѣло въ томъ, что въ Gmunden его, чтобы вымыть, водили всегда въ сосѣднюю баню, противъ чего онъ обыкновенно съ плачемъ протестовалъ. И въ Вѣнѣ онъ всегда подымаетъ крикъ, когда его, чтобы выкупать, сажаютъ или кладутъ въ большую ванну. Онъ долженъ купаться стоя или на колѣняхъ.“

Эти слова Ганса, который теперь начинаетъ своими самостоятельными показаніями давать пищу для психоанализа, устанавливаютъ связь между обѣими послѣдними фантазіями (о слесарѣ, отвинчивающемъ ванну, и о неудавшейся поѣздкѣ въ Gmunden). Изъ послѣдней фантазіи отецъ совершенно справедливо сдѣлалъ выводъ объ отвращеніи къ Gmunden'у. Кромѣ того, мы имѣемъ здѣсь опять хорошій примѣръ того, какъ выплывающее изъ области безсознательнаго становится понятнымъ не при помощи предыдущаго, а при помощи послѣдующаго.

„Я спрашиваю его, чего и почему онъ боится въ большой ваннѣ?“

Гансъ: „Потому, что я упаду туда.“

Я: „Почему же ты раньше никогда не боялся, когда тебя купали въ маленькой ваннѣ?“

Гансъ: „Вѣдь я въ ней сидѣлъ, вѣдь я въ ней не могъ лечь, потому что она была слишкомъ мала.“

Я: „А когда ты въ Gmunden'ѣ катался на лодкѣ, ты не боялся, что упадешь въ воду?“

Гансъ: „Нѣтъ, потому что я удерживался руками,

и тогда я не могу упасть. Я боюсь, что упаду только тогда, когда купаюсь въ большой ваннѣ.“

Я: „Тебя вѣдь купаетъ мама. Развѣ ты боишься, что мама тебя бросить въ воду?“

Гансъ: „Что она отниметъ свои руки, и я упаду въ воду съ головой.“

Я: „Ты же знаешь, что мама любить тебя, вѣдь она не отниметъ рукъ.“

Гансъ: „Я себѣ такъ думалъ.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „Этого я точно не знаю.“

Я: „Быть-можетъ, потому, что ты шалилъ и поэтому думалъ, что она тебя больше не любитъ?“

Гансъ: „Да.“

Я: „А когда ты присутствовалъ при купаніи Анны, тебѣ не хотѣлось, чтобы мама отняла руки и уронила Анну въ воду?“

Гансъ: „Да.“

Мы думаемъ, что отецъ угадалъ это совершенно вѣрно.

„12 апрѣля. На обратномъ пути изъ Lainz'a въ вагонъ 2-го класса Гансъ при видѣ черной кожаной обивки говоритъ: „Пфуй, я плюю, а когда я вижу черныя панталоны и черныхъ лошадей, я тоже плюю, потому что я долженъ дѣлать Lumpf.“

Я: „Быть-можетъ, ты у мамы видѣлъ что-нибудь черное, что тебя испугало?“

Гансъ: „Да.“

Я: „А что?“

Гансъ: „Я не знаю, черную блузу или черныя чулки.“

Я: „Быть-можетъ, ты увидѣлъ черныя волосы на Wiwimacher'ѣ, когда ты былъ любопытнымъ и подглядывалъ?“

Гансъ (оправдываясь): „Но Wimasher'a я не видѣлъ.“

„Когда онъ однажды снова обнаружилъ страхъ при видѣ воза, выѣзжавшаго изъ противолежащихъ воротъ, я спросилъ его: „Не похожи ли эти ворота на роро?“

Онъ: „А лошади на Lumpf?“ Послѣ этого каждый разъ при видѣ выѣзжающаго изъ воротъ воза онъ говоритъ: „Смотри, идетъ Lumpf.“ Выраженіе Lumpf онъ употребляетъ въ первый разъ; оно звучитъ какъ ласкательное имя. Моя свояченица называетъ своего ребенка Wumpfi.“

„13 апрѣля при видѣ куска печенки въ супѣ онъ говоритъ: „Пфуй, Lumpf!“ Онъ ѣстъ, повидимому, неохотно и рубленое мясо, которое ему по формѣ и цвѣту напоминаетъ Lumpf.“

„Вечеромъ моя жена рассказываетъ, что Гансъ былъ на балконѣ и сказалъ ей: „Я думалъ, что Анна была на балконѣ и упала внизъ.“ Я ему часто говорилъ, что когда Анна на балконѣ, онъ долженъ слѣдить за ней, чтобы она не подошла къ барьеру, который декангентъ-слесарь конструировалъ весьма нелѣпо, съ большими отверстіями. Здѣсь вытѣсненное желаніе Ганса весьма прозрачно. Мать спросила его, не было ли бы ему пріятнѣе, если бы Анна совсѣмъ не существовала. На это онъ отвѣтилъ утвердительно.“

„14 апрѣля. Тема, касающаяся Анны, все еще на первомъ планѣ. Мы можемъ вспомнить изъ прежнихъ записей, что онъ почувствовалъ антипатію къ новорожденной, отнявшей у него часть родительской любви; эта антипатія и теперь еще не исчезла и только отчасти компенсируется преувеличенной нѣжностью. Онъ уже часто поговаривалъ, чтобы аистъ больше не приносилъ дѣтей, чтобы мы дали аисту денегъ, чтобы тотъ больше не приносилъ дѣтей изъ большого

ящика, въ которомъ находятся дѣти. (Ср. страхъ передъ мебельнымъ фургономъ. Не выглядитъ ли омнибусъ какъ большой ящикъ?). Анна производитъ столько крику; это ему тяжело.“

„Однажды онъ неожиданно заявляетъ: „Ты можешь вспомнить, какъ пришла Анна? Она лежала въ кровати у мамы такая милая и славная (эта похвала звучала подозрительно-фальшиво!)“

„Затѣмъ мы внизу передъ домомъ. Можно опять отмѣтить большое улучшение. Даже ломовики вызываютъ въ немъ болѣе слабый страхъ. Одинъ разъ онъ съ радостью кричитъ: „Вотъ ѣдетъ лошадь съ чернымъ у рта“, и я, наконецъ, могу констатировать, что это лошадь съ кожанымъ намордникомъ. Но Гансъ не испытываетъ никакого страха передъ этой лошадыю.“

„Однажды онъ стучитъ своей палочкой о мостовую и спрашиваетъ: „Слушай, тутъ лежитъ человѣкъ... который похороненъ... или это бываетъ только на кладбищѣ?“ Такимъ образомъ его занимаетъ теперь не только загадка жизни, но и смерти.“

„По возвращеніи я вижу въ передней ящикъ, и Гансъ говоритъ *): „Анна ѣхала съ нами въ Gmunden въ такомъ ящикѣ. Каждый разъ, когда мы ѣхали въ Gmunden, она ѣхала съ нами въ ящикѣ. Ты мнѣ уже опять не вѣришь? Это, папа, уже на самомъ дѣлѣ. Повѣрь мнѣ, мы достали большой ящикъ, полный дѣтей, и они сидѣли тамъ, въ ваннѣ. (Въ этотъ ящикъ упаковывалась ванна). Я ихъ посадилъ туда, вѣрно. Я хорошо припоминаю это **).“

*) Для насъ ясно, почему тема „Анна“ идетъ непосредственно за темою „Lumpf“: Анна—сама „Lumpf“, всѣ новорожденные дѣти—Lumpfы.

**) Тутъ онъ начинаетъ фантазировать. Мы узнаемъ, что для него ящикъ и ванна обозначаютъ одно и то же,—это пространство, въ которомъ находятся дѣти. Обратимъ вниманіе на его повторныя увѣренія.

Я: „Что ты можешь припомнить?“

Гансъ: „Что Анна ѣздила въ ящикѣ, потому что я этого не забылъ. Честное слово!“

Я: „Но вѣдь въ прошломъ году Анна ѣхала съ нами въ соурѣ.“

Гансъ: „Но раньше она всегда ѣздила съ нами въ ящикѣ.“

Я: „Не мамѣ ли принадлежалъ ящикъ?“

Гансъ: „Да, онъ былъ у мамы.“

Я: „Гдѣ же?“

Гансъ: „Дома на полу.“

Я: „Можетъ быть, она его носила съ собой *)?“

Гансъ: „Нѣтъ! Когда мы теперь поѣдемъ въ Gmunden, Анна опять поѣдетъ въ ящикѣ.“

Я: „Какъ же она выѣзла изъ ящика?“

Гансъ: „Ее вытащили.“

Я: „Мама?“

Гансъ: „Я и мама. Потомъ мы сѣли въ экипажъ. Анна ѣхала верхомъ на лошади, а кучеръ погонялъ. Кучеръ сидѣлъ на козлахъ. Ты былъ съ нами? Даже мама это знаетъ. Мама этого не знаетъ, потому что она опять это забыла, но не нужно ей ничего говорить.“

„Я заставляю его все повторить.“

Гансъ: „Потомъ Анна выѣзла.“

Я: „Она вѣдь еще и ходить не могла!“

Гансъ: „Мы ее тогда снесли на рукахъ.“

Я: „Какъ же она могла сидѣть на лошади, вѣдь въ прошломъ году она еще совсѣмъ не умѣла сидѣть.“

Гансъ: „О да, она уже сидѣла и кричала ну! ну! И щелкала кнутомъ, который раньше былъ у меня. Стремянъ у лошади не было, а Анна ѣхала верхомъ; папа, а можетъ быть это шутка.“

*) Ящикъ,—конечно, животъ матери. Отецъ хочетъ указать Гансу, что онъ это понималъ.

Что должна означать эта настойчиво повторяемая и удерживаемая бессмыслица? О, это ничуть не бессмыслица; эта пародія—месть Ганса отцу. Она должна означать приблизительно слѣдующее: Если ты въ состояніи думать, что я могу повѣрить въ аиста, который въ октябрѣ будто бы принесъ Анну, тогда какъ я уже лѣтомъ, когда мы ѣхали въ Gmunden, замѣтилъ у матери большой животъ, то я могу требовать, чтобы и ты вѣрилъ моимъ вымысламъ. Что другое можетъ означать его утвержденіе, что Анна уже въ прошлое лѣто ѣздила въ ящикъ въ Gmunden, какъ не его освѣдомленность о беременности матери? То, что онъ и для слѣдующаго года предполагаетъ эту поѣздку въ ящикъ, соотвѣтствуетъ обычному появленію изъ прошлаго подсознательныхъ мыслей. Или у него есть особыя основанія для страха, что къ ближайшей лѣтней поѣздкѣ мать опять будетъ беременна. Тутъ уже мы узнали, что именно испортило ему поѣздку въ Gmunden,—это видно изъ его второй фантазіи. „Позже я спрашиваю его, какъ, собственно говоря, Анна послѣ рожденія пришла къ мамѣ, въ постель.“

Тутъ онъ уже имѣетъ возможность развернуться и подразнить отца. Гансъ: „Пришла Анна. Госпожа Краусъ (акушерка) уложила ее въ кровать. Вѣдь она еще не умѣла ходить. А аистъ несъ ее въ своемъ клювѣ. Вѣдь ходить она еще не могла (не останавливаясь, продолжаетъ). Аистъ подошелъ къ дверямъ и постучалъ; здѣсь всѣ спали, а у него былъ подходящій ключъ; онъ отперъ двери и уложилъ Анну въ твою*) кровать, а мама спала; нѣтъ, аистъ уложилъ Анну

*) Конечно, иронія, какъ и послѣдующая просьба не выдать этой тайны матери.

въ мамину кровать. Уже была ночь, и аистъ совершенно спокойно уложилъ ее въ кровать и совсѣмъ безъ шума, а потомъ взялъ себѣ шляпу и ушелъ обратно. Нѣтъ, шляпы у него не было.“

Я: „Кто взялъ себѣ шляпу. Можетъ-быть, докторъ?“

Гансъ: „А потомъ аистъ ушелъ къ себѣ домой и потомъ позвонилъ, и всѣ въ домѣ уже больше не спали. Но ты этого не рассказывай ни мамѣ, ни Тинѣ (кухарка). Это тайна!“

Я: „Ты любишь Анну?“

Гансъ: „Да, очень.“

Я: „Было бы тебѣ пріятнѣе, если бы Анны не было, или ты радъ, что она есть?“

Гансъ: „Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы она не появилась на свѣтъ.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „По крайней мѣрѣ она не кричала бы такъ, а я не могу переносить крика.“

Я: „Вѣдь ты и самъ кричишь?“

Гансъ: „А вѣдь Анна тоже кричитъ.“

Я: „Почему ты этого не переносишь?“

Гансъ: „Потому, что она такъ сильно кричитъ.“

Я: „Но вѣдь она совсѣмъ не кричитъ.“

Гансъ: „Когда ее шлепаютъ по голому рору, она кричитъ.“

Я: „Ты уже ее когда-нибудь шлепалъ?“

Гансъ: „Когда мама шлепаетъ ее, она кричитъ.“

Я: „Ты этого не любишь?“

Гансъ: „Нѣтъ... Почему? Потому что она своимъ крикомъ производитъ такой шумъ.“

Я: „Если тебѣ было пріятнѣе, чтобы ее не было на свѣтѣ, значитъ, ты ея не любишь?“

(Гансъ соглашается).

Я: „Поэтому ты думалъ, что мама отниметъ руки во время купанія, и Анна упадетъ въ воду...“

Гансъ (дополняетъ): „... и умереть.“

Я: „И ты остался бы тогда одинъ съ мамой. А хороший мальчикъ этого все-таки не желаетъ.“

Гансъ: „Но думать ему можно.“

Я: „А вѣдь это нехорошо.“

Гансъ: „Когда онъ объ этомъ думаетъ, это все-таки хорошо, потому что тогда можно написать объ этомъ профессору.“*)

„Позже я говорю ему: „Знаешь, когда Анна станетъ больше и научится говорить, ты будешь ее уже больше любить.“

Гансъ: „О, нѣтъ. Вѣдь я ее люблю. Когда она осенью уже будетъ большая, я пойду съ нею одинъ въ паркъ и буду все ей объяснять.“

„Когда я хочу заняться дальнѣйшими разъясненіями, онъ прерываетъ меня, вѣроятно, чтобы объяснить мнѣ, что это не такъ плохо, когда онъ желаетъ Аннѣ смерти.“

Гансъ: „Послушай, вѣдь она уже давно была на свѣтѣ, даже когда ея еще не было. Вѣдь у аиста она уже тоже была на свѣтѣ.“

Я: „Нѣтъ, у аиста она, пожалуй, и не была.“

Гансъ: „Кто же ее принесъ? У аиста она была.“

Я: „Откуда же онъ ее принесъ?“

Гансъ: „Ну отъ себя.“

Я: „Гдѣ она у него тамъ находилась?“

Гансъ: „Въ ящикѣ, въ аистинномъ ящикѣ.“

Я: „А какъ выглядитъ этотъ ящикъ?“

Гансъ: „Онъ красный. Выкрашенъ въ красный цвѣтъ (кровь!).“

Я: „А кто тебѣ это сказалъ?“

Гансъ: „Мама; я себѣ такъ думалъ; такъ въ книжкѣ нарисовано.“

*) Славный маленькій Гансъ! Я даже у взрослыхъ не желалъ бы для себя лучшаго пониманія психоанализа.

Я: „Въ какой книжкѣ?“

Гансъ: „Въ книжкѣ съ картинками.“ „(Я велю ему принести его первую книжку съ картинками. Тамъ изображено гнѣздо аиста съ аистами на красномъ каминѣ. Это и есть тотъ ящикъ. Интересно, что на той же страницѣ изображена лошадь, которую подковываютъ. Гансъ помѣщаетъ дѣтей въ ящикъ, т. к. онъ ихъ не находитъ въ гнѣздѣ).“

Я: „Что же аистъ съ ней сдѣлалъ?“

Гансъ: „Тогда онъ принесъ Анну сюда. Въ клювъ. Знаешь, это тотъ аистъ, изъ Schönbrunn'a, который укусилъ зонтикъ.“ (Воспоминаніе о маленькомъ происшествіи въ Schönbrunn'ѣ).“

Я: „Ты видѣлъ, какъ аистъ принесъ Анну?“

Гансъ: „Послушай, вѣдь я тогда еще спалъ. А утромъ уже никакой аистъ не можетъ принести дѣвочку или мальчика.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „Онъ не можетъ этого. Аистъ этого не можетъ. Знаешь, почему? Чтобы люди этого сначала не видѣли, и чтобы сразу, когда наступитъ утро, дѣвочка уже была тутъ“.*)

Я: „Но тогда тебѣ было очень интересно знать, какъ аистъ это сдѣлалъ?“

Гансъ: „О, да!“

Я: „А какъ выглядѣла Анна, когда она пришла?“

Гансъ (неискренно): „Совсѣмъ бѣлая и миленькая, какъ золотая.“

*) Непослѣдовательность Ганса не должна насъ останавливать. Въ предыдущемъ разговорѣ изъ его сферы безсознательнаго вы-
явилось его недовѣріе къ баснѣ объ аистѣ, связанное съ чувствомъ
горечи по отношенію къ дѣлающему изъ этого тайну отцу. Теперь
онъ спокойнѣе, и отвѣчаетъ официальными соображеніями, при по-
мощи которыхъ онъ кое-какъ могъ себѣ выяснитъ столь трудную
гипотезу объ аистѣ.

Я: „Но когда ты увидѣлъ ее въ первый разъ, она же тебѣ не понравилась?“

Гансъ: „О, очень!“

Я: „Вѣдь ты былъ пораженъ, что она такая маленькая?“

Гансъ: „Да.“

Я: „Какъ велика была она?“

Гансъ: „Какъ молодой аистъ.“

Я: „А еще какъ что? Можетъ-быть, какъ Lumpf?“

Гансъ: „О нѣтъ, Lumpf много больше,—капельку меньше, чѣмъ Анна теперь.“

Я уже раньше говорилъ отцу, что фобія Ганса можетъ быть сведена къ мыслямъ и желаніямъ, связаннымъ рожденіемъ сестренки. Но я упустилъ обратить его вниманіе на то, что по инфантильной сексуальной теоріи ребенокъ—это Lumpf, такъ что Гансъ долженъ пройти и черезъ экскрементальный комплексъ. Вслѣдствіе этого моего упущенія и произошло временное затемненіе лѣченія. Теперь послѣ сдѣланнаго разъясненія отецъ попытался выслушать вторично Ганса по поводу этого важнаго пункта.

„На слѣдующій день я велю ему рассказать еще разъ вчерашнюю исторію. Гансъ рассказываетъ: „Анна поѣхала въ Gmunden въ большомъ ящикѣ, мама въ coupé, а Анна въ товарномъ поѣздѣ съ ящикомъ, и тогда, когда мы пріѣхали въ Gmunden, я и мама вынули Анну и посадили на лошадь. Кучеръ сидѣлъ на козлахъ, а у Анны былъ прошлогодній кнутъ; она стегала лошадь и все кричала—но-но, и это было ужасно весело, а кучеръ тоже стегалъ лошадь.—Кучеръ вовсе не стегалъ, потому что кнутъ былъ у Анны.—Кучеръ держалъ вожжи, и Анна держала вожжи, мы каждый разъ съ вокзала ѣздили домой въ экипажѣ (Гансъ старается здѣсь согласовать дѣйствительность съ фантазіей). Въ

Gmunden'ѣ мы сняли Анну съ лошади, и она сама пошла по лѣстницѣ.“

„Когда Анна въ прошломъ году жила въ Gmunden'ѣ, ей было всего 8 мѣсяцевъ. Годомъ раньше въ періодъ, на который, повидимому, направлена фантазія Ганса, ко времени пріѣзда въ Gmunden жена находилась въ концѣ 5-го мѣсяца беременности.“

Я: „Вѣдь въ прошломъ году Анна была уже на свѣтѣ?“

Гансъ: „Въ прошломъ году она ѣздила въ коляскѣ, но годомъ раньше, когда уже она у насъ была на свѣтѣ...“

Я: „Анна уже была у насъ?“

Гансъ: „Да, вѣдь ты же всегда приходилъ играть со мной, и Анна помогала тебѣ.“

Я: „Но вѣдь это происходило не въ прошломъ году. Анны тогда еще не было вовсе на свѣтѣ.“

Гансъ: „Да, тогда уже она была на свѣтѣ. Когда она ѣхала въ ящикѣ, она уже могла ходить и говорить: „Анна“ (Она научилась этому только 4 мѣсяца назадъ).“

Я: „Но она тогда вѣдь не была еще у насъ.“

Гансъ: „О, да, тогда она все-таки была у аиста.“

Я: „А сколько лѣтъ Аннѣ?“

Гансъ: „Осенью ей будетъ два года; Анна была тогда, вѣдь ты это знаешь?“

Я: „А когда же она была у аиста въ аистиномъ ящикѣ?“

Гансъ: „Уже давно, еще до того, какъ она ѣхала въ ящикѣ. Уже очень давно.“

Я: „А когда Анна научилась ходить? Когда она была въ Gmunden'ѣ, она вѣдь еще не умѣла ходить.“

Гансъ: „Въ прошломъ году—нѣтъ, а то умѣла.“

Я: „Но Анна только разъ была въ Gmunden'ѣ.“

Гансъ: „Нѣтъ! Она была два [раза; да, это вѣрно.

Я это очень хорошо помню. Спроси только маму, она тебѣ это уже скажетъ.“

Я: „Вѣдь это уже невѣрно.“

Гансъ: „Да, это вѣрно. Когда она въ первый разъ была въ Gmunden'ѣ, она могла уже ходить и ѣздить верхомъ, а уже позже нужно было ее нести.—Нѣтъ, она только позже ѣздила верхомъ, а въ прошломъ году ее нужно было нести.“

Я: „Но она вѣдь только недавно начала ходить. Въ Gmunden'ѣ она еще не умѣла ходить.“

Гансъ: „Да, запиши себѣ только. Я могу очень хорошо вспомнить.—Почему ты смѣешься?“

Я: „Потому, что ты плутъ, ты очень хорошо знаешь, что Анна была только разъ въ Gmunden'ѣ.“

Гансъ: „Нѣтъ, это невѣрно. Въ первый разъ она ѣздила верхомъ на лошади.... а во второй разъ (по-видимому, начинаетъ терять увѣренность).“

Я: „Быть-можетъ, мама была лошадыю?“

Гансъ: „Нѣтъ, на настоящей лошади въ одноконномъ экипажѣ.“

Я: „Но мы вѣдь всегда ѣздили на парѣ.“

Гансъ: „Тогда это былъ извозчикій экипажъ.“

Я: „Что Анна ѣла въ ящикѣ?“

Гансъ: „Ей дали туда бутербродъ, селедку и редиску (Gmunden'овскій ужинъ), и такъ какъ Анна ѣхала, она намазала себѣ бутербродъ и 50 разъ ѣла.“

Я: „И она не кричала?“

Гансъ: „Нѣтъ.“

Я: „Что же она дѣлала?“

Гансъ: „Сидѣла тамъ совершенно спокойно.“

Я: „И не стучала?“

Гансъ: „Нѣтъ, она все время ѣла и ни разу даже не пошевелилась. Она выпила два большихъ горшка кофе—до утра ничего не осталось, а весь соръ она оставила въ ящикѣ и листья отъ редиски, и ножикъ,

она все это прибрала, какъ заяцъ, и въ одну минуту была уже готова. Вотъ была спѣшка! Я даже самъ съ Анной ѣхалъ въ ящикъ, и я въ ящикъ спалъ всю ночь (мы на самомъ дѣлѣ года 2 назадъ ночью ѣздили въ Gmunden), а мама ѣхала въ соурѣ; мы все время ѣли и въ вагонѣ, это было очень весело...— Она вовсе не ѣхала верхомъ на лошади (онъ теперь уже колеблется, такъ какъ онъ знаетъ, что мы ѣхали въ парномъ экипажѣ)... она сидѣла въ экипажѣ. Это уже вѣрно, но я ѣхалъ совсѣмъ одинъ съ Анной... мама ѣхала верхомъ на лошади, а Каролина (прошлогодняя прислуга) ѣхала на другой... Слушай, все, что я тебѣ тутъ рассказываю, все невѣрно.“

Я: „Что невѣрно?“

Гансъ: „Все не такъ. Послушай. Мы посадимъ ее и меня въ ящикъ *), а я въ ящикѣ сдѣлаю wiwi. И я сдѣлаю wiwi въ панталоны, мнѣ это все равно, это совсѣмъ не стыдно. Слушай, это серьезно, а все-таки очень весело!“

„Затѣмъ онъ рассказываетъ исторію, какъ вчера, о приходѣ аиста, но не говоритъ, что аистъ при уходѣ взялъ шляпу.“

Я: „Гдѣ же у аиста былъ ключъ отъ дверей?“

Гансъ: „Въ карманѣ.“

Я: „А гдѣ у аиста карманъ?“

Гансъ: „Въ клювѣ.“

Я: „Въ клювѣ? Я еще не видѣлъ ни одного аиста съ ключомъ въ клювѣ.“

Гансъ: „А какъ же онъ могъ войти? Какъ входитъ аистъ въ двери? Это невѣрно, я ошибся, аистъ позвонилъ, и кто-то ему открылъ дверь.“

Я: „Какъ же онъ звонить?“

*) Ящикъ для Gmunden'овскаго багажа, который стоитъ въ передней.

Гансъ: „Въ звонокъ.“

Я: „Какъ онъ это дѣлаеть?“

Гансъ: „Онъ беретъ клювъ и нажимаетъ имъ звонокъ.“

Я: „И онъ опять заперъ дверь?“

Гансъ: „Нѣтъ, прислуга ее заперла. Она уже проснулась. Она отперла ему дверь и заперла.“

Я: „Гдѣ живетъ аистъ?“

Гансъ: „Гдѣ? Въ ящикѣ, гдѣ онъ держитъ дѣвочекъ. Можетъ-быть, въ Schönbrunn'ѣ.“

Я: „Я въ Schönbrunn'ѣ не видѣлъ никакого ящика.“

Гансъ: „Онъ, вѣроятно, находится гдѣ-то подальше.— Знаешь, какъ аистъ открываетъ ящикъ? Онъ беретъ клювъ—въ ящикѣ есть замокъ—и одной половинкой его такъ открываетъ (демонстрируетъ это мнѣ на замкѣ письменнаго стола). Тутъ есть и ручка.“

Я: „Развѣ такая дѣвочка не слишкомъ тяжела для аиста?“

Гансъ: „О, нѣтъ!“

Я: „Послушай, не похожъ ли омнибусъ на аистинъ ящикъ?“

Гансъ: „Да!“

Я: „И мебельный фургонъ?“

Гансъ: „Гадкій фургонъ—тоже.“

„17 апрѣля. Вчера Гансъ исполнилъ свое давнишнее намѣреніе и пошелъ во дворъ, находящійся противъ нашего дома. Сегодня онъ этого уже не хотѣлъ сдѣлать, потому что какъ разъ противъ воротъ у платформы стоялъ возъ. Онъ сказалъ мнѣ: „Когда тамъ стоитъ возъ, я боюсь, что я стану дразнить лошадей, они упадутъ и произведутъ ногами шумъ.“

Я: „А какъ дразнятъ лошадей?“

Гансъ: „Когда ихъ ругаютъ, тогда дразнятъ ихъ, и когда имъ кричать но—но“. *)

Я: „Ты дразнилъ уже лошадей?“

Гансъ: „Да, уже часто. Я боюсь, когда это дѣлаю, но это невѣрно.“

Я: „Въ Gmunden'ѣ ты уже дразнилъ лошадей?“

Гансъ: „Нѣтъ.“

Я: „Но ты охотно дразнишь лошадей?“

Гансъ: „Да, очень охотно.“

Я: „Тебѣ хотѣлось и стегнуть ихъ кнутомъ?“

Гансъ: „Да.“

Я: „Тебѣ хотѣлось бы такъ бить лошадей, какъ мама бьетъ Анну? Вѣдь тебѣ это тоже пріятно?“

Гансъ: „Лошадямъ это невредно, когда ихъ бьютъ. (Я такъ ему говорилъ въ свое время, чтобы умѣрить его страхъ передъ битьемъ лошадей.) Я это однажды на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ. Я одинъ разъ имѣлъ кнутъ и ударилъ лошадь, она упала и произвела ногами шумъ.“

Я: „Когда?“

Гансъ: „Въ Gmunden'ѣ.“

Я: „Настоящую лошадь? Запряженную въ экипажъ?“

Гансъ: „Она была безъ экипажа.“

Я: „Гдѣ же она была?“

Гансъ: „Я ее держалъ, чтобы она не убѣжала. (Все это, конечно, весьма невѣроятно.)“

Я: „Гдѣ это было?“

Гансъ: „У источника.“

Я: „Кто же тебѣ это позволилъ? Развѣ кучеръ ее тамъ оставилъ?“

Гансъ: „Ну, лошадь изъ конюшни.“

*) Часто, когда кучера били и понукали лошадей, на него находилъ большой страхъ.

Я: „Какъ же она пришла къ источнику?“

Гансъ: „Я ее привелъ.“

Я: „Откуда? Изъ конюшни?“

Гансъ: „Я ее вывелъ потому, что я хотѣлъ ее побить.“

Я: „Развѣ въ конюшнѣ никого не было?“

Гансъ: „О, да, Людвигъ (кучеръ въ Gmunden'ѣ).“

Я: „Онъ это тебѣ позволилъ?“

Гансъ: „Я съ нимъ ласково поговорилъ, и онъ сказалъ, что я могу это сдѣлать.“

Я: „А что ты ему сказалъ?“

Гансъ: „Можно ли мнѣ взять лошадь, бить ее и кричать. А онъ сказалъ—да.“

Я: „А ты ее много билъ?“

Гансъ: „Все, что я тебѣ тутъ рассказывалъ, совсѣмъ невѣрно.“

Я: „А что же изъ этого вѣрно?“

Гансъ: „Ничего не вѣрно. Я тебѣ все это рассказалъ только въ шутку.“

Я: „Ты ни разу не велъ лошадь изъ конюшни?“

Гансъ: „О, нѣтъ!“

Я: „Но тебѣ этого хотѣлось?“

Гансъ: „Конечно, хотѣлось. Я себѣ объ этомъ думалъ.“

Я: „Въ Gmunden'ѣ?“

Гансъ: „Нѣтъ, только здѣсь. Я себѣ уже объ этомъ думалъ рано утромъ, когда я только-что одѣлся; нѣтъ, еще въ постели.“

Я: „Почему же ты объ этомъ мнѣ никогда не рассказывалъ?“

Гансъ: „Я объ этомъ не подумалъ.“

Я: „Ты думалъ объ этомъ, потому что видѣлъ это на улицахъ?“

Гансъ: „Да!“

Я: „Кого собственно тебѣ хотѣлось бы ударить—маму, Анну или меня?“

Гансъ: „Маму.“

Я: „Почему?“

Гансъ: „Вотъ ее я хотѣлъ бы побить.“

Я: „Кого же ты видѣлъ, что кто-нибудь бьетъ маму?“

Гансъ: „Я этого еще никогда не видѣлъ, во всей моей жизни.“

Я: „И ты все-таки хотѣлъ бы это сдѣлать. Какъ бы ты это хотѣлъ сдѣлать?“

Гансъ: „Выбивалкой.“ (Мама часто грозитъ ему побить его выбивалкой).

„На сегодня я долженъ былъ прекратить разговоръ.“

„На улицѣ Гансъ разъясняетъ мнѣ: омнибусы, мебельные, угольные возы—все это аистины ящики.“

Это должно означать—беременные женщины. Садистическій припадокъ непосредственно передъ разговоромъ находится, вѣроятно, въ связи съ нашей темой.

„21 апрѣля. Сегодня утромъ Гансъ рассказываетъ, что онъ себѣ думалъ: „Поѣздъ былъ въ Lainz'ѣ, и я поѣхалъ съ Lainz'ской бабушкой въ таможеню. Ты еще не сошелъ съ моста, а второй поѣздъ былъ уже въ St. Veit. Когда ты сошелъ, поѣздъ уже пришелъ, и тутъ мы вошли въ вагонъ.“

„[Вчера Гансъ былъ въ Lainz'ѣ. Чтобы войти на перронъ, нужно пройти черезъ мостъ. Съ перрона вдоль рельсовъ видна дорога до самой станціи St. Veit. Здѣсь дѣло не совсѣмъ ясно. Вѣроятно, вначалѣ Гансъ представлялъ себѣ, что онъ уѣхалъ съ первымъ поѣздомъ, на который я опоздалъ. Потомъ пришелъ съ полустанка St. Veit другой поѣздъ, на которомъ я и поѣхалъ. Онъ измѣнилъ часть этой фантазіи бѣгства,

и у него вышло, что мы оба уѣхали со вторымъ поѣздомъ.“

„Эта фантазія стоитъ въ связи съ послѣдней неистолкованной, по которой мы въ Gmunden'ѣ потратили слишкомъ много времени на переодѣваніе въ вагонѣ, пока поѣздъ не ушелъ оттуда].“

„Послѣ обѣда—мы передъ домомъ. Гансъ вбѣгаетъ внезапно въ домъ, когда проѣзжаетъ парный экипажъ, въ которомъ я не могу замѣтить ничего необыкновеннаго. Я спрашиваю его, что съ нимъ. Онъ говоритъ: „Я боюсь, потому что лошади такъ горды, что онѣ упадутъ“ (лошади были сдерживаемы на вожжахъ кучеромъ и шли мелкимъ шагомъ съ поднятою головой,—онѣ дѣйствительно, шли „гордо“).“

„Я спрашиваю его, кто собственно такъ гордъ.“

Онъ: „Ты, когда я иду къ мамѣ въ кровать.“

Я: „Ты, значить, хотѣлъ бы, чтобы я упалъ?“

Онъ: „Да, чтобы ты голый (онъ думаетъ: босой, какъ въ свое время Фрицъ) ушибся о камень, чтобы потекла кровь; по крайней мѣрѣ я смогу хоть немножко побыть съ мамой наединѣ. Когда ты взойдешь въ квартиру, я могу скоро убѣжать, чтобы ты этого не видѣлъ.“

Я: „Ты можешь вспомнить, кто ушибся о камень?“

Онъ: „Да, Фрицъ.“

Я: „Что ты себѣ думалъ, когда упалъ Фрицъ?“

Онъ: „Чтобы ты споткнулся о камень и упалъ.“

Я: „Тебѣ, значить, сильно хотѣлось къ мамѣ?“

Онъ: „Да!“

Я: „А почему я собственно ругаюсь?“

Онъ: „Этого я не знаю (!!).“

Я: „Почему?“

Онъ: „Потому что ты ревнуешь.“

Я: „Вѣдь это неправда.“

Онъ: „Да, это правда, ты ревнуешь, я это знаю. Это, должно-быть, вѣрно“.

„Повидимому, мое объясненіе, что маленькіе мальчики приходятъ къ мамѣ въ кровать, а большіе спятъ въ собственной кровати, мало импонировало ему.“

„Я подозреваю, что желаніе „дразнить“ лошадь, бить и кричать на нее относится не къ мамѣ, какъ онъ говорилъ, а ко мнѣ. Онъ тогда указалъ на мать, потому что не рѣшился мнѣ сознаться въ другомъ. Въ послѣдніе дни онъ особенно нѣженъ по отношенію ко мнѣ.“

Съ чувствомъ превосходства, которое такъ легко пріобрѣтается „потомъ“, мы можемъ внести поправку въ предположенія отца, указавши, что желаніе Ганса „дразнить“ лошадь двойное и составилось изъ темнаго садистическаго чувства по отношенію къ матери и яснаго желанія мести по отношенію къ отцу. Послѣднее не могло быть репродуцировано раньше, чѣмъ въ связи съ комплексомъ беременности не наступила очередь перваго. При образованіи фобіи изъ бессознательныхъ мыслей происходитъ процессъ сгущенія; поэтому пути психоанализа никогда не могутъ повторить пути развитія невроза.

„22 апрѣля. Сегодня утромъ Гансъ опять „себѣ что-то думалъ“: „Одинъ уличный мальчишка ѣхалъ въ вагончикѣ; пришелъ кондукторъ, раздѣлъ мальчишку дѣнага и оставилъ его тамъ до утра, а утромъ мальчикъ заплатилъ кондуктору 50000 гульденовъ, чтобы тотъ позволилъ ему ѣхать въ этомъ вагончикѣ.“

„[Противъ насъ проходитъ Сѣверная желѣзная дорога. На запасномъ пути стоитъ дрезина. На ней Гансъ видѣлъ мальчишку, и ему самому хотѣлось прокатиться на ней. Я ему сказалъ, что этого нельзя

дѣлать, а то придетъ кондукторъ. Второй элементъ фантазіи—вытѣсненное желаніе обнажиться].“

Мы замѣчаемъ уже нѣсколько времени, что фантазія Ганса работаетъ „подъ знакомъ способовъ передвиженія“ и съ извѣстной послѣдовательностью идетъ отъ лошади, которая тащитъ возъ, къ желѣзной дорогѣ. Такъ ко всякой боязни улицъ со временемъ присоединяется желѣзнодорожный страхъ.

„Днемъ я узнаю, что Гансъ все утро игралъ съ резиновой куклой, которую онъ называлъ Гретой. Черезъ отверстіе, въ которое раньше былъ вдѣланъ свистокъ, онъ воткнулъ въ середину маленькій перочинный ножикъ, а затѣмъ для того, чтобы ножикъ выпалъ изъ куклы, оторвалъ ей ноги. Нянь онъ сказалъ, указывая на соответствующее мѣсто: „Смотри, здѣсь Wiwimacher!“

Я: „Во что ты сегодня игралъ съ куклой?“

„Онъ: „Я оторвалъ ей ноги, знаешь, почему? потому что внутри былъ ножичекъ, который принадлежалъ мамѣ. Я всунулъ его туда, гдѣ пуговка пищитъ, а потомъ я вырвалъ ноги, и оттуда ножикъ и выпалъ.“

Я: „Зачѣмъ же ты оторвалъ ноги? Чтобы ты могъ видѣть Wiwimacher?“

Онъ: „Онъ и раньше тамъ былъ, такъ что я его могъ видѣть.“

Я: „А зачѣмъ же ты всунулъ ножъ?“

Онъ: „Не знаю.“

Я: „А какъ выглядитъ ножичекъ?“

Онъ приноситъ мнѣ его.

Я: „Ты думалъ, что это, быть-можетъ, маленькій ребенокъ?“

Онъ: „Нѣтъ, я себѣ ничего не думалъ, но мнѣ

кажется, что аистъ или кто другой однажды получилъ маленькаго ребенка.“

Я: „Когда?“

Онъ: „Однажды. Я объ этомъ слышалъ, или я вовсе не слышалъ, или я заговорился.“

Я: „Что значить заговорился?“

Онъ: „Это невѣрно.“

Я: „Все, что ни говорятъ, немножко вѣрно.“

Онъ: „Ну да, немножко.“

Я (перемѣняя тему): „Какъ по-твоему появляются на свѣтъ цыплята?“

Онъ: „Аистъ выращиваетъ ихъ, нѣтъ, Боженька.“

„Я объясняю ему, что курицы несутъ яйца, а изъ яицъ выходятъ цыплята.“

„Гансъ смѣется.“

Я: „Почему ты смѣешься?“

Гансъ: „Потому что мнѣ нравится то, что ты рассказываешь.“

„Онъ говоритъ, что онъ это уже видѣлъ.“

Я: „Гдѣ же?“

Онъ: „У тебя.“

Я: „Гдѣ же я несъ яйца?“

Гансъ: „Въ Gmunden'ѣ ты положилъ яйцо въ траву и тутъ вдругъ выскочилъ цыпленокъ. Ты однажды положилъ яйцо,—это я знаю, я знаю это совершенно точно, потому что мнѣ это мама рассказывала.“

Я: „Я спрошу маму, правда ли это?“

Гансъ: „Это совсѣмъ невѣрно, но я уже разъ положилъ яйцо, и оттуда выскочила курочка.“

Я: „Гдѣ?“

Гансъ: „Въ Gmunden'ѣ; я легъ въ траву, нѣтъ, сталъ на колѣни, и дѣти тутъ совсѣмъ не смотрѣли, а на утро я разъ и сказалъ имъ: „Ищите, дѣти, я вчера положилъ яйцо. И тутъ они вдругъ посмотрѣли и вдругъ нашли яйцо, и тутъ изъ него вышелъ ма-

ленькій Гансъ.“ Чего же ты смѣешься? Мама этого не знаетъ, и Каролина этого не знаетъ, потому что никто не смотрѣлъ, а я вдругъ положилъ яйцо, и вдругъ оно тамъ оказалось. Вѣрно. Папа, когда вырастаетъ курочка изъ яйца? Когда его оставляютъ въ покоѣ? Можно его ѣсть?”

„Я объясняю ему это.“

Гансъ: „Ну да, оставимъ его у курицы, тогда вырастетъ цыпленокъ. Упакуемъ его въ ящикъ и отправимъ въ Gmunden.“

Гансъ смѣлымъ приѣмомъ захватилъ въ свои руки себѣ веденіе анализа, такъ какъ родители медлили съ давно необходимыми разъясненіями и въ блестящей формѣ симптомнаго дѣйствія показалъ: Видите, я такъ представляю себѣ рожденіе.

То, что онъ рассказывалъ нянѣ о смыслѣ его игры съ куклой, было неискренне, а передъ отцомъ онъ это прямо отрицаетъ, и говоритъ, что онъ только хотѣлъ видѣть Wiwimacher. Послѣ того, какъ отецъ въ видѣ уступки рассказалъ о происхожденіи цыплятъ изъ яицъ, его неудовлетворенность, недовѣріе и имѣющіяся знанія соединяются для великолѣпной насмѣшки, которая въ послѣднихъ словахъ содержитъ уже опредѣленный намекъ на рожденіе сестры.

Я: „Во что ты игралъ съ куклой?”

Гансъ: „Я говорилъ ей Грета.“

Я: „Почему?”

Гансъ: „Потому что я говорилъ Грета.“

Я: „Кого же игралъ ты?”

Гансъ: „Я се нянчилъ какъ настоящаго ребенка“.

Я: „Хотѣлось бы тебѣ имѣть маленькую дѣвочку?”

Гансъ: „О, да. Почему нѣтъ? Я бы хотѣлъ имѣть, но мамѣ не надо имѣть, я этого не хочу.“

„[Такъ онъ уже часто говорилъ. Онъ боится, что третій ребенокъ еще больше сократитъ его права].“

Я: „Вѣдь только у женщины бываютъ дѣти.“

Гансъ: „У меня будетъ дѣвочка.“

Я: „Откуда же ты ее получишь?“

Гансъ: „Ну, отъ аиста. Онъ вынетъ дѣвочку, положитъ дѣвочку въ яйцо, и изъ яйца тогда выйдетъ еще одна Анна, еще одна Анна. А изъ Анны будетъ еще одна Анна. Нѣтъ, выйдетъ только одна Анна.“

Я: „Тебѣ бы очень хотѣлось имѣть дѣвочку?“

Гансъ: „Да, въ будущемъ году у меня появится одна, которая тоже будетъ называться Анна.“

Я: „Почему же мама не должна имѣть дѣвочки?“

Гансъ: „Потому что я хочу имѣть дѣвочку.“

Я: „Но у тебя же не можетъ быть дѣвочки.“

Гансъ: „О, да, мальчикъ получаетъ дѣвочку, а дѣвочка получаетъ мальчика.“ *)

Я: „У мальчика не бываетъ дѣтей. Дѣти бываютъ только у женщинъ, у мамъ.“

Гансъ: „Почему не у меня?“

Я: „Потому что такъ это устроилъ Господь Богъ.“

Гансъ: „Почему у тебя не можетъ быть ребенка?“

О, да, у тебя уже будетъ, подожди только.“

Я: „Долго мнѣ придется ждать?“

Гансъ: „Вѣдь я принадлежу тебѣ?“

Я: „Но на свѣтъ принесла тебя мама. Значитъ, ты принадлежишь мамѣ и мнѣ.“

Гансъ: „А Анна принадлежитъ мнѣ или мамѣ?“

Я: „Мамѣ.“

Гансъ: „Нѣтъ, мнѣ. А почему не мнѣ и мамѣ?“

Я: „Анна принадлежитъ мнѣ, мамѣ и тебѣ.“

Гансъ: „Развѣ вотъ такъ!“

Естественно, что ребенку недостаетъ существенной части въ пониманіи сексуальныхъ отношеній до тѣхъ

*) Опять отрывокъ дѣтской сексуальной теоріи съ неожиданнымъ смысломъ.

поръ, пока для него остается неоткрытымъ женскій половой органъ.

„24 апрѣля мнѣ и моей женѣ удастся разъяснить Гансу, что дѣти вырастаютъ въ самой мамѣ, и потомъ они при сильныхъ боляхъ, съ помощью жиленья, какъ Lumpf выходятъ на свѣтъ.“

„Послѣ обѣда мы сидимъ передъ домомъ. У него наступило уже замѣтное облегченіе,—онъ бѣжитъ за экипажами, и только то обстоятельство, что онъ не рѣшается отойти далеко отъ воротъ, указываетъ на остатки страха.“

„25 апрѣля Гансъ налетаетъ на меня и ударяетъ головой въ животъ, что случилось одинъ разъ и раньше. Я спрашиваю его, не коза ли онъ. Онъ говоритъ: „Нѣтъ, баранъ.“—„Гдѣ онъ видѣлъ барана?“

Онъ: „Въ Gmunden'ѣ. У Фрица былъ баранъ (Фрицъ имѣлъ для игры маленькую живую овцу).“

Я: „Разскажи мнѣ объ овечкѣ, что она дѣлала?“

Гансъ: „Знаешь Fräulein Mizzi (учительница, которая жила въ домѣ) сажала всегда Анну на овечку, такъ что овечка не могла встать и не могла бодаться. А когда отъ нея отходятъ, она бодается, потому что у нея есть рожки. Вотъ Фрицъ водить ее на веревочкѣ и привязываетъ къ дереву. Онъ всегда привязываетъ ее къ дереву.“

Я: „А тебя овечка боднула?“

Гансъ: „Она вскочила на меня; Фрицъ меня однажды подвелъ. Я разъ подошелъ къ ней и не зналъ, а она вдругъ на меня вскочила. Это было очень весело—я не испугался.“

„Это, вѣроятно, неправда?“

Я: „Ты папу любишь?“

Гансъ: „О, да.“

Я: „А, можетъ-быть, и нѣтъ.“

(Гансъ играетъ маленькой лошадкой. Въ этотъ моментъ лошадка падаетъ. Онъ кричитъ: Упала лошадка! Смотри, какой шумъ она дѣлаетъ!)

Я: „Ты немножко злишься на папу за то, что мама его любитъ.“

Гансъ: „Нѣтъ.“

Я: „Почему же ты такъ всегда плачешь, когда мама цѣлуетъ меня. Потому что ты ревнивъ.“

Гансъ: „Да, пожалуй.“

Я: „Тебѣ бы, небось, хотѣлось быть папой?“

Гансъ: „О, да.“

Я: „А что бы ты захотѣлъ сдѣлать, если бы ты былъ папой?“

Гансъ: „А ты Гансомъ? Я бы тогда возилъ тебя каждое воскресенье въ Lainz, нѣтъ каждый будній день. Если бы я былъ папой, я былъ бы совсѣмъ хорошимъ.“

Я: „А что бы ты дѣлалъ съ мамой?“

Гансъ: „Я бралъ бы ее тоже въ Lainz.“

Я: „А что еще?“

Гансъ: „Ничего.“

Я: „А почему же ты ревнуешь?“

Гансъ: „Я этого не знаю.“

Я: „А въ Gmunden'ѣ ты тоже ревновалъ.“

Гансъ: „Въ Gmunden'ѣ—нѣтъ (это неправда). Въ Gmunden'ѣ я имѣлъ свои вещи, садъ и дѣтей.“

Я: „Ты можешь вспомнить, какъ у коровы родился теленокъ?“

Гансъ: „О, да. Онъ пріѣхалъ туда въ телѣжкѣ. (Это, навѣрно, ему рассказали въ Gmunden'ѣ. И здѣсь—ударъ теоріи объ аистѣ). А другая корова выжала его изъ своего зада. (Это уже результатъ разъясненія, которое онъ хочетъ привести въ соотвѣтствіе съ „теоріей о телѣжкѣ“).“

Я: „Вѣдь это неправда, что онъ пріѣхалъ въ те-

лѣжкѣ, вѣдь онъ вышелъ изъ коровы, которая была въ стойлѣ.“

„Гансъ, оспаривая это, говоритъ, что онъ видѣлъ утромъ телѣжку. Я обращаю его вниманіе на то, что ему, вѣроятно, рассказывали про то, что теленокъ былъ въ телѣжкѣ. Въ концѣ концовъ онъ допускаетъ это: „Мнѣ, вѣроятно, это рассказывала Берта, или нѣтъ, или, можетъ - быть, хозяинъ. Онъ былъ при этомъ, и это вѣдь было ночью,—значитъ, это все такъ, какъ я тебѣ говорю, или, кажется, мнѣ про это никто не говорилъ, а я думалъ объ этомъ ночью.“

„Если я не ошибаюсь, теленка увезли въ телѣжкѣ; отсюда и путаница.“

Я: „Почему ты не думалъ, что аистъ принесъ его?“

Гансъ: „Я этого не хотѣлъ думать.“

Я: „Но вѣдь ты думалъ, что аистъ принесъ Анну?“

Гансъ: „Въ то утро (родовъ) я такъ и думалъ. Папа, а г-нъ R (хозяинъ) былъ при томъ, какъ теленокъ вышелъ изъ коровы?“ *)

Я: „Не знаю, а ты какъ думаешь?“

Гансъ: „Я уже вѣрю... Папа, ты часто видѣлъ у лошади что-то черное вокругъ рта?“

Я: „Я это уже много разъ видѣлъ на улицѣ въ Gmunden'ѣ **).“

Я: „Въ Gmunden'ѣ ты часто бывалъ въ кровати у матери?“

Гансъ: „Да!“

Я: „И ты себѣ воображалъ, что ты папа?“

Гансъ: „Да!“

*) Гансъ, имѣющій основаніе относиться недовѣрчиво къ показаніямъ взрослыхъ, теперь соображаетъ, не заслуживаетъ ли хозяинъ большаго довѣрія, чѣмъ отецъ.

**) Связь здѣсь слѣдующая: по поводу чернаго у рта лошади отецъ долго не хотѣлъ ему вѣрить, пока наконецъ истина не выяснилась.

Я: „И тогда у тебя былъ страхъ передъ папою?“

Гансъ: „Вѣдь ты все знаешь, я ничего не зналъ.“

Я: „Когда Фрицъ упалъ, ты думалъ: „если бы такъ папа упалъ,“ и когда овечка тебя боднула, ты думалъ: „если бы она папу боднула.“ Ты можешь вспомнить о похоронахъ въ Gmunden'ѣ (первыя похороны, которыя видѣлъ Гансъ. Онъ часто вспоминаетъ о нихъ)?“

Гансъ: „Да, а что тамъ было?“

Я: „Ты думалъ тогда, что если бы умеръ папа, ты былъ бы на его мѣстѣ.“

Гансъ: „Да!“

Я: „Передъ какими возами ты собственно еще испытываешь страхъ?“

Гансъ: „Передъ всѣми.“

Я: „Вѣдь это неправда?“

Гансъ: „Передъ пролетками и одноконными экипажами я страха не испытываю. Передъ омнибусами и выучными возами только тогда, когда они нагружены, а когда они пусты, я не боюсь. Когда возъ нагруженъ доверху, и при немъ одна лошадь, я боюсь, а когда онъ нагруженъ, и впряжены двѣ лошади—я не боюсь.“

Я: „Ты испытываешь страхъ передъ омнибусами, потому что на нихъ много людей?“

Гансъ: „Потому что на крышѣ такъ много поклажи.“

Я: „А мама, когда она получила Анну, была тоже нагружена.“

Гансъ: „Мама будетъ опять нагружена, когда она опять получитъ ребенка, пока опять одинъ вырастетъ, и пока опять одинъ будетъ тамъ, внутри.“

Я: „А тебѣ бы этого хотѣлось?“

Гансъ: „Да!“

Я: „Ты говорилъ, что не хочешь, чтобы мама получила еще одного младенца.“

Гансъ: „Тогда она больше не будетъ нагружена. Мама говорила, что когда она больше не захочетъ, то и Богъ этого не захочетъ. (Понятно, что Гансъ вчера уже спрашивалъ, нѣтъ ли въ мамѣ еще дѣтей. Я ему сказалъ, что нѣтъ, и что если Господь не захочетъ, въ ней не будетъ расти дѣтей).“

Гансъ: „Но мнѣ мама говорила, что когда она не захочетъ, больше у нея не вырастетъ дѣтей, а ты говоришь, когда Богъ не захочетъ.“

Я ему сказалъ что это именно такъ, какъ я говорю, на что онъ замѣтилъ: „Вѣдь ты былъ при этомъ и знаешь это, навѣрно, лучше.“ Онъ вызвалъ на разговоръ и мать, и та примирила оба показанія, сказавши, что когда она не захочетъ, то и Богъ не захочетъ.“ *)

Я: „Мнѣ кажется, что ты все-таки хотѣлъ бы что-бы у мамы былъ ребенокъ?“

Гансъ: „А имѣть его я не хочу.“

Я: „Но ты этого желаешь?“

Гансъ: „Пожалуй, желаю.“

Я: „Знаешь, почему? Потому что тебѣ хотѣлось бы быть папой.“

Гансъ: „Да... Какъ эта исторія?“

Я: „Какая исторія?“

Гансъ: „У папы не бываетъ дѣтей, а какъ потомъ говорится въ исторіи, когда я хотѣлъ бы быть папой?“

Я: „Ты хотѣлъ бы быть папой и женатымъ на мамѣ, хотѣлъ бы быть такимъ большимъ, какъ я, имѣть такіе же усы, какъ у меня, и ты хотѣлъ бы, чтобы у мамы былъ ребенокъ.“

*) *Se que femme veut, Dieu le veut.* Умный Гансъ и здѣсь додумался до разрѣшенія очень серьезной проблемы.

Гансъ: „Папа, когда я буду женатымъ, у меня будетъ ребенокъ только тогда, когда я захочу, а когда я не захочу, то и Богъ не захочетъ.“

Я: „А тебѣ хотѣлось бы быть женатымъ на мамѣ.“

Гансъ: „О, да.“

Здѣсь ясно видно, какъ въ фантазіи еще портится удовольствіе вслѣдствіе неувѣренности въ роли отца и вслѣдствіе сомнѣній въ томъ, отъ кого зависитъ дѣторождение.

„Вечеромъ въ тотъ же день Гансъ, когда его укладываютъ въ постель, говоритъ мнѣ: „Послушай, знаешь, что я теперь дѣлаю? Я теперь до 10 часовъ еще буду разговаривать съ Гретой, она у меня въ кровати. Мои дѣти всегда у меня въ кровати. Ты мнѣ можешь сказать, что это означаетъ.“ — Такъ какъ онъ уже совсемъ сонный, я обѣщаю ему записать это завтра и онъ засыпаетъ.“

Изъ прежнихъ записей видно, что Гансъ со времени возвращенія изъ Gmunden'a всегда фантазируетъ о своихъ „дѣтяхъ“, ведетъ съ ними разговоры и т. д.“ *).

„26 апрѣля я его спрашиваю, почему онъ всегда говоритъ о своихъ дѣтяхъ?“

Гансъ: „Почему? Потому что мнѣ такъ хочется имѣть дѣтей, но я этого не хочу, мнѣ не хотѣлось бы ихъ имѣть“ **).

Я: „Ты себѣ всегда такъ представлялъ, что Берта, Ольга и т. д. твои дѣти?“

*) Нѣтъ нужды видѣть здѣсь въ этой страсти къ обладанію дѣтьми женскую черту. Такъ какъ онъ самыя счастливыя переживанія имѣлъ у матери въ качествѣ ребенка, онъ теперь возобновляетъ ихъ въ активной роли, при чемъ онъ самъ изображаетъ мать.

**) Это столь удивительное противорѣчіе — то же, что и между фантазіей и дѣйствительностью, „желать“ и „имѣть“. Онъ знаетъ, что въ дѣйствительности онъ ребенокъ, и другія дѣти мѣшали бы ему, а въ своей фантазіи онъ — мать и хочетъ дѣтей, чтобы имѣть возможность повторить на нихъ пережитыя имъ ласки.

Гансъ: „Да, Францъ, Фрицъ, Поль (его товарищъ въ Lainz'ѣ) и Лоди“ (вымышленное имя, его любимица, о которой онъ чаще всего говоритъ).—Я отмѣчаю здѣсь, что эта Лоди появилась не только въ послѣдніе дни, но существуетъ со дня послѣдняго разъясненія (24 апр.).“

Я: „Кто это Лоди? Она живетъ въ Gmunden'ѣ?“

Гансъ: „Нѣтъ.“

Я: „А существуетъ на самомъ дѣлѣ эта Lodi.“

Гансъ: „Да, я знаю ее.“

Я: „Которую?“

Гансъ: „Ту, которую я имѣю.“

Я: „Какъ она выглядитъ?“

Гансъ: „Какъ? Черные глаза, черные волосы; я ее однажды встрѣтилъ съ Марикой (въ Gmunden'ѣ), когда я шелъ въ городъ.“

„Когда я хочу узнать подробности, оказывается что все это выдуманно“ *).

Я: „Значить, ты думалъ, что ты мама?“

Гансъ: „Я, дѣйствительно, и былъ мамой.“

Я: „Что же ты собственно дѣлалъ съ дѣтьми?“

Гансъ: „Я ихъ клалъ къ себѣ спать, мальчиковъ и дѣвочекъ.“

Я: „Каждый день?“

Гансъ: „Ну, конечно.“

Я: „Ты разговаривалъ съ ними?“

Гансъ: „Когда не всѣ дѣти влѣзали въ постель, я нѣкоторыхъ клалъ на диванъ, а нѣкоторыхъ въ дѣтскую коляску, а когда еще оставались дѣти, я ихъ несъ на чердакъ и клалъ въ ящикъ; тамъ еще были дѣти, и я ихъ уложилъ въ другой ящикъ.“

*) Возможно, что Гансъ случайно встрѣченную дѣвочку возвелъ въ идеаль, который, впрочемъ, по цвѣту глазъ и волосъ уподобилъ матери.

Я: „Значить, аистины ящики стояли на чердакѣ?“

Гансъ: „Да.“

Я: „Когда у тебя появились дѣти, Анна была уже на свѣтѣ?“

Гансъ: „Да, уже давно.“

Я: „А какъ ты думалъ, отъ кого ты получилъ этихъ дѣтей?“

Гансъ: „Ну, отъ меня “*).

Я: „Вѣдь тогда ты еще не зналъ, что дѣти рождаются отъ одного.“

Гансъ: „Я себѣ думалъ, что ихъ принесъ аистъ. (Очевидно, ложь и увертка **).“

Я: „Вчера у тебя была Грета, но ты вѣдь знаешь, что мальчикъ не можетъ имѣть дѣтей.“

Гансъ: „Ну да, но я все-таки въ это вѣрю.“

Я: „Какъ тебѣ пришло въ голову имя Lodi? Вѣдь такъ ни одну дѣвочку не зовутъ. Можетъ - быть, Лотти?“

Гансъ: „О нѣтъ, Лоди. Я не знаю, но вѣдь это все-таки красивое имя.“

Я (шутя): „Можетъ-быть, ты думаешь Шоколоди?“

Гансъ (сейчасъ же): „Saffalodi ***)... потому что я такъ люблю ѣсть колбасу и салами.“

Я: „Послушай, не выглядитъ ли Saffalodi, какъ Lumpf.“

Гансъ: „Да!“

Я: „А какъ выглядитъ Lumpf?“

Гансъ: „Чернымъ. Какъ это и это (показываетъ на мои брови и усы).“

*) Иначе Гансъ и не можетъ отвѣтить, какъ съ точки зрѣнія аутоэротизма.

**) Это—дѣти фантазій—мастурбаторныхъ ощущений.

***) Saffaladi—цервелатная колбаса. Моя жена иногда рассказываетъ, что ея тетка говорила всегда Softalodi. Гансъ, быть-можетъ, слышалъ это.

Я: „А какъ еще, круглый какъ Saffalodi.“

Гансъ: „Да.“

Я: „Когда ты сидѣлъ на горшкѣ, и когда выходилъ Lumpf, ты думалъ себѣ, что у тебя появляется ребенокъ?“

Гансъ (смѣясь): „Да, на ** улицѣ и здѣсь.“

Я: „Ты знаешь, какъ падали лошади отъ омнибуса. Вѣдь возъ выглядитъ, какъ дѣтскій ящикъ, и когда черная лошадь падала, то это было такъ...“

Гансъ (дополняетъ): „Какъ когда имѣютъ дѣтей.“

Я: „А что ты себѣ думалъ, когда она начали топтать ногами.“

Гансъ: „Ну, когда я не хочу сѣсть на горшочекъ, а лучше хочу играть, я такъ топаю ногами. (Тутъ же онъ топаешь ногой).“

„При этомъ онъ интересуется тѣмъ, охотно или неохотно имѣютъ дѣтей.“

„Гансъ сегодня все время играетъ въ багажные ящики, нагружаетъ ихъ и разгружаетъ, хочетъ имѣть игрушечный возъ съ такими ящиками. Во дворѣ таможни его больше всего интересовали нагрузка и разгрузка воевъ. Онъ и пугался больше всего въ тотъ моментъ, когда нагруженный возъ долженъ былъ отѣхать. „Лошади упадутъ!“ Двери таможни онъ называлъ „дырами“ (Loch) (первая, вторая, третья... дыра). Теперь онъ говоритъ Podlloch (anus).“

„Страхъ почти совершенно прошелъ. Гансъ старается только оставаться вблизи дома, чтобы имѣть возможность вернуться въ случаѣ страха. Но онъ больше не вбѣгаетъ въ домъ и все время остается на улицѣ. Его болѣзнь, какъ извѣстно, началась съ того, что онъ плача вернулся съ прогулки, и когда его второй разъ заставили итти гулять, онъ дошелъ только до городской станціи „Таможня“, съ которой виденъ еще нашъ домъ. Во время родовъ жены онъ,

конечно, былъ удаленъ отъ нея, и теперешній страхъ, мѣшающій ему удалиться отъ дома, соответствуетъ тогдашней тоскѣ по матери.“

„30 апрѣля. Такъ какъ Гансъ опять играетъ съ своими воображаемыми дѣтьми, я говорю ему: „Какъ, дѣти твои все еще живутъ? Вѣдь ты знаешь, что у мальчика не бываетъ дѣтей.“

Гансъ: „Я знаю это. Прежде я былъ мамой, а теперь я папа.“

Я: „А кто мать этихъ дѣтей?“

Гансъ: „Ну, мама, а ты дѣдушка.“

Я: „Значить, ты хотѣлъ бы быть взрослымъ, какъ я, женатымъ на мамѣ, и чтобы у нея были дѣти?“

Гансъ: „Да, мнѣ хотѣлось бы, а та изъ Lainz'a (моя мать) тогда будетъ бабушкой.“

Все выходитъ хорошо. Маленькій Эдинъ нашелъ болѣе счастливое разрѣшеніе, чѣмъ это предписано судьбой. Онъ желаетъ отцу вмѣсто того, чтобы устранить его, того же счастья, что онъ требуетъ и для себя; онъ производитъ отца въ дѣдушки и женить на его собственной матери.

„1 мая. Гансъ днемъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Знаешь, что? Напишемъ, кое-что для профессора.“

Я: „А что?“

Гансъ: „Передъ обѣдомъ я со всѣми своими дѣтьми былъ въ клозетѣ. Сначала я дѣлалъ Lumpf и wiwi, а они смотрѣли. Потомъ я ихъ посадилъ, они дѣлали Lumpf и wiwi, а я ихъ вытеръ бумажкой. Знаешь, почему? Потому что мнѣ очень хотѣлось бы имѣть дѣтей; я бы дѣлалъ съ ними все, что дѣлаютъ съ маленькими дѣтьми, водилъ бы ихъ въ клозетъ, обмывалъ и подтиралъ бы ихъ, все, что дѣлаютъ съ дѣтьми.“

Послѣ признанія въ этой фантазіи врядъ ли можно

еще сомнѣваться въ удовольствіи, которое связано у Ганса съ экскрементальными функціями.

„Послѣ обѣда онъ въ первый разъ рѣшается пойти въ городской паркъ. По случаю 1-го мая на улицѣ меньше, чѣмъ обычно, но все же достаточно экипажей, которые на него до сихъ поръ наводили страхъ. Онъ гордится своей способностью, и я долженъ съ нимъ вечеромъ еще разъ пойти въ городской паркъ. На пути мы встрѣчаемъ омнибусъ, который онъ мнѣ указываетъ: смотри, вотъ возъ, возъ аистинаго ящика! Когда онъ утромъ идетъ со мной опять въ паркъ, онъ ведетъ себя такъ, что его болѣзнь можно считать излѣченной.“

„2 мая Гансъ рано утромъ приходитъ ко мнѣ: „Слушай, я сегодня себѣ что-то думалъ.“ Сначала онъ это забылъ, а потомъ рассказываетъ мнѣ со значительными сопротивленіями: „Пришелъ водопроводчикъ и сначала клещами отнялъ у меня мой задъ, далъ мнѣ другой, а потомъ и другой Wiwimacher. Онъ сказалъ мнѣ: „Покажи мнѣ задъ“, и я долженъ былъ повернуться, а потомъ онъ мнѣ сказалъ: „Покажи мнѣ Wiwimacher.“

Отецъ улавливаетъ смыслъ этой фантазіи желанія и ни минуты не сомнѣвается въ единственно допустимомъ толкованіи.

Я: „Онъ далъ тебѣ большій Wiwimacher и большій задъ.“

Гансъ: „Да!“

Я: „Какъ у папы, потому что ты очень хотѣлъ бы быть папой.“

Гансъ: „Да, и мнѣ хотѣлось бы имѣть такіе же усы, какъ у тебя, и такіе же волосы (показываетъ волосы на моей груди).“

„Толкованіе недавно рассказанной фантазіи—водопроводчикъ пришелъ и отвинтилъ ванну, а потомъ

воткнулъ мнѣ буравъ въ животъ—сводится теперь къ слѣдующему. Большая ванна обозначаетъ задъ. Буравъ или отвертка, какъ это и тогда указывалось,—Wiwimasher. Эти фантазіи идентичны. Тутъ открывается также новый доступъ къ страху Ганса передъ большой ванной. Ему непріятно, что его задъ слишкомъ малъ для большой ванны.“

Въ слѣдующіе дни мать нѣсколько разъ обращается ко мнѣ съ выраженіемъ своей радости по поводу выздоровленія мальчика.

Дополненіе, сдѣланное отцомъ спустя недѣлю.

„Уважаемый профессоръ! Я хотѣлъ бы дополнить исторію болѣзни Ганса еще нижеслѣдующимъ.“

„1. Ремиссія послѣ перваго разъясненія не была настолько совершенна, насколько я ее, быть-можетъ, изобразилъ. Гансъ во всякомъ случаѣ шелъ гулять, но съ принужденіемъ и большимъ страхомъ. Одинъ разъ онъ дошелъ со мной до станціи: „Таможня“, откуда виденъ нашъ домъ, а дальше ни за что не хотѣлъ итти.“

„2. Къ словамъ ингвирный сокъ и ружье. Ингвирный сокъ Гансъ получаетъ при запорѣ. Ружье—Schiessegewer. Гансъ часто смѣшиваетъ слова schiessen и scheissen—стрѣлять и испражняться.“

„3. Когда Ганса перевели изъ нашей спальни въ отдѣльную комнату, ему было приблизительно четыре года.“

„4. Слѣды остались еще теперь и выражаются не въ страхѣ, а во вполне нормальной страсти къ вопросамъ. Вопросы относятся преимущественно къ тому, изъ чего дѣлаются различные предметы (трамваи, машины и т. д.), кто ихъ дѣлаетъ и т. д. Характеристично для большинства вопросовъ, что Гансъ задаетъ ихъ несмотря на то, что у него для себя отвѣтъ уже готовъ. Онъ хочетъ только удостовѣриться. Когда онъ

меня однажды своими вопросами довелъ до утомленія, и я сказалъ ему: „Развѣ ты думаешь, что я могу отвѣтить на всѣ твои вопросы,“ онъ отвѣтилъ мнѣ: „Я думалъ, что ты и это знаешь, разъ ты зналъ о лошади.“

„5. О своей болѣзни Гансъ говоритъ, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ. Тогда, когда у меня была глухость.“

„6. Неразрѣшенный остатокъ, надъ которымъ Гансъ ломаетъ себѣ голову, это: что дѣлаетъ съ ребенкомъ отецъ, разъ мать производитъ его на свѣтъ. Это можно заключить изъ его вопросовъ: Не правда ли, я принадлежу также тебѣ (онъ думаетъ, не только матери). Ему неясно, почему онъ принадлежитъ мнѣ. Съ другой стороны, у меня нѣтъ прямыхъ доказательствъ, чтобы предполагать, какъ говорили вы, что онъ подслушалъ coitus родителей.“

„7. При изложеніи, быть-можетъ, слѣдовало больше подчеркнуть силу страха. Иначе могутъ сказать: „Нужно было бы его основательно поколотить, и онъ бы уже пошелъ гулять.“

Я здѣсь же могу прибавить: съ послѣдней фантазіей Ганса былъ побѣжденъ страхъ, исходящій изъ кастраціоннаго комплекса, при чемъ томительное ожиданіе было замѣнено надеждой на лучшее. Да, приходитъ врачъ, водопроводчикъ и т. п., отнимаетъ penis, но только для того, чтобы дать ему большій. Что касается остального, пусть нашъ маленькій изслѣдователь преждевременно пріобрѣтетъ опытъ, что всякое знаніе есть только частица, и что на каждой ступени знанія всегда остается неразрѣшимый остатокъ.

III. Эпикризъ.

Это наблюдение надъ развитіемъ и разрѣшеніемъ фобіи у 5-лѣтняго мальчика я имѣю въ виду разобратъ въ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, насколько оно подтверждаетъ положенія, выставленныя мною въ 1905 г. въ „Теоріи' полового влеченія“; во-вторыхъ, что даетъ это наблюдение къ пониманію этой столь частой формы болѣзни; въ-третьихъ, что можно извлечь изъ него для выясненія душевной жизни ребенка и для критики нашихъ обычныхъ плановъ воспитанія.

I.

У меня получается впечатлѣніе, что картина сексуальной жизни ребенка, представляющаяся изъ наблюдений надъ маленькимъ Гансомъ, хорошо совпадаетъ съ изображеніемъ, которое я набросалъ въ моей теоріи полового влеченія на основаніи психоаналитическихъ изслѣдованій надъ взрослыми. Но прежде, чѣмъ я приступлю къ изслѣдованію деталей этого совпаденія, я долженъ отвѣтить на два возраженія, которыя могутъ возникнуть при оцѣнкѣ этого анализа. Первое возраженіе: быть-можетъ, Гансъ ненормальный ребенокъ, и, какъ видно изъ его болѣзни, онъ предрасположенъ къ неврозу, т.-е. маленькій дегенерантъ, а поэтому, быть-можетъ, неумѣстно переносить наши заключенія съ больного на здоровыхъ дѣтей. На это возраженіе, которое не уничтожаетъ, а только ограничиваетъ цѣнность наблюденія, я отвѣчу позже. Второе и болѣе строгое возраженіе—это то, что анализъ ребенка его отцомъ, находящимся подъ вліяніемъ моихъ теоретическихъ взглядовъ, захваченнымъ мои.

ми предвзятостями, врядъ ли можетъ имѣть какую-нибудь объективную цѣну. Само собой понятно, что ребенокъ въ высокой степени внушаемъ и, быть-можетъ, особенно по отношенію къ отцу. Чтобы угодить отцу, онъ дастъ взвалить на себя все, что угодно, въ благодарность за то, что тотъ съ нимъ такъ много занимается; естественно, что всѣ его продукціи въ идеяхъ, фантазіяхъ и снахъ идутъ въ желательномъ для отца направленіи. Коротко, это опять все „внушеніе“, которое у ребенка сравнительно со взрослымъ удастся легче раскрыть.

Удивительно, я припоминаю время, когда я, 22 года назадъ, началъ вмѣшиваться въ научные споры. Съ какой насмѣшкой тогда старое поколѣніе неврологовъ и психіатровъ отнеслось къ „внушенію“ и его вліяніямъ. Съ того времени положеніе вещей совершенно измѣнилось: противодѣйствіе со слишкомъ большой поспѣшностью перешло въ готовность итти навстрѣчу. И это произошло не только благодаря вліянію, которое въ эти десятилѣтія должны были имѣть работы Liébeault, Bernheim'a и ихъ учениковъ, но еще вѣроятно благодаря сдѣланному открытію, что примѣненіе этого моднаго термина „внушеніе“ даетъ большую экономію въ процессѣ мышленія. Вѣдь никто не знаетъ и не старается узнать, что такое внушеніе, откуда оно идетъ, и когда оно имѣетъ мѣсто. Достаточно, что все неудобное въ психической жизни можно называть „внушеніемъ“.

Я не раздѣляю излюбленнаго теперь взгляда, что дѣтскія показанія всѣ безъ исключенія произвольны и не заслуживаютъ довѣрія. Въ психическомъ вообще нѣтъ произвола. Недостовѣрность показаній у дѣтей основана на преобладаніи фантазіи, у взрослыхъ—на преобладаніи предвзятыхъ мнѣній. Вообще и ребенокъ не лжетъ безъ основанія, и у него даже имѣется боль-

шая любовь къ правдѣ, чѣмъ у взрослого. Было бы слишкомъ несправедливо по отношенію къ Гансу отбросить всѣ его показанія. Можно вполне отчетливо разобрать, гдѣ онъ подъ давленіемъ сопротивленія лукавить или старается скрыть что-нибудь, гдѣ онъ во всемъ соглашается съ отцомъ (и эти мѣста совсѣмъ недоказательны) и, наконецъ, гдѣ онъ, освобожденный отъ давленія, стремительно сообщаетъ все, что является его внутренней правдой, и что онъ до сихъ поръ зналъ только одинъ. Большой достовѣрности не представляютъ и показанія взрослыхъ. Но остается все-таки заслуживающимъ сожалѣнія, что никакое изложеніе психоанализа не передаетъ впечатлѣній, которыя выносишь отъ него, и что окончательная убѣжденность никогда не наступаетъ послѣ чтенія, а только послѣ личнаго переживанія. Но этотъ недостатокъ въ одинаковой степени присущъ и анализамъ надъ взрослыми.

Родители изображаютъ Ганса веселымъ чистосердечнымъ ребенкомъ; такимъ онъ и долженъ быть, судя по воспитанію, которое даютъ ему его родители, изъ котораго исключены наши обычные грѣхи воспитанія. До тѣхъ поръ, пока Гансъ въ веселой наивности производилъ свои изслѣдованія, не подозрѣвая возможнаго появленія конфликтовъ, онъ сообщалъ ихъ безъ задержки, и наблюденія изъ періода до фобіи можно принимать тутъ же безъ всякаго сомнѣнія. Въ періодъ болѣзни и во время психоанализа у него возникаетъ несоотвѣтствіе между тѣмъ, что онъ говоритъ и что онъ думаетъ. Причина этому отчасти та, что у него набирается слишкомъ много безсознательнаго матеріала, чтобы онъ могъ имъ сразу овладѣть, а отчасти—это внутреннія задержки, происходящія отъ его отношеній къ родителямъ. Я утверждаю совершенно безпристрастно, что и эти послѣднія затрудненія оказались ничуть не больше, чѣмъ при анализахъ взрослыхъ

Конечно, при анализѣ приходилось говорить Гансу много такого, чего онъ самъ не умѣлъ сказать; внушать ему мысли, которыя у него еще не успѣли появиться; приходилось направлять его вниманіе въ сторону, желательную для отца. Все это ослабляетъ доказательную силу анализа; но такъ поступаютъ при всѣхъ психоанализахъ. Психоанализъ не есть научное, свободное отъ тенденціозности изслѣдованіе, а терапевтическій приѣмъ; онъ самъ по себѣ ничего не хочетъ доказать, а только кое-что измѣнить. Каждый разъ въ психоанализѣ врачъ даетъ пациенту сознательныя представленія ожиданія, съ помощію которыхъ онъ былъ бы въ состояніи познать безсознательное и воспринять его одинъ разъ въ большемъ, другой разъ въ болѣе скромномъ размѣрѣ. И есть случаи, гдѣ требуется большая поддержка, а другіе—гдѣ меньшая. Безъ подобной поддержки никто не обходится. То, съ чѣмъ пациентъ можетъ справиться самъ, есть только легкое разстройство, а ничуть не неврозъ, который является совершенно чуждымъ для нашего „я“. Чтобы осилить такой неврозъ, нужна помощь другого, и только если этотъ другой можетъ помочь, тогда неврозъ излѣчимъ. Если въ самомъ существѣ психоза лежитъ отворачиваніе отъ „другого“, какъ это, повидимому, характеристично для состояній, входящихъ въ группу „dementia praecox“, то такіе психозы, несмотря на всѣ наши усилія, окажутся неизлѣчимыми. Можно допустить, что ребенокъ, вслѣдствіе слабаго развитія его интеллектуальной системы нуждается въ особенно интенсивной помощи. Но все то, что врачъ сообщаетъ больному, вытекаетъ изъ аналитическаго опыта, и если врачебное вмѣшательство приводитъ въ связь и къ разрѣшенію патогенный матеріалъ, то этотъ фактъ можно считать достаточно убѣдительнымъ.

И все-таки нашъ маленькій пациентъ во время ана-

лиза проявилъ достаточно самостоятельности, чтобы его можно было оправдать отъ обвиненія во „внушаемости.“ Онъ, какъ всѣ дѣти, безъ всякаго внѣшняго побужденія примѣняетъ свои дѣтскія сексуальныя теоріи къ своему матеріалу. Эти теоріи слишкомъ далеки для взрослого; въ этомъ случаѣ я даже сдѣлалъ упущеніе, не подготовивъ отца къ тому, что путь къ темѣ о разрѣшеніи отъ беременности идетъ черезъ экскреціонный комплексъ. И то, что вслѣдствіе моей поспѣшности привело къ затемненію части анализа, дало по крайней мѣрѣ хорошее свидѣтельство въ неподдѣльности и самостоятельности мыслительной работы у Ганса. Онъ вдругъ заинтересовался экскрементами, въ то время какъ отецъ, подозрѣваемый во внушеніи, еще не зналъ, что изъ этого выйдетъ. Столь же мало зависѣло отъ отца развитіе обѣихъ фантазій о водопроводчикѣ, которыя исходили изъ давно пріобрѣтеннаго „кастраціоннаго комплекса.“ Я долженъ здѣсь сознаться въ томъ, что я совершенно скрылъ отъ отца ожиданіе этой связи изъ теоретическаго интереса, чтобы не ослабить силы столь трудно достигаемаго доказательства.

При дальнѣйшемъ углубленіи въ детали анализа мы встрѣтимъ еще много новыхъ доказательствъ въ независимости нашего Ганса отъ „внушенія,“ но здѣсь я прекращаю обсужденіе перваго возраженія. Я знаю, что и этотъ анализъ не убѣдитъ тѣхъ, кто не даетъ себя убѣдить, и продолжаю обработку этихъ наблюденій для тѣхъ читателей, которые уже имѣли случаи убѣдиться въ объективности безсознательнаго патогеннаго матеріала. Я не могу не высказать пріятнаго сознанія, что число послѣднихъ все растеть.

Первая черта, которую можно отнести къ сексуальной жизни маленькаго Ганса, это необыкновенно

живой интересъ къ своему „Wiwimasher“у, какъ онъ называетъ этотъ органъ по одной изъ важныхъ его функций, неизбѣжной для дѣтской. Интересъ этотъ дѣлаетъ его изслѣдователемъ; такимъ образомъ онъ открываетъ, что на основаніи присутствія или отсутствія этого органа можно различать живое отъ неживого. Существованіе этой столь значительной части тѣла онъ предполагаетъ у всѣхъ живыхъ, которыхъ онъ считаетъ подобными себѣ; онъ изучаетъ его на большихъ животныхъ, дѣлаетъ предположенія о существованіи его у родителей, и даже сама очевидность не мѣшаетъ ему констатировать наличность этого органа у новорожденной сестры. Можно сказать, что если бы ему пришлось признать отсутствіе этого органа у подобнаго себѣ живого существа, это было бы слишкомъ большимъ потрясеніемъ основъ его „міросозерцанія“—все равно, что этотъ органъ отняли бы и у него. Поэтому, вѣроятно, угроза матери, содержащая въ себѣ возможность потери Wiwimasher'а, самымъ поспѣшнымъ образомъ подвергается вытѣсненію, и ей придется обнаружить свое дѣйствіе только впоследствии. Въ этомъ комплексѣ принимаетъ участіе мать, потому что прикосновеніе ея къ этому органу доставляло ему ощущенія удовольствія. Нашъ мальчикъ началъ свою аутоэротическую сексуальную дѣятельность обычнымъ и самымъ нормальнымъ образомъ.

Удовольствіе, испытываемое на собственномъ половомъ органѣ, переходитъ въ удовольствіе при глядѣніи въ его активномъ и пассивномъ развитіи; это то, что Alf. Adler весьма удачно назвалъ ограниченіемъ влеченія (Triebverschränkung). Мальчикъ ищетъ случая видѣть Wiwimasher другихъ лицъ; у него развивается сексуальное любопытство, и ему нравится показывать свои половые органы. Одинъ изъ его сновъ изъ на-

чального періода витіснення содержитъ желаніе, чтобы одна изъ его маленькихъ пріятельницъ помогала ему при мочеиспусканіи и такимъ образомъ могла видѣть его половой органъ. Сонъ этотъ доказываетъ, что его желаніе оставалось невытѣсненнымъ. Болѣе позднія сообщенія подтверждаютъ, что ему удавалось находить себѣ такого рода удовлетвореніе. Активное направленіе сексуальнаго удовольствія отъ разсматриванія вскорѣ связывается у него съ опредѣленнымъ мотивомъ. Когда онъ повторно высказываетъ отцу и матери сожалѣніе, что онъ никогда не видѣлъ ихъ половыхъ органовъ, то причиной этого является, вѣроятно, его желаніе сравнить.

„Я“ всегда остается масштабомъ, которымъ оцѣнивается міръ; путемъ постоянного сравненія съ собой обучаешься понимать его. Гансъ замѣтилъ, что большія животныя имѣютъ половой органъ на много больший, чѣмъ у него; поэтому онъ предполагаетъ подобное же соотношеніе и для своихъ родителей, и ему хотѣлось бы убѣдиться въ этомъ. У мамы, думаетъ онъ, навѣрно, такой же *Wiwi-mascher* „какъ у лошади“. Такимъ образомъ, у него приготовлено утѣшеніе, что *Wiwi-mascher* будетъ расти вмѣстѣ съ нимъ; получается впечатлѣніе, что желаніе ребенка быть большимъ онъ проэцируетъ только на половые органы.

Итакъ, въ сексуальной конституціи маленькаго Ганса уже съ самаго начала зона половыхъ органовъ окрывается наиболѣе другихъ эрогенныхъ зонъ окрашенной чувствомъ удовольствія. Когда онъ въ своей послѣдней „фантазіи о счастьѣ“, съ которой кончилась его болѣзнь, имѣетъ дѣтей, водить ихъ въ клозетъ, заставляетъ ихъ дѣлать *wiwi*, подтираетъ ихъ и дѣлаетъ съ ними все то, что дѣлаютъ съ дѣтьми, то изъ этого можно, несомнѣнно, сдѣлать выводъ, что всѣ эти процедуры въ его дѣтскіе годы были для него

источникомъ наслажденія. Это наслажденіе, которое онъ получалъ черезъ мать, ведетъ его къ выбору объекта, но все-таки нужно считать возможнымъ, что онъ уже и раньше привыкъ доставлять себѣ это наслажденіе аутеротическимъ путемъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣтей, которыя любятъ задерживать экскременты до тѣхъ поръ, пока выдѣленіе ихъ доставитъ имъ раздраженіе, связанное съ наслажденіемъ. Я говорю лишь, что это возможно, потому что въ анализѣ это не выяснено; „дѣланіе шума ногами“, передъ которымъ онъ позже испытываетъ страхъ, даетъ нѣкоторыя указанія въ этомъ направленіи. Въ общемъ эти источники наслажденія не подчеркнуты у него такъ рѣзко, какъ у другихъ дѣтей. Онъ скоро сдѣлался опрятнымъ; упусканіе мочи въ постели и въ теченіе дня не играло никакой роли въ его первые годы; у него не было даже слѣда отвратительной для взрослыхъ привычки играть своими экскрементами (эта привычка вновь появляется на исходѣ психической инволюціи).

Отмѣтимъ здѣсь же, что мы, несомнѣнно, наблюдали у него въ періодъ фобіи вытѣсненіе этихъ обоихъ хорошо развитыхъ у него компонентовъ. Онъ стыдится выпускать мочу передъ посторонними, онъ жалуется на себя за то, что кладетъ руку на свой *Wiwi*macher, старается избавиться отъ онанизма и чувствуетъ отвращеніе передъ „Lumpf“, „wiwi“ и всѣмъ, что это напоминаетъ. Въ своей фантазіи объ уходѣ за дѣтьми онъ опять оставляетъ это вытѣсненіе.

Сексуальная конституція нашего Ганса, повидимому, не содержитъ въ себѣ предрасположенія къ развитію перверсій и ихъ негатива *) (здѣсь мы можемъ ограничиться истеріей). Насколько мнѣ пришлось

*) Объ отношеніи неврозовъ къ перверсіямъ см. „Теорію полового влеченія“. Психот. библ. Вып. III. *Прим. ред.*

узнать (а здѣсь, дѣйствительно, надо быть осторожнымъ), прирожденная конституція истериковъ (при перверсіяхъ это понятно само собой) отличается тѣмъ, что зона половыхъ органовъ отступаетъ на второй планъ передъ другими эрогенными зонами. Изъ этого правила имѣется одно опредѣленное исключеніе. У лицъ, ставшихъ въ послѣдствіи гомосексуальными, и которыя по моимъ ожиданіямъ и по наблюденіямъ J. Sadger'a продѣлываютъ въ дѣтствѣ амфигенную фазу, мы встрѣчаемъ инфантильное преобладаніе зоны половыхъ органовъ и специально мужского органа. И это превознесеніе мужского полового органа становится роковымъ для гомосексуаловъ. Они въ дѣтствѣ избираютъ женщину своимъ сексуальнымъ объектомъ до тѣхъ поръ, пока подозрѣваютъ у нея обязательное существованіе такого же органа, какъ у мужчинъ; какъ только они убѣждаются, что женщина обманула ихъ по этому пункту, она становится для нихъ непріемлемой въ качествѣ сексуальнаго объекта. Они не могутъ себѣ представить безъ penis'a лицо, которое должно ихъ привлекать къ сексуальнымъ отношеніямъ, и при благопріятномъ случаѣ они фиксируютъ свою страсть (libido) къ „женщинѣ съ penis'омъ“, къ юношѣ съ женоподобной внѣшностью. Итакъ, гомосексуалы—это лица, которыя вслѣдствіе эрогеннаго значенія собственныхъ половыхъ органовъ лишены возможности принять сексуальный объектъ безъ половыхъ органовъ, подобныхъ своимъ. На пути развитія отъ аутоэротизма до любви съ объектомъ они застряли на мѣстѣ, находящемся ближе къ аутоэротизму.

Нѣтъ никакого основанія допускать существованіе особаго гомосексуальнаго влеченія. Гомосексуальъ вырабатывается не вслѣдствіе особенности во влеченіи, а—въ выборѣ объекта. Я могу сослаться на указаніе,

которое я сдѣлалъ въ „Теоріи полового влеченія“, что мы ошибочно принимаемъ сосуществованіе влеченія и объекта за глубокую связь между ними. Гомосексуаль со своими, быть-можетъ, нормальными влеченіями не можетъ развязаться со своимъ объектомъ, выбраннымъ имъ благодаря извѣстному условію. Въ своемъ дѣтствѣ, когда это условіе обычно имѣетъ мѣсто, онъ можетъ вести себя какъ нашъ маленькій Гансъ, который безъ различія нѣженъ какъ съ мальчиками, такъ и съ дѣвочками, и который при случаѣ называетъ своего друга Фрица „своей милѣйшей дѣвочкой“. Гансъ гомосексуаленъ, какъ всѣ дѣти, соотвѣтственно тому, что онъ знаетъ только одинъ видъ половыхъ органовъ, такой, какъ у него.

Дальнѣйшее развитіе нашего маленькаго эротика идетъ не къ гомосексуальности, но къ энергичной полигамически проявляющейся мужественности, въ которой онъ въ зависимости отъ мѣняющихся женскихъ объектовъ знаетъ, какъ дѣйствовать: въ одномъ случаѣ онъ рѣшительно наступаетъ, въ другихъ онъ страстно и стыдливо тоскуетъ. Въ періодъ, когда другихъ объектовъ въ любви нѣтъ, его склонность возвращается къ матери (отъ которой онъ уходитъ къ другимъ), чтобы у нея потерпѣть крушеніе въ формѣ невроза. Тутъ только мы узнаемъ, до какой интенсивности развивается любовь къ матери, и какая судьба ее постигла. Сексуальная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ у своихъ пріятельницъ, „спать у нихъ“, исходила отъ матери. Цѣль эта опредѣлена словами, которыми пользуются и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя съ другимъ, болѣе богатымъ содержаніемъ. Мальчикъ нашъ обычнымъ путемъ, въ годы ранняго дѣтства, нашелъ путь къ любви объекта и новый источникъ наслажденія: сонъ рядомъ съ матерью сталъ для него опредѣляющимъ. Въ этомъ сложномъ чувствѣ мы

могли бы на первое мѣсто поставить удовольствіе при прикосновеніи къ кожѣ, которое лежитъ въ нашей конституціи, и которое по кажущейся искусственной номенклатурѣ Moll'я можно было бы назвать удовлетвореніемъ влеченія къ контрэкстаціи (къ соприкосновенію).

Въ своихъ отношеніяхъ къ отцу и матери Гансъ самымъ яркимъ образомъ подтверждаетъ все то, что я въ своей сексуальной теоріи говорилъ о сексуальныхъ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ. Онъ дѣйствительно маленькій Эдипъ, который хотѣлъ бы „устранить прочь“ отца, чтобы остаться самому съ красивой матерью, спать съ ней. Это желаніе появилось во время лѣтняго пребыванія въ деревнѣ, когда перемѣны, связанныя съ присутствіемъ или отсутствіемъ отца, указали ему на условія, отъ которыхъ зависѣла желаемая интимность съ матерью. Тогда, лѣтомъ, онъ удовольствовался желаніемъ, чтобы отецъ уѣхалъ. Къ этому желанію позже присоединился страхъ быть укушеннымъ бѣлой лошадью: благодаря случайному впечатлѣнію, полученному при отъѣздѣ другого отца. Позже, вѣроятно, въ Вѣнѣ, гдѣ на отъѣздъ отца больше нельзя было рассчитывать, уже появилось другое содержаніе, чтобы отецъ подолгу былъ въ отсутствіи, былъ мертвъ. Исходящій изъ этого желанія смерти отца и, слѣдовательно, нормально мотивированный страхъ передъ нимъ образовалъ самое большое препятствіе для анализа, пока оно не было устранено во время разговора у меня на дому*).

На самомъ дѣлѣ нашъ Гансъ вовсе не злодѣй и

*) Обѣ случайныя мысли Ганса: ингвирный сокъ и ружье для убиванія, навѣрное, детерминированы не съ одной только стороны. Вѣроятно, онѣ столько же связаны съ ненавистью къ отцу, сколько съ комплексомъ запора. Отецъ, который самъ угадалъ послѣднюю связь, думаетъ еще при „ингвирномъ сокѣ“ о „крови“.

даже не такой ребенокъ, у котораго жестокія и насильственныя склонности человѣческой природы развиваются безъ задержекъ въ этотъ періодъ его жизни. Напротивъ, онъ необыкновенно добродушенъ и нѣженъ; отецъ отмѣтилъ, что превращеніе агрессивной наклонности въ состраданіе произошло довольно рано. Еще задолго до фобіи онъ начиналъ беспокоиться, когда при немъ въ дѣтской игрѣ били „лошадку“, и онъ никогда не оставался равнодушнымъ, когда въ его присутствіи кто-нибудь плакалъ. Въ одномъ мѣстѣ анализа у него въ извѣстной связи обнаруживается подавленная частица садизма*); но она подавлена, и мы позже изъ этой связи сможемъ догадаться, зачѣмъ эта частица появилась, и что она должна замѣстить. Гансъ сердечно любитъ отца, по отношенію къ которому онъ питаетъ желаніе смерти, и въ то время, какъ его умъ не признаетъ этого противорѣчія, онъ оказывается принужденнымъ его демонстрировать тѣмъ, что онъ ударяетъ отца и сейчасъ же цѣлуетъ то мѣсто, которое ударилъ. И намъ слѣдуетъ остеречься признать это противорѣчіе предосудительнымъ; изъ такихъ противоположностей преимущественно и складывается сфера чувства у людей; быть можетъ, если бы это было иначе, дѣло не доходило бы до вытѣсненія и до невроза. Эти контрастныя пары въ сферѣ чувствъ у взрослыхъ доходятъ одновременно до сознанія только на высотѣ любовной страсти; обыкновенно одинъ членъ такой пары подавляетъ другой до тѣхъ поръ, пока удастся держать его скрытымъ. Въ душѣ дѣтей такія пары могутъ довольно долго мирно рядомъ сосуществовать, несмотря на ихъ внутреннее противорѣчіе.

Наибольшее значеніе для психосексуальнаго раз-

*) Желаніе бить и дразнить лошадей.

витія нашего мальчика имѣло рожденіе сестры, когда ему было 3½ года. Это событіе обострило его отношенія къ родителямъ, поставило для его мышленія неразрѣшимыя задачи, а присутствіе при ея туалетѣ оживило въ немъ слѣды воспоминаній изъ его собственныхъ прежнихъ переживаній, связанныхъ съ наслажденіемъ. И это вліяніе вполне типично. Въ неожиданно большомъ количествѣ исторій жизни и болѣзни нужно взять за исходный пунктъ эту вспышку сексуальнаго наслажденія и сексуальнаго любопытства, связанныхъ съ рожденіемъ слѣдующаго ребенка. Поведеніе Ганса по отношенію къ прищельцу то же самое, что я описалъ въ „Толкованіи сновъ“. Во время лихорадки, черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія сестры онъ обнаруживаетъ, насколько мало онъ соглашается съ этимъ приростомъ. Здѣсь всегда раньше всего появляется враждебность, а затѣмъ уже можетъ послѣдовать и нѣжность. Страхъ, что можетъ появиться еще новый ребенокъ, съ этого момента занимаетъ опредѣленное мѣсто въ его сознательномъ мышленіи. Въ неврозѣ эта подавленная враждебность замѣщается особымъ страхомъ передъ ванной. Въ анализѣ онъ откровенно обнаруживаетъ свое желаніе смерти сестрѣ, и не только въ тѣхъ намекахъ, которые отецъ долженъ дополнить. Его самокритика указываетъ ему, что это желаніе не столь скверно, какъ аналогичное желаніе по отношенію къ отцу. Но безсознательно онъ, очевидно, къ обоимъ относился одинаково, потому что и отецъ и сестра отнимаютъ у него его маму, мѣшаютъ ему быть съ ней одному.

Это событіе и связанные съ ними вновь ожившія переживанія дали еще и другое направленіе его желаніямъ. Въ побѣдной заключительной фантазіи онъ подводитъ итогъ всѣмъ своимъ эротическимъ побужденіямъ, происходящимъ изъ аутоэротической

фазы и связаннымъ съ любовью объекта. Онъ женится на своей прекрасной матери, имѣетъ несчетное число дѣтей, за которыми онъ по-своему можетъ ухаживать.

II.

Въ одинъ прекрасный день Гансъ заболѣваетъ на улицѣ страхомъ. Онъ не можетъ еще сказать, чего онъ боится, но уже въ началѣ своего тревожнаго состоянія онъ выдаетъ отцу мотивъ его заболѣванія, выгоды болѣзни. Онъ хочетъ остаться у матери, ласкаться къ ней; нѣкоторую роль, какъ думаетъ отецъ, здѣсь сыграло воспоминаніе, что онъ былъ удаленъ отъ нея, когда появилась новорожденная. Вскорѣ выясняется, что этотъ страхъ уже больше не можетъ быть обратно замѣщенъ страстью, т. к. онъ испытываетъ страхъ даже тогда, когда и мать идетъ съ нимъ. А между тѣмъ мы получаемъ указаніе, на что фиксируется его *libido*, превратившееся въ страхъ. Онъ обнаруживаетъ весьма специальный страхъ, что его укуситъ бѣлая лошадь.

Такое болѣзненное состояніе мы называемъ „фобіей“, и мы могли бы причислить ее къ боязни площадей, но послѣдняя отличается тѣмъ, что неспособность ходить по улицѣ легко исправима, когда больного сопровождаетъ извѣстное выбранное для этого лицо и въ крайнемъ случаѣ врачъ. Фобія Ганса не выдерживаетъ этого условія, она перестаетъ быть связанной съ пространствомъ и все отчетливѣе избираетъ своимъ объектомъ лошадь; въ первые же дни на высотѣ своего тревожнаго состоянія онъ высказываетъ опасеніе, что „лошадь войдетъ въ комнату,“ которое мнѣ такъ облегчило пониманіе его страха.

Положеніе фобій въ системѣ неврозозъ до сихъ поръ было неопредѣленнымъ. Кажется, можно съ увѣ-

ренностью сказать, что въ фобіяхъ нужно видѣть только синдромы, принадлежащіе къ различнымъ неврозамъ, и имъ не слѣдуетъ придавать значеніе особыхъ болѣзненныхъ процессовъ. Для фобій наиболѣе частыхъ, какъ у нашего пациента, мнѣ кажется цѣлесообразнымъ названіе истеріи страха (Angsthysterie); я предложилъ его д-ру W. Steckel'ю, когда онъ взялся за описаніе нервныхъ состояній страха, и я надѣюсь, что это названіе получитъ права гражданства. Оправданіемъ ему служить полное соотвѣтствіе между психическимъ механизмомъ этихъ фобій и истеріей, за исключеніемъ одного пункта, очень важнаго для различенія этихъ формъ. И именно libido, освобожденное изъ патогеннаго матеріала путемъ вытѣсненія въ истеріи страха, не конвертируется, т.-е. не переходитъ изъ сферы психики на тѣлесную иннервацию, а остается свободнымъ въ видѣ страха. Во всѣхъ случаяхъ болѣзни эта истерія страха можетъ въ какихъ угодно размѣрахъ комбинироваться съ „конверсіонной истеріей.“ Но существуютъ какъ чистые случаи конверсіонной истеріи безъ всякаго страха, такъ и случаи чистой истеріи страха, выражающіеся въ ощущеніяхъ страха и фобіяхъ безъ примѣси конверсіи; случай нашего Ганса принадлежитъ къ числу послѣднихъ.

Истеріи страха принадлежатъ къ числу наиболѣе частыхъ психоневротическихъ заболѣваній и прежде всего появляющихся; это, можно сказать, — невроты періода дѣтства. Когда мать рассказываетъ про своего ребенка, что онъ „нервенъ“, то можно въ 9 случаяхъ изъ 10-ти рассчитывать, что ребенокъ имѣетъ какой-нибудь страхъ или много страховъ за разъ. Къ сожалѣнію, болѣе тонкій механизмъ этихъ столь важныхъ заболѣваній еще недостаточно изученъ. Еще не установлено, находятся эти условія происхожденія истеріи

страха (въ отличіе отъ конверсіонной истеріи и другихъ неврозовъ) въ конституціонныхъ моментахъ или въ случайныхъ переживаніяхъ, или какая комбинація тѣхъ или другихъ условій даетъ эту болѣзнь. Мнѣ кажется, что это невротическое заболѣваніе меньше всего зависитъ отъ особой конституціи и вслѣдствіе этого легче всего можетъ быть приобрѣтено во всякій періодъ жизни.

Довольно легко выдѣлить одинъ существенный признакъ истеріи страха. Эта болѣзнь всегда развивается преимущественно въ фобію; въ концѣ концовъ больной можетъ освободиться отъ страховъ, но только на счетъ задержекъ и ограниченій, которымъ онъ долженъ себя подвергнуть. При истеріи страха уже начинается психическая работа, имѣющая цѣлью психически связать ставшій свободнымъ страхъ. Но эта работа не можетъ ни превратить страхъ обратно въ *libido*, ни связать его съ тѣми комплексами, изъ которыхъ это *libido* происходитъ. Не остается ничего другого, какъ предупреждать всякій поводъ къ развитію страха путемъ психическихъ пристроекъ въ формѣ осторожности, задержки, запрещенія. Эти психическія прикрытія проявляются наружу въ формѣ фобіи и кажутся намъ сущностью болѣзни.

Нужно сказать, что лѣченіе истеріи страха было до сихъ поръ чисто отрицательнымъ. Опытъ показалъ, что невозможно, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже опасно достигать излѣченія болѣзни насильственнымъ образомъ. Такъ, на примѣръ, несомнѣнно, вредно приводить больного въ положеніе, въ которомъ у него долженъ развиваться страхъ, послѣ того, какъ его лишаютъ прикрытія. Такимъ образомъ, его заставляютъ искать себѣ защиты и вызываютъ у него не имѣющее значенія презрѣніе къ его „непонятной трусости.“

Для родителей нашего маленькаго пациента съ самаго начала уже было ясно, что здѣсь ни насмѣшкой, ни строгостью ничего сдѣлать нельзя, и что нужно искать доступа къ его вытѣсненнымъ желаніямъ психоаналитическимъ путемъ. Успѣхъ вознаградила необычайные труды отца, и его сообщенія даютъ намъ возможность проникнуть въ самую структуру подобной фобіи и прослѣдить путь предпринятаго анализа.

Мнѣ не кажется невѣроятнымъ, что для читателя этотъ анализъ вслѣдствіе его обширности и обстоятельности потерялъ въ нѣкоторой мѣрѣ свою ясность. Поэтому я хочу сначала вкратцѣ повторить его, оставляя ненужныя подробности и отмѣчая тѣ факты, которые шагъ за шагомъ можно будетъ констатировать.

Прежде всего мы узнаемъ, что вспышка тревожнаго состоянія была не столь внезапна, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. За нѣсколько дней раньше ребенокъ проснулся отъ тревожнаго сна, содержаніе котораго было, что мать ушла, и теперь у него „нѣтъ мамы, чтобы ласкаться къ ней“. Уже этотъ сонъ указываетъ на процессъ вытѣсненія значительной интенсивности. Его нельзя истолковать такъ, какъ большинство тревожныхъ сновъ, что мальчикъ испыталъ во снѣ страхъ соматическаго происхожденія и затѣмъ уже использовалъ его для исполненія интенсивно вытѣсненнаго желанія (ср. Толкованіе сновидѣній). Сновидѣнія Ганса—это настоящій процессъ наказанія и вытѣсненія, при которомъ остается неисполненной самая функція сна, т. к. Гансъ со страхомъ пробуждается. Можно легко возстановить самый процессъ, имѣвшій мѣсто въ безсознательномъ. Мальчику снилось, что его ласкаетъ мать, что онъ спитъ у нея: все наслажденіе претворилось въ страхъ, и все

содержаніе представленія стало прямо противоположнымъ. Вытѣсненіе одержало побѣду надъ механизмомъ сновидѣнія.

Но начало этой психологической ситуации можно отнести еще на болѣе ранній періодъ. Уже лѣтомъ у него появились подобныя тоскливо-тревожныя настроенія, во время которыхъ онъ высказывалъ приблизительно то же, что и теперь, и которыя давали ему то преимущество, что мать брала его къ себѣ въ постель. Съ этого періода мы могли бы уже признать существованіе у Ганса повышеннаго сексуальнаго возбужденія, объектомъ котораго оказалась мать, а интенсивность котораго выразилась въ двухъ попыткахъ соvrращенія матери (послѣдняя незадолго до появленія страха). Это возбужденіе привело Ганса къ ежевечернему мастурбаторному удовлетворенію. Произошло ли превращеніе возбужденія спонтанно, вслѣдствіе отказа матери или вслѣдствіе случайнаго пробужденія прежнихъ впечатлѣній при случаѣ, послужившемъ „поводомъ“ для заболѣванія, этого рѣшить нельзя, но это и безразлично, т. к. всѣ три возможности не противорѣчатъ другъ другу. Но несомнѣненъ фактъ превращенія сексуальнаго возбужденія въ страхъ.

Мы уже слышали о поведеніи мальчика въ началѣ его страха и о первомъ содержаніи страха, которое онъ давалъ, а именно, что его укуситъ лошадь. Тутъ происходитъ первое вмѣшательство терапіи. Родители указываютъ на то, что страхъ является результатомъ мастурбаціи, и стараются его отучить отъ нея. Я принимаю мѣры къ тому, чтобы ему основательно подчеркнули его нѣжность къ матери, которую ему хотѣлось бы вымѣнять на страхъ передъ лошадьми. Маленькое улучшеніе, наступившее послѣ этой мѣры, вскорѣ во время соматической болѣзни исчезаетъ. Состоя-

ніе остается неизмѣненнымъ. Вскорѣ Гансъ находитъ источникъ боязни, что его укуситъ лошадь, въ воспоминаніи о впечатлѣніи въ Gmunden'ѣ. Уѣзжающій отецъ предупреждалъ тогда сына: „Не подноси пальца лошади, иначе она тебя укуситъ.“ Словесная форма, въ которую Гансъ облекъ предостереженіе отца, напоминаетъ форму, въ которой сдѣлано было предупрежденіе противъ онанизма. Получается впечатлѣніе, что родители правы, полагая, что Гансъ испытываетъ страхъ передъ своимъ онанистическимъ удовлетвореніемъ. Но связь получается все еще непрочная, и лошадь кажется попавшей въ свою устрашающую роль совершенно случайно.

Я высказалъ предположеніе, что вытѣсненное желаніе Ганса могло означать, что онъ во что бы то ни стало хочетъ видѣть „Wiwimacher“ матери. Воспользовавшись отношеніемъ Ганса къ новопоступившей прислугѣ, отецъ дѣлаетъ ему первое разъясненіе. „У женщинъ нѣтъ Wiwimacher'а.“ На эту первую помощь Гансъ реагируетъ сообщеніемъ своей фантазіи, въ которой онъ видѣлъ мать, прикасающейся къ его Wiwimacher'у. Эта фантазія и высказанное въ разговорѣ замѣчаніе, что его Wiwimacher все-таки выросъ, даютъ возможность въ первый разъ заглянуть въ теченіе мыслей пациента. Онъ дѣйствительно находился подъ впечатлѣніемъ угрозы матери кастраціей, которая имѣла мѣсто 1¹/₄ года назадъ, т. к. фантазія, что мать дѣлаетъ тоже самое (обыкновенный пріемъ обвиняемыхъ дѣтей), должна освободить его отъ страха передъ угрозой; это — защитная фантазія. Въ то же время мы должны себѣ сказать, что родители извлекли у Ганса изъ его патогенно-дѣйствующаго матеріала тему интереса къ Wiwimacher'у. Онъ за ними въ этомъ направленіи послѣдовалъ, но самостоятельно въ анализъ еще не вступилъ. Терапевтическаго успѣха

еще не было замѣтно. Анализъ далеко ушелъ отъ лошадей, и сообщеніе, что у женщинъ нѣтъ Wiwimasher'a, по своему содержанію скорѣе способно было усилить его заботы о сохраненіи собственнаго Wiwimasher'a.

Но мы на первомъ планѣ стремимся не къ терапевтическому успѣху; мы желаемъ привести паціента къ тому, чтобы онъ могъ сознательно охватить свои бессознательныя побужденія. Этого мы достигаемъ, когда мы на основаніи указаній, которыя онъ намъ дѣлаетъ, при помощи нашего искусства толкованія своими словами приводимъ къ его сознанію бессознательный комплексъ. Слѣды сходства между тѣмъ, что онъ услышалъ, и тѣмъ, что онъ ищетъ, что само, несмотря на всѣ сопротивленія, стремится дойти до сознанія, помогаютъ ему найти бессознательное. Врачъ идетъ немного впереди; паціентъ идетъ за нимъ своими путями до тѣхъ поръ, пока у опредѣленнаго пункта они не встрѣтятся. Новички въ психоанализѣ обыкновенно сливаютъ въ одно эти два момента и считаютъ, что моментъ, въ который имъ сталъ извѣстенъ бессознательный комплексъ больного, въ то же время есть моментъ, когда этотъ комплексъ сталъ и больному понятенъ. Они ожидаютъ слишкомъ многого, когда они хотятъ вылѣчить больного сообщеніемъ ему факта, который можетъ только помочь больному найти бессознательный комплексъ въ сферѣ бессознательнаго тамъ, гдѣ онъ застрялъ. Перваго успѣха подобнаго рода мы достигаемъ теперь у Ганса. Послѣ частичной побѣды надъ его кастраціоннымъ комплексомъ онъ теперь въ состояніи сообщить свои желанія по отношенію къ матери, и онъ дѣлаетъ это въ еще искаженной формѣ въ видѣ фантазіи о двухъ жирафахъ, изъ которыхъ одинъ безуспѣшно кричитъ въ то время, какъ самъ Гансъ овладѣваетъ другимъ. Овладѣваніе онъ изображаетъ тѣмъ, что онъ са-

дится на него. Въ этой фантазіи отецъ узнаетъ воспроизведеніе сцены, которая утромъ разыгралась въ спальнѣ между родителями и мальчикомъ, и онъ тутъ же спѣшитъ освободить желаніе отъ всего, что его искажаетъ. Оба жирафа—это отецъ и мать. Форма фантазіи съ жирафами въ достаточной мѣрѣ детерминирована посѣщеніемъ этихъ большихъ животныхъ въ Schönbrunn'ѣ, которое имѣло мѣсто нѣсколько дней назадъ, рисункомъ жирафа, который отецъ сохранилъ изъ прежняго времени, и, быть-можетъ, вслѣдствіе безсознательнаго сравненія, связаннаго съ высокой и неподвижной шеей жирафа *). Мы замѣчаемъ, что жирафъ, какъ большое и по своему Wiwimacher'у интересное животное, могъ бы сдѣлаться конкурентомъ лошади въ ея устрашающей роли; а то, что отецъ и мать выведены въ видѣ жирафовъ, даетъ намъ пока еще неиспользованное указаніе на значеніе вызывающихъ страхъ лошадей.

Двѣ меньшія фантазіи, которыя Гансъ рассказываетъ непосредственно послѣ исторіи съ жирафами, ускользаютъ отъ истолкованія со стороны отца, а ихъ сообщеніе не приноситъ и Гансу никакой пользы. Содержаніе этихъ фантазій состоитъ въ томъ, что онъ въ Schönbrunn'ѣ стремится проникнуть въ огороженное пространство, и что онъ въ вагонѣ разбиваетъ стекло; въ обоихъ случаяхъ подчеркивается преступное въ поступкахъ и соучастіе отца. Но все, что оставалось непонятнымъ, приходитъ опять; какъ рвущійся на свободу духъ, оно не находитъ себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока дѣло не доходитъ до освобожденія и разрѣшенія.

Пониманіе обѣихъ фантазій о преступленіи не представляетъ для насъ никакихъ затрудненій. Онѣ при-

*) Съ этимъ находится въ соотвѣтствіи высказанное позже удивленіе Ганса по поводу шеи его отца.

надлежать комплексу обладанія матерью. Въ мальчикѣ какъ будто пробиваетъ себѣ дорогу неясное представленіе о томъ, что слѣдовало бы сдѣлать съ матерью, чтобы можно было достигъ обладанія. И для того, что онъ не можетъ понять, онъ находитъ извѣстныя образныя подстановки, общимъ для которыхъ является насильственное, запретное, а содержаніе которыхъ такъ удивительно хорошо соотвѣтствуетъ скрытой дѣйствительности. Мы можемъ теперь сказать, что это — символическія фантазіи о coitus'ѣ, и ни въ коемъ случаѣ нельзя считать второстепеннымъ то, что отецъ въ нихъ принимаетъ участіе: „Я бы хотѣлъ дѣлать съ мамой что-то запретное, не знаю, что именно, но знаю, что ты это тоже дѣлаешь.“

Фантазія о жирафахъ усилила во мнѣ убѣжденіе, которое возникло при словахъ маленькаго Ганса: „лошадь придетъ въ комнату“, и я нашелъ этотъ моментъ подходящимъ, чтобы сообщить ему существенно важную предпосылку въ его бессознательныхъ побужденіяхъ: его страхъ передъ отцомъ вслѣдствіе ревнивыхъ и враждебныхъ желаній по отношенію къ нему. Этимъ я отчасти истолковалъ ему страхъ передъ лошадьми и именно, что лошадь — это отецъ, передъ которымъ онъ испытываетъ страхъ съ достаточнымъ основаніемъ. Извѣстныя подробности, какъ страхъ передъ чѣмъ-то чернымъ у рта и у глазъ (усы и очки, какъ преимущества взрослого), казались мнѣ перенесенными на лошадей самимъ отцомъ.

Подобнымъ разъясненіемъ я устранилъ у Ганса самое существенное сопротивленіе по отношенію къ обнаруживанію бессознательныхъ мыслей, т. к. отецъ самъ исполнялъ роль врача. Съ этого времени мы перешагнули черезъ высшую точку болѣзни, матеріаль началъ притекать въ изобиліи, маленькій пациентъ обнаруживалъ мужество сообщать отдѣльныя подроб-

ности своей фобии и вскорѣ самостоятельно принялъ участіе въ ходѣ анализа ¹⁾).

Теперь только можно узнать, передъ какими объектами и впечатлѣніями Гансъ испытываетъ страхъ. Не только передъ лошадьми и передъ тѣмъ, что его укуситъ лошадь (этотъ страхъ скоро утихаетъ), а передъ экипажами, мебельными фургонами и омнибусами, общимъ для которыхъ оказывается ихъ тяжелая нагрузка, передъ лошадьми, которыя приходятъ въ движеніе, которыя выглядятъ большими и тяжелыми, которыя скоро бѣгутъ. Смыслъ этихъ опредѣленій указываетъ самъ Гансъ; онъ испытываетъ страхъ, что лошади упадутъ, и содержаніемъ его фобии онъ дѣлаетъ все то, что можетъ облегчить лошади это паденіе.

Весьма нерѣдко приходится услышать настоящее содержаніе фобии, правильное словесное опредѣленіе навязчиваго импульса и т. п. только послѣ ряда психо-аналитическихъ усилій. Вытѣсненіе касается не только безсознательныхъ комплексовъ, оно — направлено также на непрерывно образующіяся дѣтища ихъ и мѣшаетъ самимъ больнымъ замѣтить продукты ихъ болѣзни. Тутъ часто оказываешься въ необыкновенномъ положеніи, когда въ качествѣ врача приходится притти на помощь болѣзни, чтобы вызвать къ ней вниманіе. Но только тотъ, кто совершенно не разбирается въ сущности психоанализа, будетъ выставлять на первый планъ

¹⁾ Страхъ передъ отцомъ, даже въ тѣхъ анализахъ, которые врачъ предпринимаетъ съ посторонними, играетъ весьма значительную роль, какъ сопротивленіе противъ репродукціи безсознательнаго патогеннаго матеріала. Эти сопротивленія отчасти приналежатъ къ „мотивамъ“, съ другой стороны, какъ въ настоящемъ случаѣ, они составляютъ частицу безсознательнаго матеріала, *по содержанію* способнаго служить задержкой для репродукціи другой части анализа.

эту фазу усилий и ждать изъ-за этого отъ анализа вреда. Истина въ томъ, что нюренбержцы никого не вѣшаютъ раньше, чѣмъ не заполучатъ въ свои руки, и что требуется извѣстная работа, чтобы овладѣть тѣми болѣзненными образованіями, которыя хочешь разрушить.

Въ своихъ замѣчаніяхъ, сопровождающихъ исторію болѣзни, я упомянулъ уже о томъ, что весьма поучительно настолько углубиться въ детали фобіи, чтобы можно было вынести вѣрное впечатлѣніе о вторично появившемся соотношеніи между страхомъ и его объектами. Отсюда происходитъ своеобразная расплывчатость и въ то же время строгая обусловленность сущности фобіи. Матеріалъ для этихъ вторичныхъ образованій нашъ маленькій пациентъ, очевидно, получилъ изъ впечатлѣній, связанныхъ съ положеніемъ квартиры напротивъ таможни. По этой причинѣ онъ высказываетъ заторможенное страхомъ побужденіе играть, подобно мальчикамъ на улицѣ, вокругъ нагруженныхъ возовъ, багажа, бочекъ и ящиковъ.

Въ этомъ стадіи анализа онъ сталкивается опять съ довольно безобиднымъ переживаніемъ, которое непосредственно предшествовало началу заболѣванія и которое можно считать поводомъ для него. Во время прогулки съ матерью онъ видѣлъ, какъ впряженная въ омнибусъ лошадь упала и задергала ногами. Это произвело на него большое впечатлѣніе. Онъ сильно испугался и думалъ, что лошадь скончалась; съ этого времени всѣ лошади могутъ упасть. Отецъ указываетъ Гансу на то, что, когда лошадь упала, тотъ думалъ объ отцѣ и, вѣроятно, желалъ, чтобы отецъ также упалъ и умеръ. Гансъ не протестуетъ противъ этого толкованія; нѣсколько позже онъ принимаетъ его, изображая въ игрѣ, что онъ кусаетъ отца. При этомъ онъ идентифицируетъ отца съ лошадыю и теперь онъ

уже держится по отношенію къ отцу свободно, безъ страха и даже нѣсколько дерзко. Но страхъ передъ лошадьми не исчезъ, и еще неясно, вслѣдствіе какихъ ассоціацій падающая лошадь пробудила бессознательныя желанія.

Резюмируемъ все, что получили до сихъ поръ: за высказаннымъ страхомъ, что лошадь укуситъ его, открывается болѣе глубоко лежащій страхъ, что лошади упадутъ; и обѣ лошади, кусающая и падающая, это отецъ, который его накажетъ за его дурныя желанія. Матери въ этомъ анализѣ мы пока не касались.

Совершенно неожиданно и уже, навѣрно, безъ участія отца Ганса начинаетъ занимать „комплексъ испражненія“, и онъ обнаруживаетъ отвращеніе къ предметамъ, которые напоминаютъ ему дѣйствіе кишечника. Отецъ, который здѣсь идетъ за Гансомъ довольно неохотно проводитъ, между прочимъ, свой анализъ въ желательномъ для него направленіи и напоминаетъ Гансу про одно переживаніе въ Gmunden'ѣ, впечатлѣніе отъ котораго скрывается за падающей лошадью. Его любимый пріятель и, быть-можетъ, конкурентъ у его пріятельницъ Фрицъ, во время игры въ лошадки споткнулся о камень, упалъ, а изъ раненой ноги у него пошла кровь. Переживаніе съ упавшей лошадью отъ омнибуса вызвало воспоминаніе объ этомъ несчастномъ случаѣ. Любопытно, что Гансъ, который въ это время былъ занятъ другими вещами, сначала отрицаетъ паденіе Фрица (которое устанавливаетъ связь) и признаетъ его только въ болѣе поздней стадіи анализа. Но для насъ очень интересно отмѣтить, какимъ образомъ превращеніе libido въ страхъ проецируется на главный объектъ фобіи—лошадь. Лошади были для Ганса самыми интересными большими животными, игра въ лошадки—самой любимой игрой

съ его товарищами дѣтьми. Предположеніе, что отецъ первый изображалъ для него лошадь, подтверждается отцомъ, и, такимъ образомъ, при несчастномъ случаѣ въ Gmunden'ѣ Фрицъ могъ быть замѣщенъ отцомъ. Послѣ наступившей волны вытѣсненія онъ долженъ былъ уже испытывать страхъ передъ лошадьми, съ которыми до этого у него было связано столько удовольствій.

Но мы уже сказали, что этимъ послѣднимъ важнымъ разъясненіемъ о дѣйствительности повода болѣзни мы обязаны вмѣшательству отца. Гансъ остается при своихъ фекальныхъ интересахъ, и мы въ концѣ концовъ должны за нимъ слѣдовать. Мы узнаемъ, что онъ уже обыкновенно навязывался матери съ просьбой сопровождать ее въ клозетъ, и что онъ то же предлагалъ замѣстительницѣ матери—своей пріятельницѣ Бертѣ, пока это не стало извѣстнымъ и не было запрещено. Удовольствіе, испытываемое при наблюденіи за извѣстными операціями у любимаго лица, соотвѣтствуетъ также „ограниченію влеченія“, примѣръ котораго мы уже замѣтили у Ганса. Наконецъ, и отецъ идетъ на эту фекальную символику и признаетъ аналогію между тяжело нагруженнымъ возомъ и обремененнымъ каловыми массами животомъ, между тѣмъ, какъ выѣзжаетъ изъ воротъ возъ, и тѣмъ, какъ выделяется калъ изъ живота и т. п.

Но позиція Ганса въ анализѣ сравнительно съ прежними стадіями существенно измѣнилась. Въ то время какъ раньше отецъ могъ всегда сказать ему напередъ, что будетъ потомъ, и Гансъ, слѣдуя указаніямъ, плелся за нимъ, теперь, наоборотъ, Гансъ увѣренно спѣшитъ впередъ, и отецъ долженъ прилагать усилія, чтобы поспѣвать за нимъ. Гансъ, какъ бы самостоятельно, приводитъ новую фантазію: слесарь или водопроводчикъ отвинтилъ ванну, въ которой находится

Гансъ, и своимъ большимъ буравомъ толкнулъ его въ животъ. Съ этого момента уже наше пониманіе съ трудомъ поспѣваетъ за матеріаломъ. Только позже намъ удастся догадаться, что это есть искаженная страхомъ переработка фантазіи оплодотворенія. Большая ванна, въ которой Гансъ сидитъ въ водѣ, это—животъ матери; „буравъ“, который уже отцу напомнилъ большой penis, упоминается какъ способъ оплодотворенія. Конечно, это звучитъ довольно курьезно, если мы истолкуемъ фантазію такъ: „Твоимъ большимъ penis'омъ ты меня „пробуравилъ“ (привелъ къ появленію на свѣтъ) и всадилъ меня въ чрево матери“. Но пока фантазія остается неистолкованною и служитъ Гансу только связью для продолженія его сообщеній.

Передъ купаньемъ въ большой ваннѣ Гансъ обнаруживаетъ страхъ, который тоже оказывается сложнымъ. Одна часть его пока еще ускользаетъ отъ насъ, другая вскорѣ выясняется отношеніемъ его къ купанію маленькой сестры. Гансъ соглашается съ тѣмъ, что у него есть желаніе, чтобы мать во время купанья сестренки уронила ее, и чтобы та умерла; его собственный страхъ при купаніи былъ страхомъ передъ возмездіемъ за это злое желаніе, передъ наказаніемъ, которое будетъ состоять въ томъ, что такъ и съ нимъ поступятъ. Тутъ онъ оставляетъ тему экскрементовъ и непосредственно переходитъ къ темѣ о сестренкѣ. Но мы можемъ подозрѣвать, что означаетъ этотъ переходъ. Ничего другого, какъ то, что маленькая Анна сама „Lumpf“, что всѣ дѣти „Lumpf'ы“ и рождаются наподобіе дефекаціи. Теперь мы понимаемъ, что всѣ виды воровъ суть только возы для аистиныхъ ящиковъ и представляютъ для него интересъ только, какъ символическое замѣщеніе беременности, и что паденіе ломовой или тяжело нагруженной лошади можетъ озна-

чать только разрѣшеніе отъ беременности. Такимъ образомъ, падающая лошадь означала не только умирающаго отца, но также и рожающую мать.

И тутъ Гансъ подноситъ сюрпризъ, къ которому мы на самомъ дѣлѣ не были подготовлены. Уже когда ему было 3½ года, онъ обратилъ вниманіе на беременность матери, закончившуюся рожденіемъ сестренки, и онъ конструировалъ для себя—во всякомъ случаѣ послѣ родовъ—истинное положеніе вещей, никому не открывая этого и, быть-можетъ, не будучи въ состояніи сдѣлать это. Тогда можно было только наблюдать, что непосредственно послѣ родовъ онъ скептически относился ко всѣмъ признакамъ, которые должны были указывать на присутствіе аиста. Но то, что онъ въ бессознательной части своей психики и противоположно своимъ офіціальнымъ заявленіямъ зналъ, откуда пришло дитя, и гдѣ оно раньше находилось, подтверждается этимъ анализомъ внѣ всякаго сомнѣнія; быть-можетъ, это даже самая неопровержимая часть анализа.

Доказательствомъ этому служить упорно держащаяся и украшенная столькими деталями фантазія, изъ которой видно, что Анна уже лѣтомъ, до ея рожденія, находилась съ ними въ Gmunden'ѣ, въ которой излагается, какъ она туда переѣзжала, и что она тогда была способна къ большому, чѣмъ черезъ годъ послѣ ея рожденія. Дерзость, съ которой Гансъ преподноситъ эту фантазію, безчисленные лживые вымыслы, которые онъ въ нее вплетаетъ, не совсѣмъ лишены смысла; все это должно служить мстью отцу, на котораго онъ сердится за то, что тотъ вводилъ его въ заблужденіе сказкой объ аистѣ. Какъ будто онъ хотѣлъ сказать: если ты могъ меня считать столь глупымъ, чтобы я повѣрилъ въ аиста, который принесъ Анну, тогда я могу и отъ тебя требовать, чтобы ты

мои выдумки принялъ за истину. Въ довольно прозрачномъ соотношеніи съ этимъ актомъ мести маленькаго изслѣдователя находится фантазія о томъ, какъ онъ дразнить и бьетъ лошадей. И эта фантазія тоже связана съ двухъ сторонъ; съ одной—она опирается на дерзости, которыя онъ только-что наносилъ отцу, а съ другой стороны она вновь обнаруживаетъ неясныя садистическія желанія по отношенію къ матери, которыя вначалѣ, когда мы еще ихъ не понимали, проявлялись въ фантазіяхъ о преступныхъ поступкахъ. Онъ и сознательно признаетъ весьма пріятнымъ бить маму.

Теперь намъ уже нечего ожидать многихъ загадокъ. Неясная фантазія объ опозданіи поѣзда кажется предшественницей послѣдующаго помѣщенія отца у бабушки въ Lainz'ф, т. к. въ этой фантазіи дѣло идетъ о путешествіи въ Lainz, и бабушка участвуетъ въ ней. Другая фантазія, въ которой мальчикъ даетъ кондуктору 50.000 флор., чтобы тотъ позволилъ ему ѣхать на дрезинѣ, звучитъ почти какъ планъ откупить мать у отца, сила котораго отчасти въ его богатствѣ. Затѣмъ онъ признается въ желаніи устранить отца и соглашается съ обоснованіемъ этого желанія (потому что отецъ мѣшаетъ его интимности съ матерью) съ такой откровенностью, до какой онъ до сихъ поръ еще не доходилъ. Мы не должны удивляться, что одни и тѣ же побужденія во время анализа выплываютъ по нѣскольку разъ; дѣло въ томъ, что монотонность происходитъ только отъ пріемовъ толкованія; для Ганса это не простыя повторенія, а прогрессирующее развитіе отъ скромнаго намека до сознательной ясности, свободной отъ всякихъ искаженій.

Все, что послѣдуетъ теперь, это—только исходящія отъ Ганса подтвержденія фактовъ, несомнѣнныхъ для толкованія, благодаря анализу. Въ довольно недву-

смысленныхъ симптомныхъ поступкахъ, которые онъ слегка прикрываетъ передъ прислугой, а не передъ отцомъ, онъ показываетъ, какъ онъ себѣ представляетъ дѣторожденіе; но при болѣе внимательномъ наблюдении мы можемъ отмѣтить еще кое-что, въ анализѣ больше не появившееся. Онъ втыкаетъ въ круглое отверстіе резиновой куклы маленькій ножичекъ, принадлежащій матери, и затѣмъ даетъ ему выпасть оттуда, при чемъ онъ отрываетъ ноги куклѣ, раздвигая ихъ въ стороны. Послѣдовавшее за этимъ разъясненіе родителей, что дѣти дѣйствительно вырастаютъ въ чревѣ матери и выходятъ оттуда какъ каловыя массы при испражненіи, оказывается запоздавшимъ; оно ему уже ничего новаго сказать не можетъ. При помощи другого какъ бы случайно послѣдовавшаго симптомнаго поступка онъ допускаетъ, что онъ желалъ смерти отца; онъ опрокидываетъ лошадь, съ которой игралъ въ тотъ моментъ, когда отецъ говоритъ объ этомъ желаніи смерти. На словахъ онъ подтверждаетъ, что тяжело нагруженные возы представляютъ для него беременность матери, а паденіе лошади—процессъ родовъ.

Великолѣпное подтвержденіе того, что дѣти — Lumpf'ы, мы видимъ въ придуманномъ имъ для его любимаго ребенка имени „Lodi“. Но оно становится намъ известнымъ нѣсколько поздно, т. к. мы узнаемъ, что онъ давно играетъ съ этимъ „колбаснымъ“ ребенкомъ.

Объ заключительныя фантазіи Ганса, съ которыми закончилось его излѣченіе, мы отмѣтили уже раньше. Одна о водопроводчикѣ, который ему придѣлываетъ новый и, какъ угадываетъ отецъ, большій „Wiwimacher“, является не исключительно повтореніемъ прежней фантазіи, въ которой фигурировали водопроводчикъ и ванна. Это—побѣдная фантазія, содержащая желаніе и побѣду надъ страхомъ передъ кастраціей.

Вторая фантазія, подтверждающая желаніе быть женатымъ на матери и имѣть съ ней много дѣтей, не исчерпываетъ одного только содержанія тѣхъ бессознательныхъ комплексовъ, которые пробудились при видѣ падающей лошади и вызвали вспышку страха. Цѣль ея въ коррекціи всего того, что было совершенно неприемлемо въ тѣхъ мысляхъ; вмѣсто того, чтобы умертвить отца, онъ дѣлаетъ его безвреднымъ женитьбой на бабушкѣ. Съ этой фантазіей вполне справедливо заканчивается болѣзнь и анализъ.

Во время хода анализа опредѣленного случая болѣзни нельзя получить нагляднаго впечатлѣнія о структурѣ и развитіи невроза. Это дѣло синтетической работы, которую нужно предпринять потомъ. Если мы произведемъ этотъ синтезъ для фобіи нашего маленькаго Ганса, то мы начнемъ съ его конституціи, съ его направляющихъ сексуальныхъ желаній и его переживаній до рожденія сестры, о чемъ мы говорили на первыхъ страницахъ этой статьи.

Появленіе на свѣтъ этой сестры принесло для него много такого, что съ этого момента больше не оставляло его въ покоѣ. Прежде всего частица лишения: вначалѣ временная разлука съ матерью, а позже длительное уменьшеніе ея заботливости и вниманія, которыя онъ долженъ былъ дѣлить съ сестрой. Во вторыхъ, все то, что на его глазахъ мать продѣлывала съ его сестренкой, пробудило въ немъ вновь его переживанія, связанныя съ чувствомъ наслажденія изъ того періода, когда онъ былъ груднымъ младенцемъ. Оба эти вліянія усилили въ немъ его эротическія нужды, вслѣдствіе чего онъ началъ чувствовать необходимость удовлетворенія. Ущербъ, который ему принесла сестра, онъ компенсировалъ себѣ фантазіей, что у него самого есть дѣти. Пока онъ въ

Gmundен'ѣ на самомъ дѣлѣ могъ играть съ этими дѣтьми, его нѣжность находила себѣ достаточное отвлечение. Но по возвращеніи въ Вѣну, опять одинокій, онъ направилъ всѣ свои требованія на мать и претерпѣлъ опять лишеніе, когда его въ возрастѣ 4 лѣтъ удалили изъ спальни родителей. Его повышенная эротическая возбудимость обнаружилась въ фантазіяхъ, въ которыхъ вызывались, чтобы раздѣлить его одиночество, его лѣтніе товарищи, и въ правильныхъ аутоэротическихъ удовлетвореніяхъ при помощи мастурбаторнаго раздраженія полового органа.

Въ-третьихъ, рожденіе его сестры принесло съ собою для него побужденіе для мыслительной работы, которой, съ одной стороны, нельзя было разрѣшить, и которая, съ другой стороны, впутывала его въ конфликты чувствъ.

Предъ нимъ предстала большая загадка, откуда появляются дѣти; быть-можетъ, первая проблема, разрѣшеніе которой начинаетъ беспокоить духовныя силы ребенка, и которая въ измѣненномъ видѣ воспроизведена, вѣроятно, въ загадкѣ еиванскаго сфинкса. Предложенное Гансу объясненіе, что аистъ принесъ Анну, онъ отклонилъ. Все-таки онъ замѣтилъ, что у матери за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія дѣвочки сдѣлался большой животъ, что она потомъ лежала въ постели, во время рожденія дѣвочки стонала и затѣмъ встала похудѣвшей. Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Анна находилась въ животѣ матери и затѣмъ вылѣзла изъ него какъ „Lumpf“. Этотъ процессъ въ его представленіи былъ связанъ съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ опирался на прежнія собственныя ощущенія удовольствія при актѣ дефекаціи, и поэтому съ удвоенной мотивировкой могъ желать имѣть дѣтей, чтобы ихъ съ удовольствіемъ

рожать, а потомъ (на ряду съ удовольствіемъ отъ компенсаціи) ухаживать за ними. Во всемъ этомъ не лежало ничего, что могло его привести къ сомнѣнію или къ конфликту.

Но тутъ было еще кое-что, нарушавшее его покой. Что-то долженъ былъ дѣлать и отецъ при рожденіи маленькой Анны, такъ какъ тотъ утверждалъ, что какъ Анна, такъ и онъ—его дѣти. Но, навѣрно, это не отецъ привелъ ихъ на свѣтъ, а мама. Этотъ отецъ стоялъ у него поперекъ дороги къ мамѣ. Въ присутствіи отца онъ не могъ спать у матери, а когда мать хотѣла брать Ганса въ постель, отецъ подымалъ крикъ. Гансу пришлось испытать, какъ это хорошо, когда отецъ находится въ отсутствіи, и желаніе устранить отца было у него вполне оправдываемымъ. Затѣмъ эта враждебность получила подкрѣпленіе. Отецъ разсказалъ ему ложь про аиста и этимъ сдѣлалъ для него невозможнымъ просить разъясненія по поводу этихъ вещей. Онъ не только мѣшалъ ему лежать у мамы въ постели, а скрывалъ отъ него знаніе, къ которому Гансъ стремился. Отецъ наносилъ ему ущербъ въ обоихъ направленіяхъ, и все это, очевидно, къ своей выгодѣ.

Первый сначала неразрѣшимый душевный конфликтъ создало то обстоятельство, что того же самого отца, котораго онъ долженъ былъ ненавидѣть какъ конкурента, онъ раньше любилъ и долженъ былъ любить дальше, потому что тотъ для него былъ первымъ образцомъ, товарищемъ, а въ первые годы и нянькой. Съ развитіемъ Ганса любовь должна была одержать верхъ и подавить ненависть въ то самое время, когда эта ненависть продолжала получать питаніе отъ любви къ матери.

Но отецъ не только зналъ, откуда приходятъ дѣти, онъ самъ въ этомъ принималъ участіе, что Гансъ

не совсѣмъ ясно могъ подозрѣвать. Что-то здѣсь долженъ былъ дѣлать Wiwimacher, возбужденіе котораго сопровождало всѣ эти мысли, и, вѣроятно, большой Wiwimacher, больше, чѣмъ Гансъ находилъ у себя. Если слѣдовать указаніямъ ощущенія, которыя тутъ появлялись, то здѣсь должно было имѣть мѣсто насиліе надъ мамой, разбиваніе, открываніе, внѣдреніе въ закрытое пространство, импульсы, которые Гансъ чувствовалъ и въ себѣ. Но хотя онъ находился уже на пути, чтобы на основаніи своихъ ощущеній въ penis'ѣ постулировать vaginam (женскій половой органъ), онъ все-таки не могъ разрѣшить этой загадки, такъ какъ у него не было соотвѣтствующихъ знаній. И, наоборотъ, разрѣшенію препятствовала увѣренность въ томъ, что у мамы такой же „Wiwimacher“, какъ и у него. Попытка рѣшенія вопроса о томъ, что нужно было предпринять съ матерью, чтобы у нея появились дѣти, затерялась въ области безсознательнаго. И безъ примѣненія остались оба активныхъ импульса—враждебный противъ отца и садистически любовный по отношенію къ матери, первый вслѣдствіе существующей на ряду съ ненавистью любви, второй—вслѣдствіе беспомощности, вытекающей изъ инфантильности сексуальныхъ теорій.

Только въ такомъ видѣ, опираясь на результаты анализа, я могъ конструировать безсознательные комплексы и стремленія, вытѣсненіе и воскрешеніе которыхъ вызвало у маленькаго Ганса фобію. Я знаю, что тутъ возлагаются слишкомъ надежды на мыслительныя способности мальчика въ возрастѣ 4—5 лѣтъ, но я руковожусь только тѣмъ, что мы узнали, и не поддаюсь вліянію предвзятостей, вытекающихъ изъ нашего незнанія. Быть-можетъ, можно было использовать страхъ передъ топаньемъ ногами лошади и, чтобы выполнить нѣсколько пустыхъ мѣстъ въ на-

шемъ процессѣ толкованія. Даже самъ Гансъ говорилъ, что это напоминаетъ ему его топаніе ногами, когда его заставляютъ прервать игру, чтобы пойти въ клозетъ; такимъ образомъ, этотъ элементъ невроза становится въ связь съ проблемой, охотно или съ принужденіемъ получаетъ мама дѣтей; но у меня не получается впечатлѣнія, что этимъ вполне разъясняется значеніе комплекса „топанья ногами“. Моего предположенія, что у Ганса пробудилось воспомина- ніе о половомъ сношеніи родителей, замѣченномъ имъ въ спальнѣ, отецъ подтвердить не могъ. Итакъ, удовлетворимся тѣмъ, что мы узнали.

Благодаря какому вліянію въ описанной ситуаціи появилось у Ганса превращеніе страстнаго желанія въ страхъ, съ какого конца имѣло мѣсто вытѣсненіе,—сказать трудно, и это можно рѣшить только послѣ сравненія со многими подобными анализами. Вызвала ли вспышку интеллектуальная недостаточность ребенка разрѣшить трудную загадку дѣторожденія и использовать развившіеся при приближеніи къ разрѣшенію агрессивные импульсы; или недостаточность соматическая, невыносимость его конституціи къ правильно продѣлывавшемуся мастурбаторному удовлетворенію; или самая продолжительность сексуаль- наго возбужденія въ столь высокой интенсивности должно было повести къ перевороту,—все это я оста- вляю подъ вопросомъ, пока дальнѣйшій опытъ не придетъ намъ на помощь.

Приписать случайному поводу слишкомъ много вліянія на появленіе заболѣванія запрещаютъ условія времени, такъ какъ намеки на страхъ наблюдались у Ганса задолго до того, какъ онъ присутствовалъ на улицѣ при паденіи лошади.

Но во всякомъ случаѣ неврозъ непосредственно опирается на это случайное переживаніе и сохра-

няетъ слѣды его, возводя лошадь въ объектъ страха. Само по себѣ это впечатлѣніе не имѣетъ „силы травмы“; только прежнее значеніе лошади, какъ предмета особой любви и интереса, и ассоціація съ болѣе подходящимъ для роли травмы переживанія въ Gmunden'ѣ, когда во время игры въ лошадки упалъ Фрицъ, а затѣмъ уже легкій путь ассоціаціи отъ Фрица къ отцу придали этому случайно наблюдавшемуся несчастію столь большую дѣйствительную силу. Да, вѣроятно, и этихъ отношеній оказалось бы мало, если бы, благодаря гибкости и многосторонности ассоціационныхъ связей, то же впечатлѣніе не оказалось способнымъ затронуть другой комплексъ, затаившійся у Ганса въ сферѣ безсознательнаго,—роды беременной матери. Съ этого времени былъ открытъ путь къ возвращенію вытѣсненнаго, и по этому пути патогенный матеріалъ былъ переработанъ (транспонированъ) на комплексъ лошади, и всѣ сопутствующіе аффекты оказались превращенными въ страхъ.

Весьма интересно, что идейному содержанію фобіи пришлось еще подвергнуться искаженію и дополненію прежде, чѣмъ оно дошло до сознанія. Первая формулировка страха, высказанная Гансомъ: „лошадь укуситъ меня;“ она обусловлена другой сценой въ Gmunden'ѣ, которая, съ одной стороны, имѣетъ отношеніе къ враждебнымъ желаніямъ, направленнымъ на отца, съ другой—напоминаетъ предостереженіе по поводу онанизма. Здѣсь проявилось также отвлекающее вліяніе, которое, вѣроятно, исходило отъ родителей; я не увѣренъ, что сообщенія о Гансѣ тогда записывались достаточно тщательно, чтобы рѣшиться сказать, далъ ли онъ эту формулировку для своего страха до или только послѣ предупрежденія матери по поводу мастурбаціи. Въ противоположность

приведенной исторіи болѣзни я склоненъ предположить послѣднее. Въ остальномъ довольно ясно, что враждебный комплексъ по отношенію къ отцу повсюду скрываетъ похотливый комплексъ по отношенію къ матери; точно такъ же, какъ и въ анализѣ, онъ первымъ открывается и разрѣшается.

Въ другихъ случаяхъ болѣзни нашлось бы больше данныхъ, чтобы говорить о структурѣ невроза, его развитіи и распространеніи, но исторія болѣзни нашего маленькаго Ганса слишкомъ коротка; она вскорѣ же послѣ начала смѣняется исторіей лѣченія. Когда фобія въ продолженіе лѣченія казалась дальше развивающейся, привлекала къ себѣ новые объекты и новыя условія, то лѣчившій Ганса отецъ оказывался, конечно, достаточно благоразумнымъ, чтобы видѣть въ этомъ только проявленіе уже готоваго, а не продукцію новаго, которое могло бы затормозить лѣченіе. На такое благоразумное лѣченіе въ другихъ случаяхъ не всегда можно рассчитывать.

Прежде, чѣмъ я объявлю этотъ синтезъ законченнымъ, я долженъ принять въ соображеніе еще другую точку зрѣнія, при которой мы очутимся посреди трудностей пониманія невротическихъ состояній. Мы видимъ, какъ нашего маленькаго пациента охватываетъ волна вытѣсненія, которое касается преимущественно его преобладающихъ сексуальныхъ компонентовъ. Онъ признается въ онаніи, съ отвращеніемъ отвергаетъ отъ себя все то, что напоминаетъ экскременты и операціи, связанныя съ дѣйствіемъ кишечника. Но это не тѣ компоненты, которые затронуты при поводѣ заболѣванія (паденіе лошади) и которые продуцируютъ матеріалъ для симптомовъ, содержаніе фобіи.

Такимъ образомъ, здѣсь есть поводъ установить принципиальное различіе. Вѣроятно, можно достиг-

нута болѣе глубокаго пониманія случая болѣзни, если обратиться къ тѣмъ другимъ компонентамъ, которые удовлетворяютъ обоимъ вышеприведеннымъ условіямъ. У Ганса это—стремленія, которыя уже раньше были подавлены и которыя, насколько мы знаемъ, никогда не могли проявиться незаторможенными: враждебно ревнивыя чувства къ отцу и садистическія, соотвѣтствующія предчувствію coitus'a, влеченія къ матери. Въ этихъ раннихъ торможеніяхъ лежитъ, быть-можетъ, предрасположеніе для позже появившейся болѣзни. Эти агрессивныя наклонности не нашли у Ганса никакого выхода, и какъ только онъ въ періодъ лишенія и повышеннаго сексуальнаго возбужденія, получивши поддержку, собирались проявиться наружу, вспыхнула борьба, которую мы называемъ „фобіей“. Въ періодъ развитія ея проникаетъ въ сознаніе, какъ содержаніе фобіи, часть вытѣсненныхъ представленій, искаженныхъ и переработанныхъ на другой комплексъ; но, несомнѣнно, что это—жалкій успѣхъ. Побѣда остается за вытѣсненіемъ, которое при этомъ случаѣ захватываетъ и другіе компоненты. Но это ничего не измѣняетъ въ томъ, что сущность болѣзненнаго состоянія остается безусловно связанной съ природой компонентовъ влеченія, подлежащихъ удаленію. Умыселъ и содержаніе фобіи—это далеко идущее ограниченіе свободы движенія и, такимъ образомъ, мощная реакція противъ неясныхъ двигательныхъ импульсовъ, которые особенно склонны быть направлены на мать. Лошадь для нашего мальчика всегда была образцомъ для удовольствія отъ движенія („я молодая лошадь“, говоритъ Гансъ во время возни), но такъ какъ удовольствіе отъ движенія заключаетъ въ себѣ импульсъ coitus'a, то это удовольствіе неврозъ ограничиваетъ, а лошадь возводится въ символъ ужаса. Кажется,

что вытѣсненнымъ влеченіямъ въ неврозѣ ничего больше не остается, какъ честь доставлять въ сознаніе поводы для страха. Но какъ бы побѣда сексуальнаго отклоненія въ фобіи ни была отчетливо выраженной, все-таки компромиссная природа болѣзни не допускаетъ, чтобы вытѣсненное не могло достичь ничего другого. Фобія передъ лошадью—все-таки препятствіе выйти на улицу и можетъ служить средствомъ остаться дома у любимой матери. Здѣсь побѣдила его нѣжность къ матери; любящій цѣпляется вслѣдствіе своей фобіи за любимый объектъ, но онъ, конечно, заботится и о томъ, чтобы не испытать опасности. Въ этихъ обоихъ вліяніяхъ обнаруживается настоящая природа невротическаго заболѣванія.

Недавно А. Adler въ богатой идеями работѣ, изъ которой я взялъ терминъ „ограниченіе влеченія“, писалъ, что страхъ происходитъ отъ подавленія „агрессивнаго влеченія“, и въ обширномъ синтезѣ онъ приписалъ этому влеченію главную роль „въ жизни и въ неврозѣ“. Если бы мы въ концѣ концовъ были склонны признать, что въ нашемъ случаѣ фобіи страхъ объясняется вытѣсненіемъ тѣхъ агрессивныхъ склонностей, враждебной къ отцу и садистической къ матери, то мы имѣли бы блестящее подтвержденіе взглядовъ Adler'a. И все-таки я съ этимъ не могу согласиться, такъ какъ это ведетъ къ вносящимъ заблужденіе обобщеніямъ. Я не могу рѣшиться признать особое агрессивное влеченіе на ряду и на одинаковыхъ правахъ съ извѣстными намъ влеченіями самосохраненія и сексуальнымъ. Мнѣ кажется, что Adler неправильно считаетъ за особенное влеченіе общій и непремѣнный характеръ всякаго влеченія и именно то „побуждающее“ настойчивое, что мы могли бы описать какъ способность давать толчокъ двига-

тельной сферѣ. Изъ всѣхъ влеченій не осталось бы ничего, кромѣ отношенія къ цѣли, послѣ того, какъ мы отняли бы отъ нихъ отношеніе къ средствамъ для достиженія этой цѣли, „агрессивное влеченіе“. Несмотря на всю неувѣренность и неясность нашего ученія о влеченіяхъ, я все таки пока держался бы привычныхъ воззрѣній, которыя признаютъ за каждымъ влеченіемъ свою собственную возможность сдѣлаться агрессивнымъ и безъ того, чтобы быть направленнымъ на объектъ. И въ обоихъ влеченіяхъ, достигшихъ вытѣсненія у Ганса, я призналъ бы давно извѣстные компоненты сексуальнаго libido.

III.

Прежде, чѣмъ я приступлю къ своимъ краткимъ замѣчаніямъ по поводу того, что можно извлечь цѣннаго изъ фобіи маленькаго Ганса для жизни и воспитанія дѣтей, я долженъ отвѣтить на возраженіе, что Гансъ—невротикъ,отягченныйнаслѣдственностью дегенерантъ и ненормальный ребенокъ сравнительно съ другими дѣтьми. Мнѣ уже заранѣе досадно думать, какъ сторонники существованія „нормальнаго чловѣка“ будутъ третировать нашего маленькаго бѣднаго Ганса, послѣ того какъ узнаютъ, что у него дѣйствительно можно отмѣтить наслѣдственное отягощеніе.

Я въ свое время пришелъ на помощь его матери, которая въ своемъ конфликтѣ дѣвичьяго періода заболѣла неврозомъ, и это даже было началомъ моихъ отношеній къ его родителямъ. Но я позволю себѣ лишь съ большой радостью привести кое-что въ его защиту.

Прежде всего Гансъ совсѣмъ не то, что послѣ строгаго наблюденія можно было бы назвать дегенера-

тивнымъ, наследственно обреченнымъ на нервозность ребенкомъ. Наоборотъ, это скорѣе физически хорошо развитой веселый, любезный, съ живымъ умомъ мальчишка, который можетъ вызвать радость не только у отца. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію его скороспѣлое половое развитіе, но для правильнаго сужденія у насъ нѣтъ достаточнаго сравнительнаго матеріала. Такъ, напр., изъ одного массоваго изслѣдованія, произведеннаго въ Америкѣ, я могъ видѣть, что подобные же ранній выборъ объекта и любовныя ощущенья у мальчиковъ вовсе не такъ рѣдки; а такъ какъ то же извѣстно и изъ исторіи дѣтства „великихъ“ людей, то я склоненъ былъ бы думать, что сексуальная скороспѣлость является рѣдко отсутствующимъ коррелятомъ интеллектуальнаго развитія, и поэтому она встрѣчается чаще у одаренныхъ дѣтей, чѣмъ этого можно было ожидать.

Проявляя дальше свою партійность, признанную мною по отношенію къ маленькому Гансу, я долженъ заявить, что онъ не единственный ребенокъ, который въ періодъ дѣтства былъ бы одержимъ фобіями. Извѣстно, что эти заболѣванія необыкновенно часты и даже у такихъ дѣтей, воспитаніе которыхъ по строгости не оставляетъ желать ничего большаго. Такія дѣти позже или дѣлаются невротиками или остаются здоровыми. Ихъ фобіи разыгрываются въ дѣтской, потому что для лѣченія онѣ недоступны и, навѣрно, весьма неудобны. Въ теченіе мѣсяцевъ или лѣтъ эти фобіи ослабѣваютъ и кажутся излѣченными; какія психическія измѣненія обусловливаетъ подобное излѣченіе, какія связаны съ ними измѣненія характера, объ этомъ никто не знаетъ. И когда приступаешь къ психоанализу взрослого невротика, у котораго болѣзнь, предположимъ, обнаружилась только въ годы зрѣлости, то регулярно узнаешь, что его неврозъ

связанъ съ такимъ дѣтскимъ страхомъ и представляетъ только продолженіе его, и что непрерывная, а въ то же время ничѣмъ не стѣсняемая психическая работа, начинаясь съ дѣтскихъ конфликтовъ, продолжается и дальше въ жизни независимо отъ того, отличался ли первый симптомъ постоянствомъ или подъ давленіемъ обстоятельствъ исчезалъ. Такимъ образомъ, я думаю, что нашъ Гансъ былъ боленъ не сильнѣе, чѣмъ столь многія другія дѣти, которыя не носятъ клички дегенератовъ; но такъ какъ его воспитывали осторожно, безъ строгостей и съ возможно малымъ принужденіемъ, то и его страхъ проявился болѣе открыто. У этого страха не было мотивовъ нечистой совѣсти и страха передъ наказаніемъ, которые, навѣрное, обыкновенно оказываютъ вліяніе на уменьшеніе его. Я склоненъ думать, что мы обращаемъ слишкомъ много вниманія на симптомы и мало заботимся о томъ, откуда они происходятъ. Вѣдь въ дѣлѣ воспитанія дѣтей мы ничего больше не желаемъ, какъ покоя, не желаемъ переживать никакихъ трудностей, коротко сказать, мы культивируемъ послушнаго ребенка и слишкомъ мало обращаемъ вниманія, полезенъ ли для него такой ходъ развитія. Итакъ, я могу предположить, что продуцированіе фобіи Гансомъ было для него цѣлительнымъ, потому что 1) оно направило вниманіе родителей на неизбѣжныя трудности, которыя ребенку при современномъ культурномъ воспитаніи приносятъ преодоленіе прирожденныхъ компонентов влеченія, 2) потому, что его болѣзнь повлекла за собой подачу помощи отцомъ. Быть-можетъ, у него даже есть преимущество передъ другими дѣтьми, что онъ больше не носитъ въ себѣ того ядра вытѣсненныхъ комплексовъ, которое для будущей жизни всякій разъ должно имѣть какое-нибудь значеніе. Оно, навѣрно, приноситъ съ собой въ извѣстной мѣрѣ

неправильное развитіе характера, если не предрасположеніе къ будущему неврозу. Я склоненъ такъ думать, но я не знаю, раздѣляютъ ли мое мнѣніе и другіе, подтвердить ли все это опытъ.

Но долженъ спросить, чѣмъ повредили Гансу выведенные на свѣтъ комплексы, которые не только вытѣсняются дѣтьми, но которыхъ боятся и родители? Развѣ мальчикъ началъ серьезно относиться къ своимъ претензіямъ на мать, или мѣсто дурныхъ намереній по отношенію къ отцу заняли поступки? Этого, навѣрно, боялись бы всѣ тѣ, которые не могутъ оцѣнить сущность психоанализа и думаютъ, что можно усилить дурныя побужденія, если сдѣлать ихъ сознательными. Эти мудрецы только тогда поступаютъ послѣдовательно, когда они всячески убѣждаютъ не заниматься всѣми тѣми дурными вещами, которыя кроются за неврозомъ. Во всякомъ случаѣ они при этомъ забываютъ, что они врачи, и у нихъ обнаруживается фатальное сходство съ шекспировскимъ Dog berry въ „Много шуму изъ-за ничего“, который тоже даетъ стражѣ совѣтъ держаться вдали отъ всякаго общенія съ попавшимися ворами и разбойниками. Подобный сбродъ вовсе не компанія для честныхъ людей! *)

Наоборотъ, единственныя послѣдствія анализа—это то, что Гансъ выздоравливаетъ, не боится больше лошадей и начинаетъ относиться къ отцу болѣе фамиліарно, о чемъ послѣдній сообщаетъ съ удовольствіемъ.

*) Я не могу удержаться, чтобы не задать вопроса, откуда противники моихъ взглядовъ получаютъ свои, повидимому, обширныя знанія на счетъ того, играютъ ли роль вытѣсненные сексуальныя влеченія (и какія изъ нихъ) въ этиологіи неврозовъ, если они закрываютъ ротъ пациенту, какъ только тотъ начинаетъ говорить про свои комплексы и ихъ производныя? Единственное знаніе, которое остается для нихъ доступнымъ,—это сообщенія мои и моихъ послѣдователей.

Но все, что отецъ теряетъ въ уваженіи, онъ выигрываетъ въ довѣріи. „Я думалъ, что ты знаешь все, потому что ты зналъ это о лошади“. Благодаря анализу, успѣхъ вытѣсненія не ослабляется, влеченія, которыя были въ свое время подавлены, остаются подавленными. Но успѣхъ получается другимъ путемъ, такъ какъ анализъ замѣняетъ автоматическій и эксцессивный процессъ вытѣсненія плано- и цѣлемѣрной переработкой при помощи высшихъ духовныхъ инстанцій.

Однимъ словомъ, онъ замѣняетъ вытѣсненіе осужденіемъ. Намъ кажется, что анализъ даетъ давно ожидаемое доказательство того, что сознаніе носить біологическую функцію, и его участіе приносить значительную выгоду.

Если бы я могъ самъ все устроить по-своему, я рѣшилъ бы дать мальчику еще одно разъясненіе, котораго родители не сдѣлали. Я подтвердилъ бы его настойчивыя предчувствія, рассказавши ему о существованіи *vaginae* и *coitus'a* и такимъ образомъ еще больше уменьшилъ неразрѣшенный остатокъ и положилъ бы конецъ его стремленію къ задаванію вопросовъ. Я убѣжденъ, что вслѣдствіе этихъ разъясненій не пострадала бы ни его любовь къ матери, ни его дѣтскій характеръ, и онъ понялъ бы, что съ занятіями этими важными, даже импозантными вопросами нужно подождать, пока не исполнится его желаніе стать большимъ. Но педагогическій экспериментъ не былъ доведенъ такъ далеко.

Что между „нервными“ и „нормальными“ дѣтьми и взрослыми нельзя провести рѣзкой границы, что „болѣзнь“—это чисто практическое суммарное понятіе, что предрасположеніе и переживаніе должны встрѣтиться, чтобы переступить порогъ достиженія этой суммаціи, что вслѣдствіе этого то и

дѣло многіе индивидуумы переходятъ изъ класса здоровыхъ въ разрядъ нервно-больныхъ—все это вещи о которыхъ уже столько людей говорило и столько поддерживало, что я со своими утвержденіями, навѣрное, окажусь не одинокимъ. Что воспитаніе ребенка можетъ оказать мощное вліяніе въ пользу или во вредъ предрасположенію къ болѣзни при этомъ процессѣ суммаціи, считается по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ. Но чего надо добиваться при воспитаніи и гдѣ надо въ него вмѣшаться, до сихъ поръ остается подъ вопросомъ.

До сихъ поръ воспитаніе всегда ставило себѣ задачей обуздываніе или правильное подавленіе влеченій; успѣхъ получался далеко не удовлетворительный, а тамъ, гдѣ онъ имѣлся, то—къ выгодѣ маленькаго числа людей, для которыхъ такого подавленія и не требовалось. Никто также не спрашивалъ себя, какимъ путемъ и съ какими жертвами достигается подавленіе неудобныхъ влеченій. Но попробуемъ эту задачу замѣнить другой, и именно—сдѣлать индивидуума при наименьшихъ потеряхъ въ его активности пригоднымъ для культурной соціальной жизни. Тогда нужно принять во вниманіе всѣ разъясненія, полученныя отъ психоанализа, по поводу происхожденія патогенныхъ комплексовъ и ядра всякой нервозности, и воспитатель найдетъ уже въ этомъ неоцѣнимыя указанія, какъ держать себя по отношенію къ ребенку. Какіе практическіе выводы можно отсюда извлечь, и насколько нашъ опытъ можетъ оправдать проведеніе этихъ выводовъ въ нашу жизнь при современныхъ соціальныхъ отношеніяхъ, я предоставляю другимъ для испытанія и разрѣшенія.

Я не могу разстаться съ фобіей нашего маленькаго пациента, не высказавши предположенія, которое дѣлаетъ для меня особенно цѣннымъ этотъ анализъ,

приведшій къ излѣченію. Строго говоря, изъ этого анализа я не узналъ ничего новаго, ничего такого, чего я уже раньше, быть-можетъ, въ менѣе отчетливой и непосредственной формѣ не могъ угадать у другихъ взрослыхъ. Неврозы этихъ другихъ больныхъ каждый разъ можно бы свести на такіе же инфантильные комплексы, которые открывались за фобіей Ганса. Поэтому я считалъ бы возможнымъ считать этотъ дѣтскій неврозъ типичнымъ и образцовымъ, какъ если бы ничто не мѣшало приписывать разнообразіе невротическихъ явленій вытѣсненія и богатство патогеннаго матеріала происхожденію отъ очень не многихъ процессовъ съ одними и тѣми же комплексами представленій.

Книгоиздательство и книжный складъ

„НАУКА“.

Пособія, необходимыя при комплектованіи библиотекъ и организаціи при нихъ справочно-библиографическаго отдѣла:

Н. Рубакинъ. Среди книгъ. Опытъ обзора русск. книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-филос. и лит.-обществ. идей. Изд. II, совершенно переработ. Т. I. XXIV + 119 + 424 стр. 1911 г. 3 р. Т. II (печат.).

Библиографическій Ежегодникъ. Подъ редакціей **И. В. Владиславлева.** (*Выходитъ ежегодно въ февраль*). Вып. I. 1912 г. 208 + XXXII стр. 60 к. Вып. II, 1913 г. 312 + XXXIV стр. 90 к.

Содержаніе II выпуска: I. Указатель выш. за годъ книгъ (до 6000). II. Указ. журн. статей (изъ 47 журналовъ). III. Указ. рецензій (изъ 44 період. изданій). IV. Библиогр. иностран. лит. о Россіи. V. Библиогр. по разл. отраслямъ знанія въ нѣмецк. журналахъ. VI. Отошедшіе (некрологъ). VII. Конфисков. за годъ изданія. VIII. Свѣдѣнія о періодич. печати.

Систематическій каталогъ книгъ, выш. въ 1910 г. Съ прилож. указ. рецензій и статей **И. Владиславлева** о международной библиографич. десятичной классификаціи. 25 к.

Н. Ульяновъ. Указатель. журн. литературы (алфавитный, предметный, систематическій). Вып. I. 1906—1910 гг. 90 к. Вып. II. 1895—1905 гг. 1 р. 50 к.

И. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Изд. II, переработ. и доп. 244 + XII стр. 1913 г. 1 р.

Содержаніе: I. Худож. литература. II. Критика и публицистика. III. Исторія лит. IV. Указ. по эпохамъ, въ связи съ ист. и историко-лит. матеріалами.

В. Брусянинъ. Указатель книгъ и статей о Госуд. Думѣ (I, II, III и IV). 1913 г. 40 к.

И. Владиславлевъ. Что читать? Указат. системат. домашн. чтенія для учащихся съ предисл. **Н. Рубакина** 1911 г. Вып. I. 25 к. Вып. II. 40 к.

Книгоиздательство и книжный магазинъ „НАУКА“.

Москва, Вол. Никитская, д. № 10. Телеф. 2-54-99.

Издания Студенческой Медицинской Издательской Комиссіи имени Н. И. ПИРОГОВА.

- Альбертъ, проф. Диагностика хирургическихъ болѣзней. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. Ц. 1 р. 75 к.
- Боккенгеймеръ. Руководство къ лѣченію переломовъ. Ц. 2 р. 10 к. (въ переплетѣ).
- Бернштейнъ, пр.-доц. Экспериментально-психологическая методика изслѣдованія больныхъ, съ 23 рис. и 18 таблицами на отдѣльныхъ листахъ. Ц. 1 р. 25 к. (въ перепл.).
- Голубининъ, проф. Минеральныя воды и лѣчебныя грязи. Ц. 3 р.
- Готье, пр.-доц. Краткій терапевтическій указатель. Вып. I. Внутреннія болѣзни. Ц. 35 к.
- Губаревъ, проф. Акушерское изслѣдованіе (наружное и внутреннее). Практическій курсъ для студентовъ и врачей. Ц. 1 р. (въ переплетѣ).
- Его же. Обеззараживаніе (пріемъ гинекологической клиники). Ц. 40 к.
- Кожевниковъ, проф. Курсъ нервныхъ болѣзней. 5-е изд., исправленн. и дополн. проф. Ротомъ. Ц. 2 р. (въ переплетѣ).
- Маклаковъ, проф. Краткая терапія глазныхъ болѣзней. Ц. 40 к. (въ переплетѣ).
- Миноръ, А. С., пр.-доц. Краткая терапія нервныхъ болѣзней для студентовъ и врачей. Ц. 1 р. 20 к. (въ переплетѣ).
- Нейсель. Грудная жаба. Ц. 40 к. (въ переплетѣ).
- Побѣдинскій, проф. Краткій учебникъ акушерства. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 25 к. (въ переплетѣ).
- Сербскій, проф. Психіатрія. Ц. 3 р. (въ переплетѣ).
- Снегиревъ, проф. Клиническія лекціи по женскимъ болѣзнямъ. Ц. 1 р. 25 к. (въ переплетѣ).
- Снегиревъ, прив.-доц. Терапія женскихъ болѣзней. Ц. 40 к. (въ переплетѣ).
- Тальянцевъ, проф. Повторительный курсъ общей патологін. Изд. 4-е испр. и дополн. Ц. 2 р. (въ перепл.).
- Фирордтъ, проф. Перкуссія и аускультация. Переводъ съ 9 нѣмецкаго изд. подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Голубева. Ц. 50 к. (въ переплетѣ).
- Членовъ. Половая перепись московскаго студенчества. Ц. 50 к.

97 bel

390402/882

176 446/283

15-

310

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Б. Никитская, д. 10, книжн. складъ „Наука“.

Телефонъ 254—99.

Типографія О. Л. Сомовой, Большая Никитская, домъ № 60.

Цена 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Б. Никитская, д. 10, книжн. складъ „Наука“.

Телефонъ 254—99.

Типографія О. Л. Сомовой, Большая Никитская, домъ № 60.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

IX.

S. Freud.

ПСИХОАНАЛИЗЪ ДѢТСКАГО СТРАХА.

**Книгоиздательство
„НАУКА“.**